

PATTERSON
ДЖЕЙМС

ПАТТЕРСОН

МЕДОВЫЙ
МЕСЯЦ

Триллер,
перед которым
«Основной инстинкт»
кажется просто детской
забавой!

The International Bestseller

Смерть преследует всех мужчин, очарованных красотой Норы Синклер, а их миллионы оказываются на ее офшорных счетах.

Цепь невероятных совпадений?

Несколько лет Норе удавалось убеждать в этом всех, даже полицию.

Но теперь ею заинтересовалась ФБР, не верящее в такие совпадения.

Дело о загадочной гибели молодых состоятельных мужчин поручают опытному агенту Джону О'Харе.

Поначалу он предполагает, что перед ним классическая «черная вдова» — убийца богатых мужей и любовников.

Но чем дольше Джон размышляет над странными событиями в жизни Норы, тем яснее осознает: расследуя запутанное дело, он рискует очень многим. Не исключено, что даже собственной жизнью...

- [Джеймс Паттерсон, Говард Роуэн](#)

- [Пролог](#)

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)

- [Часть вторая](#)

- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)

- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 86](#)
 - [Глава 87](#)
 - [Глава 88](#)
 - [Глава 89](#)
 - [Глава 90](#)
 - [Глава 91](#)
 - [Глава 92](#)
 - [Глава 93](#)
 - [Глава 94](#)
 - [Глава 95](#)
 - [Глава 96](#)
 - [Глава 97](#)
 - [Глава 98](#)
 - [Глава 99](#)
 - [Глава 100](#)
 - [Глава 101](#)
 - [Глава 102](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава 103](#)
 - [Глава 104](#)
 - [Глава 105](#)
 - [Глава 106](#)
 - [Глава 107](#)
 - [Глава 108](#)
 - [Глава 109](#)
 - [Глава 110](#)
 - [Глава 111](#)
 - [Глава 112](#)
 - [Глава 113](#)
 - [Глава 114](#)
 - [Глава 115](#)
 - [Глава 116](#)
 - [Глава 117](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Джеймс Паттерсон, Говард Роуэн

Медовый месяц

Пролог

Что со мной?

«Вещи далеко не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд».

Минуту назад я чувствовал себя абсолютно здоровым и вдруг скрючился в три погибели и в агонии схватился за живот, не понимая, что со мной происходит.

Я знаю только то, что ощущаю в данный момент, и не могу поверить в реальность происходящего. Такое чувство, будто внутреннюю часть живота выжигают страшным огнем. Я стону от боли, кричу от ужаса, а еще молюсь — молюсь, чтобы все это наконец-то закончилось.

Но боль не утихает.

Неистребимый огонь продолжает выжигать мою плоть изнутри, разрывает желчный пузырь, и капли желчи просачиваются, окропляя все внутренние органы... кап... кап... кап. Воздух мгновенно наполняется дурманящим запахом моего разлагающегося тела.

«Я умираю», — говорю я себе.

Впрочем, не умираю. Это хуже, чем смерть. Гораздо хуже. С меня просто сдирают кожу, сдирают изнутри, и это еще только начало.

Как всепоглощающий огонь, боль заполняет мое тело и медленно поднимается к горлу, где в конце концов взрывается и перекрывает доступ свежего воздуха. Я начинаю задыхаться и судорожно хватаю ртом воздух. Потом падаю на пол, не в силах выбросить вперед руки, и изо всей силы ударяюсь головой о грубый деревянный пол. От удара моя голова, кажется, раскалывается на части, а из открытой раны над правой бровью на пол начинают стекать тонкие струйки крови. Я несколько раз моргнул от боли, но это было все, на что я оказался сейчас способен. Да и что я мог сделать, если на такую рану надо накладывать швы?

А боль тем временем становилась сильнее. Порой мне казалось, что она выходит из меня через нос, через рот и даже через уши. Боль наполняет мои глаза, отчего они раздуваются, как маленькие шарики, готовые лопнуть в любую минуту.

Я попытался подняться на ноги, но так и не смог этого сделать. Ноги налились свинцом и подкашивались при каждом движении. Ванная комната была в десяти футах от меня, но сейчас мне казалось, что до нее десять миль, не меньше.

С огромным трудом мне удалось приподняться, и я на четвереньках пополз к ванной. Там я заперся изнутри и опять рухнул на пол, не в силах больше держаться на онемевших ногах. И снова ударился головой, но на этот раз удар о холодный каменный пол ванной был настолько сильным, что в голове что-то треснуло, а коренные зубы, казалось, раскололись на части.

Я видел, что раковина недалеко от меня, но она, как и все остальное, кружилась перед глазами, не давая возможности сосредоточиться на ней. Я с большим трудом протянул руку и попытался ухватиться за ее край, но не смог этого сделать. Все тело раскалывалось от боли, а любое движение порождало ощущение, что через него пропустили ток силой в тысячу вольт. Никаких шансов.

Но я собрался с силами и пополз к спасительной раковине. Невыносимая боль пронизала все тело, затронув даже кончики пальцев. В этот момент мне казалось, что даже ногти наполнены резкой болью, когда я цеплялся ими за края кафельной плитки. У самой раковины я из последних сил обхватил рукой ее основание и с трудом приподнял голову. Мне каким-то образом удалось открыть рот и вдохнуть глоток воздуха. Потом я стал медленно подниматься вверх, чувствуя, как разрываются в клочья грудные мышцы. Было такое ощущение, что какая-то неведомая сила терзает их, превращая в окровавленные куски плоти, которые затем швыряет на

пол.

Послышался стук в дверь. Я испуганно повернул голову, с трудом удерживаясь на ногах. Стук становился все более громким и настойчивым. В какой-то момент он превратился в грохот.

Если бы это гроыхание означало для меня спасение, если бы хоть кто-то пришел мне на помощь и избавил от невыносимой боли!

Но нет, тот, кто стучал в эту дверь, меня не спасет. Теперь я уже понимал, что происходит. Конечно, я не знал, что именно убивает меня сейчас, но зато очень хорошо знал, кто это делает.

Нора чувствовала, что Коннор внимательно наблюдает за ней.

Он всегда делал это, когда она собирала вещи, отправляясь в очередную поездку. В такие минуты Коннор облакачивался на дверь спальни всей массой огромного, более шести футов, тела и молча смотрел на нее, засунув руки в карманы брюк фирмы «Докерс». Он ненавидел даже самую мысль о расставании с ней, и это всегда отражалось на его угрюмом лице.

Обычно Коннор стоял молча, пил свою любимую минеральную воду «Эвиан» и недовольно глядел, как она торопливо пакует дорожную сумку. Однако в этот вечер он не сдержался.

— Не уезжай, — произнес Коннор глубоким голосом.

Нора повернулась к нему с приветливой улыбкой на губах.

— Ты же знаешь, что я не могу отказаться. Мне самой это осточертело, но ничего не поделаешь.

— Не уезжай, Нора. Просто скажи нет, и все. Пошли их ко всем чертям. Я ужасно соскучился по тебе.

С первого дня их знакомства Нора хорошо знала, каким уязвимым и беззащитным может быть Коннор в общении с ней, и это пробуждало в ней трогательные чувства. Тем более что такое поведение Коннора резко контрастировало с его положением крупного публичного деятеля, очень богатого человека и весьма преуспевающего менеджера, который владеет достаточно успешной компанией в Гринвиче и имеет офис в Лондоне. Даже по выражению глаз Коннора можно было без труда определить, что он обладает всеми качества льва — мощью, решительностью и гордостью.

И в самом деле, в свои относительно молодые годы, в возрасте сорока лет, Коннор выглядел царственной особой, самым настоящим королем на фоне окружающих его людей. А в лице Норы, которой было тридцать три года, он нашел свою королеву, нежная душа ее вполне соответствовала его царственному облику.

— Знаешь, я мог бы связать тебя по рукам и ногам и оставить в этой спальне, — шутливым тоном заметил Коннор.

— Очень остроумная шутка. — Она бросила на него игривый взгляд, после чего опять стала рыться в сумке, проверяя наличие каких-то важных для нее мелочей. — Ты бы лучше помог мне найти мой зеленый кардиган, — озабоченно проворчала Нора.

Коннор улыбнулся. Ему нравилось общаться с ней. Только эта женщина понимала его не совсем удачные шутки и всегда реагировала на них спокойно, без лишних эмоций.

— Ты имеешь в виду тот, что с перламутровыми пуговицами? Так он там, в шкафу.

Нора весело рассмеялась:

— Значит, ты снова повадился в мой платяной шкаф и оставляешь там свои вещи?

Она быстро пошла в гардеробную комнату и вскоре вернулась оттуда с зеленой кофтой в руках. В этот момент Коннор подошел к кровати и уставился на нее немигающим и очень хитрым взглядом.

— О-о! — простонала Нора. — Мне хорошо знаком этот взгляд.

— Какой взгляд? — изображая недоумение, спросил он.

— Тот самый, который выражает желание получить прощальный подарок. — На какое-то мгновение Нора остановилась в раздумье, а потом слегка покраснела от смущения, бросила зеленую кофту на кровать и приблизилась к нему. На ней в этот момент были только узкие трусики и соответствующий им ажурный бюстгальтер. — Подарок от меня, — едва слышно прошептала она ему на ухо.

Коннор не преминул воспользоваться этой секундой, обняв Нору за плечи и прижав к себе. Он нежно поцеловал ее в шею, потом в оба плеча, после чего опустился ниже и стал осыпать поцелуями выпуклые изгибы небольших, но упругих грудей. При этом он одной рукой продолжал удерживать ее, а другой лихорадочно возился с застежкой бюстгалтера на ее спине.

Нора напряглась всем телом, с трудом сдерживая дрожь. «Умный, веселый и необыкновенно хорош в постели, — подумала она. — О чем еще может мечтать любящая его женщина?»

Коннор опустился на колени и поцеловал ее слегка выпуклый, но все еще упругий живот. Погладив пупок, он несколько раз провел по нему языком, а потом стал опускаться ниже, попутно сворачивая в трубочку ее тонкие трусики.

— О... — прошептала Нора, закрыв глаза. — Как это... приятно.

Через минуту настал ее черед. Когда Коннор выпрямился перед ней во весь свой огромный рост, она стала раздевать его. Движения Норы были быстрыми, ловкими, но вместе с тем чувственными и нежными.

Какое-то время они стояли совершенно обнаженными и любовались друг другом, словно пытаясь запомнить каждую деталь, каждый изгиб тела.

И вдруг Нора игриво толкнула Коннора на кровать и весело рассмеялась, когда он плюхнулся на спину, широко расставив ноги. От этого его возбужденная плоть стала еще более впечатляющей. Нора с восхищением смотрела на совершенное мужское тело, а потом сунула руку в сумку, вынула оттуда ремень фирмы «Феррагамо» из черной эластичной кожи и намотала его на руку.

— Ну, так кто тут хотел связать меня по рукам и ногам? — шутливо спросила она, помахивая ремнем.

Через тридцать минут, завернувшись в домашний халат розового цвета, Нора спустилась на первый этаж роскошного трехэтажного особняка Коннора, выстроенного в неоклассическом колониальном стиле и занимавшего площадь более одиннадцати тысяч квадратных футов. Этот великолепный дом производил впечатление даже на фоне высоких стандартов района Брайерклиф-Мэнор и других аристократических поселков округа Уэстчестер.

Кроме того, каждая комната в доме была обставлена прекрасной мебелью, соответствующей самому изысканному вкусу, и содержала в себе немало любопытного — все из лучших антикварных салонов Нью-Йорка: «Элиеш — Ван Бримс», «Нью-кэнан антик», «Силк перс» и так далее. Воображение гостей поражали оригинальные полотна Моне и представителей художественной школы Хадсон Ривер, включая самого Томаса Коула. А в библиотеке стоял уникальный секретер британского короля Георга III, который когда-то принадлежал знаменитому семейству Морганов. На этом секретере всегда покоилась коробка для хранения сигар, которую бывший президент США Ричард Никсон подарил кубинскому лидеру Кастро вместе с подтверждающими документами. И в заключение следует упомянуть огромный винный погреб, в котором хранилось почти четыре тысячи бутылок превосходного вина.

По правде говоря, для оформления интерьера своего дворца Коннору пришлось нанять целую армию нью-йоркских дизайнеров, и среди них он в конце концов выбрал самого лучшего специалиста в этой области. Дизайнер произвела на него такое впечатление, что он вскоре пригласил ее на свидание, а еще через полгода она оказалась в его постели. Надо сказать, что эта встреча пришлась по душе им обоим. Ей было удивительно хорошо от общения с интересным и сильным человеком, а он просто сходил с ума от ее умения вдохнуть в него наполненную новым смыслом жизнь. Никогда еще он не испытывал такого счастья, как с этой женщиной.

За пять лет до этого Коннор встретил свою первую любовь, обожал ее, боготворил, но его невеста Мойра внезапно умерла от рака, и он даже представить не мог, что когда-нибудь снова сможет полюбить. И тут в его жизни неожиданно появилась Нора Синклер...

Спустившись на первый этаж, Нора пересекла мраморный холл, миновала столовую и вошла в кухню, свое любимое место. Она так проголодалась после любовных игр с Коннором, что решила немного перекусить перед дальней дорогой. До поступления в Нью-йоркскую школу дизайна Нора мечтала получить образование в кулинарном училище и стать первоклассным шеф-поваром — даже ходила с этой целью на курсы школы «Ле кордон блю» в Париже, но жизнь распорядилась иначе. С тех пор ей приходилось украшать интерьеры зданий, а не обеденные столы, но она ни на минуту не забывала о прежней страсти и использовала любую возможность, чтобы поколдовать на кухне. Это занятие и без того приносило ей огромное удовольствие, а в доме Коннора, горячо любимого Норой человека, она готова была совершить настоящие кулинарные чудеса. Впрочем, даже приготовление самого обыкновенного двойного чизбургера с луком и черной икрой доставляло им обоим несказанную радость.

Минут через пятнадцать она громко позвала Коннора:

— Дорогой, у меня все готово, а у тебя?

Он быстро спустился вниз в тех же брюках и майке, почти вбежал в кухню и обнял Нору, которая еще не отошла от плиты.

— Нет на земле другого такого места...

— Где мне хотелось бы остановиться, — продемонстрировав эрудицию, закончила она знаменитую фразу. Это было их любимое занятие. Один начинал какую-то фразу, а другой должен был завершить ее. Они называли это разделенной мантрой и постоянно проверяли друг

друга на психологическое соответствие, когда находились вместе. К счастью, такие взаимные экзамены они выдерживали легко. Несмотря на разное социальное происхождение и образование, они прекрасно дополняли друг друга и понимали практически с полуслова.

Коннор заглянул через ее плечо и посмотрел, как она режет на тоненькие колечки лук.

— Неужели ты никогда не плачешь от лука?

— Никогда, — смеясь, ответила Нора. — Он на меня не действует.

Коннор на всякий случай отошел в сторону и сел на стул.

— Когда за тобой приедет машина?

— Меньше чем через час.

Он молча кивнул и заерзал на стуле, устраиваясь поудобнее.

— А где находится этот твой клиент, который вынуждает тебя работать по воскресеньям?

— В Бостоне. Это недавно вышедший на пенсию человек, который только что купил и отремонтировал огромное предприятие в Бэк-Бэй.

Нора порезала лук, заправила им два огромных чизбургера, а потом налила Коннору пива, а себе — эвианской воды.

— Да, это вкуснее, чем чизбургеры от «Смита и Воленски», — заключил Коннор, прожевав первый кусок. — А если к этому добавить совершенно очаровательного шеф-повара, то вообще говорить не о чем.

Нора радостно улыбнулась:

— Ты еще не пробовал мое мороженое с клубникой. Я специально приготовила его для тебя. — Она сама обожала это мороженое и по особым случаям всегда подавала его к столу. А рецепт блюда она привезла из Цинциннати.

Нора сделала глоток из стакана и молча наблюдала, как Коннор с ужасающей быстротой поглощает ее чизбургер. Впрочем, он всегда ел быстро, как будто боялся опоздать на поезд. У него был отменный аппетит, и это всегда радовало ее.

— Боже мой! — воскликнул он, вытирая губы. — Как я люблю тебя!

— И я тебя тоже. — Она поставила на стол стакан с водой и посмотрела в его голубые глаза. — Я действительно очень люблю тебя. И не просто люблю, а восхищаюсь тобой.

Коннор поднял вверх обе руки, словно соглашаясь с ней:

— В таком случае чего же мы медлим?

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожилась Нора. — Я хочу сказать, что на тебе сейчас больше одежды, чем на мне.

Нора растерянно заморгала:

— Ну и что ты предлагаешь?

— Нет-нет, ничего особенного, — замахал руками Коннор. — Просто высказал вслух некую мысль, не более того. — С этими словами он сунул руку в карман и вынул оттуда небольшую коробочку голубого цвета с лейблом «Тиффани». Не успела Нора и слова сказать, как он опустился перед ней на колени и протянул ей коробку. — Нора Синклер! — торжественно объявил Коннор. — Ты сделала меня невероятно счастливым человеком. Я просто поверить не могу, что мне выпала такая потрясающая удача — встретить тебя. Ты выйдешь за меня замуж?

Нора оторопело смотрела на него, потом перевела взгляд на коробочку, медленно открыла ее и увидела сверкающий всеми цветами радуги огромный бриллиант. На глазах у нее появились слезы.

— Да, да, — прошептала она, а потом громко закричала: — Да! Я выйду за тебя, Коннор Браун! Я безумно люблю тебя!

Послышался звук откупориваемого шампанского. Коннор приподнял вверх бутылку заранее приготовленного вина «Дом Периньон» урожая 1985 года и налил два полных бокала. Кроме

того, он приготовил виски «Джек Дэниел» на тот случай, если Нора откажется от шампанского.

— За наше бесконечное счастье! — торжественно произнес он, высоко поднимая бокал.

— За наше бесконечное счастье! — эхом повторила она, сияя от переполнявшего ее чувства. — За нас и за нашу любовь!

Бокалы зазвенели, после чего оба выпили шампанское и взялись за руки. Последовали горячие объятия и страстные поцелуи. Их радостное возбуждение было прервано громким сигналом автомобиля, который напомнил им о предстоящей разлуке.

Через несколько минут еще один сигнал известил Коннора о том, что его невеста выезжает со двора.

— Я самая счастливая женщина в мире! — крикнула Нора через открытое окно автомобиля, помахав Коннору рукой.

По дороге в аэропорт Уэстчестера Нора долго не могла оторвать глаз от чудного обручального кольца. Коннор сделал ей прекрасный подарок. Бриллиант был не меньше четырех карат и представлял собой круглый сверкающий камень небесно-голубого цвета, обрамленный платиновой оправой. Кольцо хорошо смотрелось на ее изящном пальце, и создавалось впечатление, что оно находилось тут всегда.

— Вас забрать из аэропорта по возвращении, мисс Синклер? — спросил водитель, помогая ей выбраться из шикарного «линкольна» перед входом в здание терминала.

— Нет, спасибо, я сама доберусь, — сказала она, протягивая шоферу весьма щедрые чаевые. После этого она мило улыбнулась ему, помахала рукой, подхватила за ручку небольшой дорожный чемодан на колесиках и твердым шагом направилась в вестибюль терминала. Там она без колебаний проследовала мимо длинной очереди выстроившихся для регистрации пассажиров и свернула направо, где находился пункт посадки пассажиров первого класса. И все это время в ее ушах звучал мягкий голос Коннора, произносившего одну из их любимых мантр. «Меньше метаний...» — сказал бы он. «Больше денег», — ответила бы она ему.

Когда самолет поднялся в воздух и быстро набрал крейсерскую высоту, Нора наконец-то оторвала взгляд от обручального кольца и вынула из сумочки последний номер журнала «Дом и сад». На одной из глянцевых страниц была помещена огромная, во всю страницу, фотография того самого дома в Коннектикуте, который она оформила по заказу одного из своих клиентов. «Дерзновение в форме» — шел крупный заголовок поверх фотографии. Снимок получился весьма удачным, а следовавший на другой странице текст был полон превосходных оценок ее труда. Единственное, чего недоставало всему этому материалу, — упоминания ее имени.

Словом, не хватало как раз того, чего она больше всего желала.

Примерно через час самолет приземлился в бостонском аэропорту Логан. Нора быстро покинула терминал, без труда отыскала на стоянке автомашину «крайслер-себринг» с откидывающимся верхом, которую она всегда заранее арендовала, надела темные очки и вырулила на шоссе, ведущее в Бэк-Бэй — один из самых престижных районов Бостона.

Включив радио, она вспомнила про две вещи, которые всегда посещали ее в этом «Ореховом городе». Во-первых, здесь слишком много радиостанций, что само по себе затрудняет процесс выбора. Во-вторых, предыдущий обладатель этого автомобиля ничуть не беспокоился насчет музыки. А ведь автомобиль с открытым верхом всегда должен иметь фиксированные радиостанции с хорошей музыкой.

Недолго думая Нора нажала кнопку «поиск» и через некоторое время остановила свой выбор на приятной мелодии, которая не мешала ей наслаждаться дорогой в предвкушении предстоящей встречи. Ветер весело теребил ее распущенные волосы, а теплое июньское солнце приятно ласкало смуглую кожу лица. Настроение было превосходное, и она беззаботно напевала вместе с легендарным Фламингосом: «Мои глаза только для тебя одного».

Вскоре Нора свернула с шоссе и подъехала к большому особняку на авеню Содружества, что чуть ниже живописного парка Паблик гарден. Этот воскресный вечер подарил ей две удачи: свободную парковку перед домом и относительно безлюдный проезд по узкой дороге в самом центре парка.

— Чудесно! — воскликнула Нора, останавливая машину.

Еще несколько минут понадобилось, чтобы привести себя в порядок: поправить волосы и расправить помятую одежду. После этого она вышла из машины, подошла к двери и посмотрела на часы. Как раз время для очередного спектакля.

Нора отперла огромную парадную дверь из красного дерева ключами, которые Джеффри Уокер великодушно презентовал ей еще во время первой встречи. Дом, дескать, слишком большой, чтобы каждый раз спускаться вниз, встречая Нору, да и дверной звонок действует ему на нервы. «Очень мило с его стороны», — подумала она, радостно улыбаясь.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — крикнула Нора, остановившись в просторном холле. — Мистер Уокер?

Через секунду со второго этажа донеслись мелодичный звук трубы Майлса Дэвиса^[1] и его чудный голос. Она еще раз позвала хозяина дома, и вскоре над головой послышались шаги.

— Нора, это ты? — раздался голос с верхней ступеньки лестницы.

— А ты что, ждал кого-то другого? — весело спросила Нора. — Меня бы это очень расстроило.

Джеффри Уокер быстро спустился по лестнице вниз, обхватил Нору обеими руками и закружился с ней по просторному холлу, беспрестанно осыпая поцелуями. Потом он остановился, посмотрел ей в глаза и снова поцеловал в губы.

— Боже мой, как ты прекрасна! — выдохнул он, наконец-то опуская ее на пол.

Нора весело рассмеялась и шутливо ткнула его кулаком левой руки в живот. Вместо обручального кольца с бриллиантом, подаренного Коннором несколько часов назад, на ее пальце ярко сверкнул крупный сапфир весом в шесть карат, обрамленный дюжиной мелких бриллиантов. То был подарок Джеффри, которым Нора очень гордилась.

— Держу пари, ты говорил это всем своим женам, — шутливо произнесла она.

— Нет, Нора, только таким прелестным, как ты. Господи, как я соскучился по тебе! Да и как не соскучиться по такому очаровательному созданию? — Они оба громко рассмеялись и снова обменялись страстными поцелуями. — Ну, рассказывай, как ты долетела? — спросил он, немного успокоившись.

— Превосходно, — быстро ответила она. — Даже несмотря на коммерческий класс. А как твоя книга?

— Ну, знаешь, это не «Война и мир», разумеется, и даже не «Код да Винчи»^[2].

— Ты всегда так говоришь, Джеффри.

— И всегда оказываюсь прав.

В свои сорок два года Джеффри Сэйдж Уокер добился немалого успеха и слыл одним из самых популярных авторов, пишущих на исторические темы. Во всяком случае, его книги почти всегда оказывались в списке национальных бестселлеров. Кроме того, у него было несколько миллионов почитателей, большинство из которых, естественно, принадлежали к слабому полу. Они восторгались его остроумными сюжетами, сильными женскими характерами и ничуть не обижались на грубоватый тон книг Уокера и не всегда деликатные сцены, в которых любовь перемежалась с кровью и насилием.

Неожиданно Джеффри обхватил Нору обеими руками, взгромоздил себе на плечи и быстро понес вверх по лестнице. Нора шутливо отбивалась и визжала, а когда он направился в спальню, она успела ухватиться рукой за дверную ручку библиотеки и заставила его свернуть туда. В дальнем конце большой комнаты стояло его любимое кожаное кресло, в котором он задумал и написал все свои произведения.

— Ты всегда говорил, что именно в этом кресле тебе удаются работы, — сказала Нора. — Посмотрим, что у тебя получится на сей раз.

Джеффри осторожно опустил ее на большой кожаный диван, после чего поставил диск с

музыкой Норы Джонс^[3], которую они оба обожали. Когда в библиотеке зазвучал густой и сильный голос певицы, Нора откинулась на спинку дивана и подняла вверх ноги. Сладострастно ухмыляясь, Джеффри снял с нее туфли, затем легкие летние брюки I каштанового цвета и наконец-то добрался до ее ажурных трусиков.

Через минуту она осталась в чем мать родила и принялась проделывать то же самое с ним.

— Мой прекрасный и талантливый муженек, — прошептала она ему на ухо, стягивая с него джинсы.

В тот вечер Нора приготовила дичь с водочным соусом, овощной салат с мексиканской приправой, а потом принесла из винного погреба Джеффри бутылку прекрасного красного вина «Брунелло». И вскоре ужин был готов, причем именно в таком виде, в каком она любила больше всего.

Они наслаждались едой, пили вино и оживленно обсуждали последний роман Джеффри, посвященный временам Французской революции. За несколько дней до этого Джеффри вернулся из Парижа, где собрал весь необходимый материал и собственными глазами осмотрел места предполагаемых действий. Впрочем, он всегда стремился к наиболее полной достоверности и не упускал возможности посетить места описываемых событий. К сожалению, Нора тоже имела собственные обязательства, и ее напряженный график работы не позволял им встречаться так часто, как того хотелось обоим. Большую часть времени они проводили отдельно друг от друга, но постоянно стремились устранить этот неприятный недостаток.

И утешал еще тот факт, что в прошлое воскресенье они сочетались тайным браком в небольшом мексиканском городке Куернавака, после чего вернулись домой и торжественно отметили это событие. Причем не было никакой церковной мессы, никакой суеты, никакой регистрации в Соединенных Штатах и вообще никакой шумихи на сей счет. Иначе говоря, они состояли в браке, который можно назвать вполне современным — с минимальными супружескими обязанностями и минимальной ответственностью друг перед другом.

— Знаешь, Нора, — неожиданно сказал Джеффри, задумчиво ковыряя вилкой кусок мяса в тарелке, — я тут подумал, что нам действительно не мешало бы поехать куда-нибудь вместе и хорошо отдохнуть.

— Ты хочешь предложить мне давно обещанное свадебное путешествие?

Он приложил руку к груди и улыбнулся.

— Дорогая, для меня каждый день с тобой является медовым месяцем.

Нора ехидно ухмыльнулась:

— Прекрасный ход, мистер Знаменитый Писатель, но ты от меня так просто не отделаешься. Обещания надо выполнять.

— Ладно, куда ты хочешь поехать?

— Ну, к примеру, на южное побережье Франции, — скромно предложила она. — Мы могли бы хорошо повеселиться в «Отель дю Кап». Там неплохие условия.

— Может, в Италию? — сказал Джеффри, высоко поднимая свой бокал. — В Тоскану, например?

— Прекрасная идея! — воодушевилась Нора. — А еще лучше посетить оба этих места.

Джеффри запрокинул назад голову и громко захохотал.

— Ну вот, опять ты за старое, — шутливо сказал он, погрозив в воздухе пальцем. — Ты всегда хочешь получить все и сразу. Впрочем, почему бы и нет?

Они быстро покончили с ужином, после чего еще долго обсуждали перспективы свадебного путешествия. Среди наиболее часто упоминавшихся географических объектов были остров Бали, Мадрид, Вена и другие не менее интересные места. В конце концов они прикончили бутылку вина и договорились только о том, что следует призвать на помощь туристического агента и выяснить у него все детали предстоящего путешествия.

К одиннадцати часам Нора и Джеффри были уже в постели и с полной отдачей сил наслаждались любовью, как и подобает молодой супружеской паре, снедаемой истинной страстью.

На следующий день, вскоре после полудня, на углу Центрального парка и Сорок второй улицы Нью-Йорка, как раз перед зданием Центрального железнодорожного вокзала, прозвучал истерический женский крик. Стоявшая рядом дама огляделась вокруг и тоже заорала не своим голосом, а сопровождавший ее мужчина в ужасе пробормотал: «Черт возьми!» — и тут же бросился бежать прочь, увлекая за собой спутницу.

В ту же секунду стало ясно, что здесь творится что-то ужасное. И не где-нибудь, а в самом центре самого крупного города мира перед самым крупным железнодорожным вокзалом. Цепная реакция страха и паники в мгновение ока очистила площадь перед вокзалом, прибыв растерявшихся людей к обочине. И только три человека остались стоять на своих местах.

Одним из них оказался довольно толстый мужчина с большой лысеющей головой, рыжеватыми тонкими волосами и темными, свисающими на подбородок усами. Он был одет в изрядно поношенный коричневый костюм с широкими старомодными лацканами и такой же старомодный широкий галстук, почти полностью закрывавший некогда яркую рубашку. На земле у его ног стоял среднего размера чемодан черного цвета.

Рядом с толстым мужчиной находилась весьма симпатичная молодая особа лет двадцати с небольшим, светлые волосы которой рассыпались по плечам, отчасти скрывая покрытое веснушками лицо. Короткая юбка открывала ее стройные ноги, а верх был прикрыт белоснежным топом. С ее левого плеча свисала выдавшая виды сумка, отдаленно напоминающая школьный рюкзак.

Толстый мужчина и молодая женщина внешне не имели, да и не могли иметь между собой ничего общего, так как были полной противоположностью друг другу, однако в этот трагический момент судьба их связала. Причем связала намертво посредством огнестрельного оружия.

— Если ты подойдешь ко мне хотя бы на шаг, — рявкнул толстый мужчина с тяжелым ближневосточным акцентом, — я убью ее! — При этом он еще сильнее прижал ствол пистолета к виску девушки. — Клянусь, я раздроблю ей башку! И сделаю это без колебаний, мне все равно нечего терять!

Столь ужасные угрозы адресовались третьему участнику разыгравшейся драмы, который стоял на тротуаре примерно в десяти футах от этой пары. То был молодой парень в серых брюках свободного покроя и темной майке, из-за чего очень походил на самого обыкновенного туриста, коих пребывало немало в этой части города. Он вполне мог быть жителем побережья Тихого океана, к примеру, из штата Орегон или Вашингтон. Впрочем, он мог быть откуда угодно, но выглядел при этом вполне прилично.

Недолго думая Турист тоже вынул пистолет и направил его на толстяка с густыми усами. Причем целился прямо в лоб, ничуть не заботясь о том, что в результате выстрела может пострадать ни в чем не повинная молодая женщина.

— А мне наплевать на нее! — крикнул Турист, тщательно прицеливаясь.

— Стой на месте, я сказал! — еще громче гаркнул Толстяк. — Еще шаг и я разможжу ей голову! — Турист проигнорировал его предупреждение и сделал шаг вперед. — Клянусь, я убью ее!

— Не убьешь, — спокойно заметил Турист, приближаясь к Толстяку. — Потому что я сразу же убью тебя! — После чего он все же остановился, не спуская глаз с Толстяка. — Подумай хорошенько, дружище! Я знаю, что ты ни за что не откажешься от того, что находится в этом чемодане, но ты все же подумай, стоит ли он того, чтобы из-за него расставаться со своей жизнью?

Толстяк невольно бросил взгляд на чемодан, и его пухлое лицо исказила гримаса страдания. По всему было видно, что он напряженно обдумывает слова Туриста. Впрочем, может, и нет. Через секунду его толстые губы изогнулись в маниакальной ухмылке. Он снова прижал ствол пистолета к виску несчастной женщины.

— Пожалуйстаааааа! — взмолилась та, дрожа всем телом. — Пожалуйстааааа! — По ее щекам текли крупные слезы, и было видно, что она с трудом удерживает себя на ногах.

— Заткнись! — прикрикнул на нее Толстяк. — Заткнись и молчи, — добавил он ей в ухо. — Ты мешаешь мне! От твоего крика я вообще соображать не могу!

Турист тем временем неподвижно стоял на месте, вперив взгляд в палец Толстяка на спусковом крючке. Его голубые глаза казались совершенно неподвижными и готовыми ко всяким неожиданностям. Было очевидно, что ему не нравилось то, что он видел перед собой. Толстый кретин был явно готов выстрелить, что совсем не входило в планы Туриста. Только этого еще не доставало!

— Ну ладно, — наконец-то согласился Турист, поднимая вверх руку в примирительном жесте. — Успокойся, старик.

Он сделал несколько шагов назад и опустил руки, давая понять, что не имеет никакого желания обострять обстановку и подвергать риску ни в чем не повинную молодую женщину.

— Вот так-то будет лучше, — самодовольно ухмыльнулся Толстяк, еще крепче прижимая к себе женщину свободной правой рукой. — Значит, ты согласен со мной, что сам во всем виноват?

— Нет, это ты виноват, — нарочито равнодушно возразил Турист. — Впрочем, сейчас это совершенно не важно. Что я должен теперь, по-твоему, делать? Положить на асфальт пистолет? Ты этого хочешь?

Толстяк с недоверием смотрел на молодого парня, не зная, что делать.

— Ладно, но только медленно и без шуток, — наконец-то согласился он.

— Какие тут могут быть шутки? — жалобно произнес Турист, медленно наклоняясь. — У меня просто нет другого выбора.

В это время позади него в телефонной будке кто-то приглушенно вскрикнул. Еще один крик возмущения донесся из-за припаркованного на Сорок второй улице фургона по доставке продуктов. Было ясно, что там нашли укрытие сообщники Туриста, которые подумали об одном и том же; «Ты что, парень, сдурел? Не бросай оружие! Он же убьет тебя! И ее тоже».

А Турист тем временем опустил на одно колено и осторожно положил пистолет на тротуар.

— Ты видишь, я все сделал, как ты хотел, — сказал он, исподлобья поглядывая на Толстяка. — Что я должен делать дальше?

Толстяк неожиданно рассмеялся, подрагивая своими пышными и совершенно неухоженными усами.

— Что тебе делать дальше? — весело переспросил он, заходясь от хохота. И вдруг на его толстом лице появилась злобная мина. Он насупил брови, отвел пистолет от головы женщины и тщательно прицелился в Туриста. — А теперь я хочу, чтобы ты сдох, как собака.

Однако он так и не успел выстрелить. Турист в мгновение ока выхватил из-под штанины небольшой пистолет «беретта» калибра девять миллиметров, вскинул руку и выстрелил. Все произошло так быстро, что никто вокруг даже не заметил этого, включая, разумеется, и самого Толстяка. И только небольшая темная дыра на его лбу говорила о том, что с ним покончено раз и навсегда. Люди вокруг него громко вскрикнули, женщина с рюкзаком, которую он все еще продолжал удерживать, рухнула на колени, а Толстяк на какое-то мгновение замер, как статуя Будды, а потом, словно обдумав и приняв наконец единственно возможное решение, повалился на грязный тротуар, разбрызгивая вокруг себя фонтан крови.

Турист между тем спокойно спрятал «беретту» в кобуру под штанину брюк, быстро подобрал первый пистолет и сунул его в сумку. После этого он не спеша подошел к бездыханному телу Толстяка, не глядя на него, подхватил чемодан и ровной походкой направился к стоявшему неподалеку голубому «форду-мустангу», двигатель которого тихо работал все это время.

— Приятного вам дня, леди и джентльмены, — сказал он и помахал рукой толпившимся неподалеку и перепуганным насмерть пассажирам, которые с ужасом наблюдали за происходящим. — А вам крупно повезло, мисс, — показал он большим пальцем на оцепеневшую от страха девушку, которая все еще сидела на тротуаре, крепко прижимая к груди рюкзак.

С этими словами он сел за руль «мустанга» и, скрипнув шинами, умчался прочь.

Вместе с чемоданом.

Как только загорелся зеленый свет, водитель нью-йоркского такси нажал на педаль газа и рванул вперед, стараясь обойти посыльного в униформе, который тоже не терял зря времени, пытаясь застолбить себе свободный участок дороги. Он ехал быстро и так близко от переднего колеса такси, что мог в любую минуту оказаться под машиной. На повороте посыльный выскочил прямо перед такси и промчался в дюйме от ее правого колеса.

— Что ты делаешь, засранец! — завопил через плечо молодой парень в униформе.

— Да пошел ты!.. — Таксист показал ему средний палец. После этого он сокрушенно покачал головой и с торжествующим видом посмотрел на заднее сиденье, где, мило ухмыляясь, сидела Нора. Ей было приятно, что она вернулась домой и окунулась в привычную атмосферу.

Таксист продолжал как ни в чем не бывало гнать машину по Второй авеню по направлению к нижней части Манхэттена. Через несколько минут гнетущей тишины он включил радио и настроил его на последние новости.

Глубоким насыщенным голосом диктор сообщил слушателям о разразившемся финансовом кризисе в городском бюджете, а потом быстро переключился на криминальные новости и передал микрофон журналистке, которая работала на месте происшествия.

— Примерно полчаса назад, — бойко сообщила корреспондентка, — весьма неприятная, если не сказать ужасная трагедия разыгралась на углу Сорок второй улицы и Центрального парка города, что прямо перед зданием Центрального железнодорожного вокзала.

После этого она довольно подробно рассказала о том, как некий мужчина захватил в заложницы молодую женщину, приставил к ее виску пистолет, а потом был застрелен молодым человеком, которого все присутствовавшие при этом зеваки называли переодетым в гражданскую одежду полицейским агентом.

— Однако прибывшие вскоре на место происшествия полицейские, — продолжала корреспондентка, — решительно отвергли причастность этого загадочного типа к каким-либо подразделениям полицейского департамента Нью-Йорка. На самом деле до сих пор никто толком не знает, что это за человек и почему он застрелил человека. Он мгновенно скрылся с места преступления, прихватив с собой какой-то чемодан, который, по всей видимости, принадлежал убитому мужчине.

В конце передачи журналистка пообещала держать слушателей в курсе расследования этого таинственного события, а таксист издал глубокий вздох и посмотрел в зеркало на пассажирку.

— Ну что еще нужно этому городу? — недовольно проворчал он. — Теперь надо остерегаться еще одного вооруженного бандита, который разгуливает на свободе.

— Не думаю, что этот вооруженный бандит действительно будет разгуливать по городу, — рассудительно заметила Нора.

— Почему?

— Все дело в чемодане. Для меня совершенно ясно: стрельба началась из-за того, что в этом чемодане находится.

Таксист пожал плечами, а потом кивнул:

— Да, вероятно, вы правы. И что, по вашему мнению, может там находиться?

— Понятия не имею, — засмеялась Нора, — но могу смело утверждать, что не чье-то грязное белье.

Была одна цитата, которую Нора часто повторяла и в правоту ее слов верила всей своей душой, но не помнила ни ее автора, ни источник происхождения: «Жизнь человека почти всегда складывается так, как он того не желает».

Что и произошло, судя по радиорепортажу, с той бедной женщиной у вокзала.

На углу улиц Мерсер и Спринг, в районе Сохо, Нора расплатилась с таксистом и потащила свой чемодан на колесиках в двухэтажный дом с мраморным вестибюлем и симпатичным портиком. Некогда это был огромный склад, превращенный умелыми дизайнерами в роскошный жилой дом, тщательно отреставрированный и приспособленный к нормальным условиям существования. В любом другом городе это выглядело бы как совершенно нелепым, но в Нью-Йорке это не вызывало ни малейшего удивления.

Ее квартира представляла собой шикарный пентхауз, занимавший половину всего этажа, — огромный, стильный и в высшей степени комфортный. Здесь был отполированный до блеска пол из бразильского дерева, прекрасно сохранившаяся мебель от Джорджа Смита^[4] и оформленная самим Поггенполем^[5] кухня. И все это в ровных, спокойных тонах, весьма элегантно и симпатично. То было ее гнездо, ее святилище, куда она всегда возвращалась после многотрудной работы. «Нет на земле другого места, куда я возвращаюсь с такой охотой», — всегда повторяла она одну и ту же фразу, переступая порог своей квартиры.

А вообще-то Нора любила совершать туры к своим клиентам и посещать те места, где они вели свою роскошную жизнь. Правда, их было не так уж много, но эти богачи всегда вызывали у нее неистребимый интерес.

Сразу за дверью находилась самая дорогая для нее вещь — шестифутовая скульптура обнаженного мужчины работы Хавьера Марина. А неподалеку располагались два самых приятных для Норы места: превосходный диван из белой кожи и его полная противоположность — глубокое кресло черного цвета. И все это было сделано по эскизу самой Норы, чем она несказанно гордилась.

Она вообще всем восхищалась в своей огромной квартире и постоянно следила за новинками антикварных магазинов Нью-Йорка. Впрочем, не только Нью-Йорка — ее интересы охватывали огромное пространство страны от престижного района Сохо до Тихоокеанского побережья и дальше, до Лондона и Парижа. А больше всего она любила посещать маленькие деревушки в Италии, Бельгии и Швейцарии, откуда привозила массу интересных вещей. Словом, ее инстинкт истинного коллекционера мог привести ее в любую точку земного шара. В ее квартире были совершенно изумительные изделия из серебра: вазы, кубки, древние кувшины... Их прекрасно дополняли такого же качества изделия из художественного стекла, включая знаменитые французские рамы для картин и великолепные шкатулки из хрусталя.

Кроме того, здесь висели замечательные полотна старых мастеров, а также произведения современных художников из Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Берлина.

Однако самую большую гордость она испытывала от спальни — та была настоящим произведением искусства, поражая воображение гостей темно-вишневыми стенами, позолоченными рамами зеркал и оконными рамами, а также богатейшим набором античных скульптур, стройными рядами выстроившихся вокруг огромной антикварной кровати.

«Ну давай, войди и попробуй определить, кто я такая» — вот такая мысль внушалась каждому человеку, который переступал порог этой комнаты.

Нора достала из холодильника бутылку эвианской воды, а потом уселась в кресло и сделала несколько важных звонков, один из которых был адресован Коннору. Она мило побеседовала с

ним, назвав своим главным благодетелем, а потом сразу же позвонила Джеффри, почти в точности повторив ему все то же самое.

В начале девятого она вышла из дома, прошла немного пешком и вошла в свой любимый ресторан «Бэббо», что в самом центре богемного района Гринвич-Виллидж. Только сейчас она окончательно ощутила, как приятно оказаться дома.

Несмотря на то что был понедельник, ресторан оказался забитым до отказа. Отовсюду доносились мелодичные звуки столового серебра, хрустальных бокалов, фарфоровых тарелок и тихий гомон завсегдатаев. А все это вместе придавало заведению неповторимый пульсирующий ритм.

Нора с порога заметила свою лучшую подругу Илейн, сидящую рядом с другой ее подругой, Эллисон. Они расположились за своим привычным столиком в дальнем конце зала. Нора неторопливо направилась к ним, поприветствовала попутно хозяйку ресторана, а потом радостно расцеловалась с подругами.

— Знаешь, Эллисон по уши влюбилась в нашего официанта, — тут же сообщила ей Илейн.

Эллисон закатила свои огромные карие глаза:

— Я просто сказала, что он симпатяга, вот и все. У него даже имя симпатичное — Райан Педи.

— Неплохое имя для любовника, — игриво подмигнула ей Нора.

— Вот именно, — поддержала ее Илейн. — Уже одно имя о многом говорит.

Илейн работала корпоративным адвокатом в весьма преуспевающей компании «Эггерс, Бэк и Шмидель», которая, помимо всего прочего, специализировалась на организации досуга для работников корпораций.

В этот момент к ним подошел тот самый официант, о котором они только что говорили. Высокий, стройный темнокожий мужчина вежливо осведомился у Норы, что она будет пить.

— Принесите воды, — без колебаний ответила она. — С пузырьками.

— Нет, нет, Нора, — запротестовали подруги, — сегодня вечером ты должна выпить вместе с нами. Принесите ей коктейль «Космополитен».

— Сию же минуту, — вежливо откланялся официант и исчез за перегородкой.

— А он действительно недурен, — прошептала Нора, прикрыв губы рукой.

— Я же говорила тебе, — воодушевилась Эллисон. — Жаль, что он слишком молод, чтобы выпить вместе с нами.

— Я бы так не сказала, — капризно поджала губы Илейн. — Или ты хочешь сказать, мы настолько стары, что он выглядит по сравнению с нами юнцом? — Поймав на себе недружелюбный взгляд подруг, она примирительно подняла руки: — Ладно, ладно, больше ни слова.

— Срочно меняем тему разговора! — громко объявила Нора и повернулась к Эллисон: — Что у вас новенького на эту осень?

— Можешь не верить мне, но у нас действительно готовится нечто грандиозное, — охотно поделилась Эллисон профессиональными секретами. Она являлась редактором отдела в женском журнале "W" — единственном издании, которое, по ее словам, отражает последние веяния переменчивой моды. Их бизнес был очень простым, как Эллисон пояснила: навязчивая реклама худящих моделей, одетых в последние творения дизайнеров. При этом она считала, что такой стиль никогда не выйдет из моды.

— А что у тебя новенького, Нора? — спросила в свою очередь Эллисон. — У нас такое ощущение, что ты практически никогда не бываешь в городе и живешь как призрак.

— Да, я знаю, что это ненормально, но ничего не могу поделать. — Нора пожалала плечами. — Я только сегодня вернулась из очередной поездки. У меня повсюду есть дома.

Эллисон не удержалась от завистливого вздоха.

— Не понимаю, как ты справляешься с ними. Я тут с большим трудом выплачиваю долги за свой единственный. Кстати, я не говорила тебе, что на моем этаже появился очень интересный парень?

— Тот самый скульптор, который сочиняет свою идиотскую музыку в стиле нью-эйдж? — уточнила Илейн.

— Нет, другой, — отмахнулась Эллисон, недовольно поморщившись. — Тот съехал несколько месяцев назад. Этот парень купил угловую квартиру, но редко показывается на глаза.

— Ну и какой ты вынесла вердикт? — спросила Илейн, используя привычный адвокатский жаргон.

— Холост, одинок, восхитителен, — мечтательно сказала Эллисон и тут же добавила, пожав плечами: — К тому же работает онкологом. Думаю, было бы неплохо выйти замуж за богатого доктора. Во всяком случае, в жизни бывают вещи и похуже.

Последние слова вырвались у нее нечаянно, и она мгновенно спохватилась, прикрыв рот руками.

Над столом воцарилась гнетущая тишина.

— Ничего страшного, девочки, — попыталась успокоить их Нора.

— Прости, дорогая, я просто не подумала, — смущенно улыбнулась Эллисон.

— Все нормально, не надо никаких извинений, — отмахнулась Нора.

— Срочно меняем тему разговора, — провозгласила на этот раз Илейн.

— Сейчас вы ведете себя по-идиотски, — недовольно поморщилась Нора. — Вы обе. Если Том был доктором, то это вовсе не означает, что мы теперь не должны упоминать других докторов. — Нора положила руку на плечо Эллисон: — Так что давай рассказывай нам о своем докторе-онкологе.

Эллисон последовала ее совету, и они втроем стали весело обсуждать самые разнообразные темы, всем своим видом подтверждая, что они давние подруги и никакие обстоятельства не должны ставить их в неловкое положение.

Вскоре вернулся официант с коктейлем для Норы и тут же отправился за закуской. Вечер удался на славу. Они много пили, ели, весело хохотали, обсуждали сплетни и делились впечатлениями о последних событиях. Нора выглядела сейчас на редкость счастливой и щедро делилась с подругами своим прекрасным настроением. Она была душой компании, а ее лучшие подруги даже представить себе не могли, где витали ее мысли в такой приятный для всех вечер. А думала она о смерти своего первого мужа доктора Тома Холлиса.

Точнее сказать, о его убийстве.

Большой стакан воды и таблетка аспирина — главное средство для нейтрализации той дозы алкоголя, которую Нора приняла в ресторане вместе со своими подругами. Она не любила спиртное и никогда не напивалась, поскольку всегда стремилась держать себя в руках и не терять контроля над событиями. Однако в этот чудный вечер благодаря прекрасной компании Эллисон и Илейн Нора слегка захмелела и теперь устраняла последствия самыми привычными методами.

Выпив воду и проглотив таблетку аспирина, Нора переделалась в свою любимую пижаму из чистого хлопка, потом выдвинула нижний ящик платяного шкафа и достала из-под нескольких кашемировых свитеров фотоальбом. Выключив везде свет, она оставила только небольшую лампу на ночном столике, залезла в постель и открыла альбом на первой странице.

— Вот с этого все и началось, — тихо прошептала она себе под нос.

Все фотографии в альбоме шли в строгом хронологическом порядке и отчетливо демонстрировали ее отношения с первой любовью, с человеком, которого она предпочитала называть «мой доктор Том». На фотографиях были запечатлены их первая совместная поездка в Беркшир, концерт в Тенглвуде, весьма откровенные сцены в номере отеля «Гэйблз Инн» в Леноксе.

На следующей странице находились фотографии, сделанные на научной медицинской конференции в Фениксе, куда он взял ее в качестве своей помощницы. Тогда они остановились в гостинице «Билтмор», которая поразила Нору своей респектабельностью и аристократичностью, правда, только в главном здании.

На следующих фотографиях были запечатлены сцены их свадьбы, которая проходила в огромном зале Нью-Йоркского ботанического сада. А дальше следовали снимки самых лучших дней ее жизни. Свой медовый месяц они провели в Невисе, после чего часто устраивали шумные вечеринки, званые ужины, встречались с друзьями и с удовольствием позировали перед фотокамерами. На одном из снимков Нора пыталась достать кончиком языка до носа, а Том скривил свою верхнюю губу в стиле раннего Элвиса Пресли. Впрочем, вполне возможно, что он изображал Билла Клинтона.

На этом фотографии заканчивались, а вместо них появились одни только вырезки из газет и журналов. Последние страницы альбома сплошь были заклеены газетными сообщениями и крупными заголовками. Сейчас они уже пожелтели от времени, но все еще напоминали ей о тех давних событиях. Нора хранила их как самую дорогую реликвию.

«ИЗВЕСТНЫЙ МАНХЭТТЕНСКИЙ ДОКТОР УМЕР В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ», — сообщала в те дни «Нью-Йорк пост». «ДОКТОР СТАЛ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОПЫТОВ», — вторила ей «Дейли ньюс». Что же касается самой популярной газеты города «Нью-Йорк тайме», то она не стала драматизировать ситуацию, а просто известила читателей, что «ИЗВЕСТНЫЙ КАРДИОЛОГ ДОКТОР ТОМ ХОЛЛИС УМЕР В ВОЗРАСТЕ СОРОКА ДВУХ ЛЕТ».

Нора закрыла альбом и, устроившись поудобнее на подушке, стала вспоминать, как началась ее жизнь с Томом и что случилось потом. Начало действительно было приятным, но позже возникли проблемы. Вскоре ее мысли вернулись к сегодняшнему дню, и она невольно стала сравнивать Коннора и Джеффри. Нора посмотрела на пальцы левой руки, где скоро должно появиться одно из двух обручальных колец, и подумала, что пора принимать решение.

Нора стала составлять в уме список достоинств и недостатков каждого из них. Безусловно, достоинств у каждого было намного больше, чем недостатков. В особенности когда сравнивать

их обоих.

Коннор против Джеффри.

Оба веселые, остроумные, оба доставляли ей множество приятных минут, оба обожали ее и чуть ли не на руках носили. Кроме того, оба были прекрасны в постели. Впрочем, не только в постели, но и в любом другом месте, где им приходилось заниматься любовью. Оба высокие, стройные, физически крепкие и чертовски красивые, как голливудские звезды. А если честно, то они были намного лучше тех кинозвезд, с которыми ей приходилось иметь дело.

Самое ужасное заключалось в том, что Нора в равной степени любила и того, и другого. Ей было приятно с ними, и это самым серьезным образом осложняло ее выбор.

Итак, кого же из них она убьет первым?

Ну вот, теперь все это дело станет интереснее. Более того, оно должно быть многообещающим.

Турист сидел за угловым столиком в дальнем конце небольшого дешевого кафе «Старбакс», расположенного в западной части Двадцать третьей улицы в районе Чел-си. Почти все столики были заняты всякого рода бездельниками и тунеядцами, но именно потому это место являлось довольно спокойным и безопасным. Только здесь можно выпить кофе и перекусить за три доллара с мелочью, поэтому все вели себя пристойно и не приставали к посторонним.

Турист придерживал ногами стоявший на полу чемодан, который он только что отбил у Толстяка перед зданием Центрального вокзала, и размышлял над тем, какое открытие ожидает его впереди. Впрочем, кое-что о данном чемодане он уже знал.

Во-первых, чемодан не закрыт на замок, и это значительно облегчало выполнение задачи.

Во-вторых, там находилась мужская одежда, изрядно, кстати, поношенная, а под ней лежала кожаная дорожная сумка с бритвой и прочими мужскими аксессуарами. И именно в этой сумочке находилось самое интересное — небольшой, размером в палец, флэш-драйв с весьма любопытной информацией. То была своеобразная компьютерная дискета в форме небольшого брелока, какую можно купить в любом магазине торговой сети «КомпСША». Именно во флэшке заключалась тайна недавней стрельбы возле здания вокзала. В этой маленькой штучке содержалось огромное количество важной информации, ради которой он пошел на такой риск. И теперь главное, чтобы его ожидания не были обмануты.

Турист вынул из сумки ноутбук и, положив его на стол, открыл крышку. Вот сейчас наступит момент истины. Если, конечно, у него хватит сообразительности и ловкости. Впрочем, именно этих качеств ему всегда хватало с избытком.

— Ну ладно, поехали!

Он включил портативный компьютер и подсоединил флэш-драйв. Сейчас станет ясно, из-за чего погиб этот мерзкий толстяк на Сорок второй улице.

Экран монитора засветился зеленоватым светом и показал, что воспринял посторонний источник информации. Турист стал щелкать клавишами, перебирая файлы и бормоча себе под нос:

— Так, хорошо, пошли дальше, прыг-скок...

Через пару минут он наконец-то вышел на нужный файл, но в этот момент боковым зрением заметил, что сидевшая за соседним столиком симпатичная девушка проявляет излишнее любопытство и постоянно косит глазами на монитор. Турист выдержал паузу, а потом резко повернулся к ней:

— Надеюсь, вам известна старая хохма насчет чужого компьютера, — сказал он, ехидно ухмыляясь. — «Я могу показать вам свои файлы, но потом мне придется вас убить».

Девушка сдержанно улыбнулась:

— Мне известна другая хохма: вы показываете мне свои файлы, а я вам — свои. По-моему, это больше подходит для нашего случая.

Турист весело рассмеялся:

— Да, но у вас нет портативного компьютера.

— Ну и что? — сказала она и, недоуменно пожав плечами, встала с видом оскорбленной невинности. — Вы хорошо выглядите, а ведете себя как засранец.

— Попридержи язычок, — огрызнулся Турист, продолжая ухмыляться.

Когда она ушла, он снова вернулся к компьютеру. Теперь осталось лишь открыть нужный

файл и посмотреть, что там скрывается.

Оказалось, что файл содержит длинный перечень каких-то имен, адресов, замысловатые названия банков в Швейцарии и на Каймановых островах. Не так уж трудно было понять, что это оффшорные счета, где упрятаны определенные суммы денег.

Просмотрев весь файл, Турист наморщил лоб и быстро произвел в уме не слишком сложные арифметические операции, пытаясь хотя бы приблизительно определить общую сумму. Результат поверг его в состояние шока.

Миллиард долларов!

Нью-Йорк можно с полным основанием назвать городом, который никогда не спит, однако даже в нем есть определенные районы, жители которых бодрствуют только в дневное время. Одним из таких мест был покрытый полумраком подвал гаражного помещения в нижней части Ист-Сайда. Укрывшись на глубине пяти этажей под оживленной улицей, это пространство являлось средоточием тишины и спокойствия, своеобразным бетонным коконом, куда не проникали звуки из внешнего мира. Единственным звуком в этом подземном царстве был едва слышный шум флуоресцентных ламп дневного света, закрепленных на потолке.

Правда, помимо этого звука сейчас раздавался еще один — нервное постукивание пальцами по рулевому колесу человека, находившегося в неподвижно застывшем голубом «фордемустанге».

Но вот Турист перестал стучать пальцами по рулю, быстро взглянул на часы и сокрушенно покачал головой. Через секунду нервная дробь продолжилась. Намеченная встреча срывалась, человек, с которым он должен был установить контакт, так и не появился.

Точнее сказать, он опоздал уже на целых два дня.

Что могло с ним случиться? Может, он просто увлекся алкоголем? Вполне возможно.

Через десять минут на противоположной стороне огромного подземного гаража сверкнули два ярких огонька. Еще через мгновение там показался белый фургон марки «шевроле», боковые стенки которого были украшены яркой надписью: «ЦВЕТЫ ОТ ЛУСИЛЛ».

«О, какой кошмар! — подумал Турист и недовольно поморщился. — Грузовик по доставке цветов».

Фургон тем временем подъехал поближе и остановился на расстоянии примерно двадцати футов. Шум мотора затих, и из кабины вылез высокий худощавый мужчина в сером костюме, белой рубашке и галстуке. Он посмотрел на голубой «мустанг», а потом медленно направился к нему. В фургоне был еще один человек, но тот предпочел остаться на месте.

Турист тоже вышел из машины и встретил высокого мужчину на полпути.

— Вы опоздали, — недовольно проворчал он.

— А вам крупно повезло, что вы остались живы!

— Это не везение, а самое настоящее искусство.

— Да, но, между прочим, эту цель выбрал я, а не кто-нибудь другой. А вы действительно все сделали превосходно; как мне сообщили, пуля попала прямо в центр лба.

— Дело в том, что у этого толстяка оказалась солидная залысина, так что цель на самом деле была гораздо больше. Как чувствует себя девушка?

— Она в шоке от случившегося, но со временем будет в полном порядке. Она ведь тоже профессионал, как и вы.

Высокий мужчина из фургона «шевроле» сунул руку во внутренний карман пиджака, что не могло не насторожить Туриста. Однако из кармана была извлечена пачка «Мальборо»; высокий мужчина достал сигарету для себя, а вторую предложил Туристу.

— Нет, спасибо, — решительно отмахнулся тот. — Бросил много лет назад и вам советую сделать то же самое.

Мужчина из фургона «шевроле» зажег сигарету и разогнал струйку дыма взмахом руки.

— А что говорит на этот счет полиция Нью-Йорка? — любопытствовал Турист.

— Ничего особенного, — ответил мужчина из «шевроле», выпустив очередную струйку дыма. — Пока они довольствуются дотошным опросом свидетелей, которые дают им противоречивые показания.

— Вы, надеюсь, позаботились о свидетелях?

— Разумеется. Два свидетеля настойчиво доказывают, что у стрелявшего было два больших шрама: один — на шее, а другой — на подбородке.

Турист довольно ухмыльнулся и потер рукой гладко выбритый подбородок.

— Ну что ж, пока все идет превосходно. А как насчет средств массовой информации?

— Они тоже путаются в своих сообщениях и строят догадки относительно того, кто вы такой и почему устроили стрельбу перед зданием вокзала. Однако не в меньшей степени их интересует вопрос о содержимом вашего чемоданчика. Кстати, о чемоданчике...

— Он в багажнике, — прервал его Турист.

Они вместе подошли к голубому «мустангу». Турист открыл багажник, вынул оттуда чемодан и поставил его на бетонный пол. Высокий мужчина из фургона долго смотрел на него немигающим взглядом.

— Вам очень хотелось открыть его и посмотреть, что там внутри? — наконец-то спросил он, не спуская глаз с собеседника.

— Откуда вам известно, что я не открывал его? — вопросом на вопрос ответил Турист.

— Вы этого не делали.

— Да, но почему вы так уверены в этом? — не унимался Турист.

Мужчина из «шевроле» глубоко затянулся и выпустил кольца дыма.

— Потому что в противном случае у нас сейчас был бы совсем другой разговор.

— Я могу узнать, что вы имеете в виду?

— Разумеется, нет, — засмеялся тот. — Вам не положено.

Турист пропустил это замечание мимо ушей.

— Ну и что теперь?

— Теперь вы должны исчезнуть, — коротко отрезал высокий мужчина. — Если не ошибаюсь, у вас есть какое-то интересное дело?

— Дело? — удивился Турист. — Ах да, есть одно дельце, но о нем пока рано говорить. А кто там в машине?

— Вы неплохо справились с этой операцией, — проигнорировал его вопрос мужчина из фургона. — Этот человек попросил меня передать вам его слова благодарности, и давайте забудем о нем.

— Да, я настоящий профессионал, и именно поэтому меня часто приглашают для подобных операций.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Какое-то время Турист смотрел, как высокий мужчина подошел к фургону, сунул чемодан в салон, и машина быстро уехала прочь.

Интересно, эти умники смогут вычислить, что он не только открывал чемодан, но и скопировал содержимое файла?

Это утро оказалось для Норы слишком суетливым. Прежде всего она в течение часа бродила по мебельному магазину «Сентиментс», что на Шестьдесят первой улице Ист-сайда. После этого ей предстояло поработать на клиента в торговом центре «Ковры и дом», расположенном неподалеку от Юнион-сквер, затем нужно заскочить в выставочный зал торговой фирмы «Ди энд Ди билдинг» и, наконец, навестить «Девоншир» — магазин английского сада.

Все эти хождения по многочисленным магазинам и торговым центрам она совершала ради Констанс Макгрэт, одной из своих первых клиенток, которая так и не стала для нее просто Конни. Много лет назад Констанс была весьма известной драматической актрисой и до сих пор сохранила обаяние. Недавно она поменяла свою шикарную квартиру с двумя спальнями в районе Ист-сайда на не менее роскошное жилище в западной части Центрального парка, в знаменитом доме «Дакота», где снимали фильм «Ребенок Розмари» и где был застрелен Джон Леннон. При этом причину своего переезда она объяснила Норе с присущим ей драматизмом: «Солнце садится на западе, и я тоже хочу быть поближе к закату в этом моем последнем пристанище».

Нора обожала Констанс. Эта женщина всегда была жизнерадостной, откровенной и часто повторяла любимое выражение Норы: «Деньги не могут быть предметом обсуждения». Кроме того, она была мудрой женщиной, которая пережила двух мужей.

— Чтоб мне провалиться на этом месте! — послышался позади нее мужской голос.

Нора быстро повернулась и увидела быстро шагавшего к ней с широко раскинутыми руками Эвана Фрэйзера, который представлял интересы фирмы «Баллистер Гроув антикс», занимавшей большую часть всего пятого этажа.

— Эван! — радостно воскликнула Нора. — Очень рада видеть тебя.

— А уж как я рад видеть тебя, — ответил тот и поцеловал Нору в обе щеки. — Итак, какому фантастически богатому клиенту ты решила прикупить мебель на этот раз?

Норе показалось, что в его глазах зеленым блеском сверкнули долларовые купюры.

— Никаких имен, разумеется, но, к счастью для тебя, моя клиентка решила обновить свой интерьер и придать ему более традиционный английский вид.

— В таком случае ты не ошиблась, обратившись к нам, — сказал он, широко улыбаясь. — Впрочем, ты всегда делаешь правильный выбор.

В течение последующих двух часов или около того Эван сопровождал Нору по огромному залу, уставленному последними образцами британской мебели. При этом он хорошо знал, что нужно говорить спутнице, а чего говорить не следует. В особенности то, чего говорить ни в коем случае не нужно такому покупателю, как Нора Синклер.

Нора и сама не любила, когда продавец расхваливал свой товар, подчеркивая его прекрасные формы и отменное качество. Ей всегда казалось, что это может повлиять на ее выбор. Она сама прекрасно знала, чего хочет, имела четкие эстетические представления о вещах, обладала отменным вкусом, который был отчасти врожденным, а отчасти выработан многолетним опытом. Именно потому она доверяла только себе и никому другому.

— А это продается с одной опускной доской или с двумя? — спросила она Эвана, внимательно разглядывая огромный обеденный стол из красного дерева.

— С одной доской, — пояснил Эван, — но мы можем специально заказать еще одну доску, если таково будет желание покупателя.

— Нет, одной вполне достаточно, — ответила Нора и посмотрела на ценник. Впрочем, она могла бы этого и не делать. Приятно совершать покупки для Констанс Макгрэт, которая никогда не скупится на расходы.

Нора сделала шаг назад, бросила последний взгляд на стол, а потом вынула чековую книжку и быстро поставила подпись под графой «я покупаю это». Зачем они написали здесь эти три слова, когда можно вполне обойтись одним?

— Решено! — торжественно объявила она.

Эван тотчас же достал из кармана карточку продажи и бросил ее на стол. Нора искренне радовалась покупке. Это была уже четвертая карточка, и все свои покупки она совершила в одном месте.

Они оба уселись на большой кожаный диван, и Эван привычным движением выписал ей счет на оплату. Причем ни слова не было сказано о десяти процентах премиальных для Норы, так как это подразумевалось само собой.

Попрощавшись с Эваном, Нора заскочила перекусить в небольшой ресторан «Меркадо», расположенный в торговом центре. Теперь ей не нужно ехать в «Ди энд Ди» или «Девоншир», поэтому можно немного расслабиться и отдохнуть. Все необходимые покупки она сделала здесь, в «Сентиментс» и «Баллистер гроув». Заказав овощной салат и «дульце де лече» на десерт, она вынула мобильный телефон и сообщила Констансу, что все покупки уже сделаны и вскоре будут доставлены по назначению. После этого она позвонила Джеффри и Коннору, чтобы узнать, как идут дела у ее любимых мужчин-покровителей.

Теперь ей нужно было уладить дела в одной из адвокатских контор на Сорок девятой улице, что неподалеку от Ист-Ривер.

— Итак, миссис Синклер, чем могу вам помочь? — спросил ее хозяин офиса Стивен Кепплер.

Нора тепло улыбнулась в ответ:

— Пожалуйста, зовите меня просто Оливия.

— Хорошо, Оливия, — еще шире улыбнулся Кепплер, уставившись на нее из-за своего огромного письменного стола. — Знаете, у меня есть небольшое судно под названием «Оливия».

— Правда? — радостно воскликнула Нора, изображая на лице удивление. — Для меня это хороший знак.

Еще лучшим знаком для нее был сам Стивен Кепплер — средних лет адвокат по налогам и сборам с большой лысеющей головой и плотоядными глазами, то и дело скользившими по ее груди и ногам. Все это гарантировало ей быстрое и эффективное решение всех проблем.

В длинном списке подходящих для данного дела адвокатов Нора остановила свой выбор именно на нем, так как все остальные были загружены срочной работой в течение двух-трех недель, а она не могла ждать. Правда, Кепплер тоже оказался занят, но ей повезло. В его напряженном графике неожиданно обнаружилось окно, связанное с внезапной болезнью одного из клиентов. Как только Нора узнала об этом, она тут же связалась с ним и добилась встречи. Точнее сказать, встречи добилась не Нора, а Оливия. Дело было настолько деликатным, что Нора решила позаимствовать на время имя матери.

— Так вот, Стивен, — продолжила Нора, мило улыбаясь, — я хочу организовать собственный бизнес. — «И бизнес этот находится отнюдь не в моем бюстгальтере», — подумала она с ухмылкой на губах.

— Вам крупно повезло, я как раз специализируюсь по таким делам, — подобострастно сказал адвокат. Нора едва не сморщилась, когда он закончил эту фразу, одновременно подмигнув ей и издав какой-то приглушенный звук. — И где же вы собираетесь открыть свое дело?

— На Каймановых островах.

— О! — вырвалось у адвоката. Он сделал паузу, а на его лице появилась тревога. Значит, его новая красивая клиентка в шелковой блузке и короткой юбке, похоже, ищет возможность обойти закон и не платить налоги.

— Надеюсь, для вас это не проблема, — тихо сказала Нора.

Кепплер отвратительно задергался, не зная, что сказать.

— Нет, но я... по правде говоря... не понимаю, почему именно там? — сбивчиво пробормотал он. — Ведь для открытия своего дела на этих островах потребуются услуги так называемых зарегистрированных агентов. Попросту говоря, ваш бизнес на Каймановых островах может представлять только постоянный резидент, от имени которого и будут вестись там все ваши дела. Я понятно выразил свою мысль? — Разумеется, Нора знала все тонкости данного дела, но виду не подала. Вместо этого она широко открыла глаза и молча кивнула, как восторженная студентка. — Впрочем, вам еще раз крупно повезло, — вновь расплылся в улыбке адвокат. — У меня есть такой агент, который уже давно работает на меня.

— Да, мне действительно повезло, что я обратилась именно к вам, — радостно пролепетала Нора.

— Насколько я понимаю, вы хотите для начала открыть там банковский счет?

Именно этого предложения Нора и ждала больше всего.

— Да, было бы неплохо. Вы можете уладить для меня все необходимые формальности?

— Честно говоря, — слегка замялся адвокат, — вы должны сделать это лично.

Нора нервно заерзала на стуле.

— О, какое жуткое неудобство! — простонала она.

— Еще бы, — ухмыльнулся Кепплер и навис над столом. — Может быть, я напрягусь немного, подключу все свои связи и избавлю вас от такой утомительной поездки.

— Это было бы чудесно! — радостно воскликнула Нора. — Вы мой спаситель!

Он полез в ящик стола и вынул оттуда несколько пустых бланков.

— Но для этого, Оливия, мне понадобятся от вас некоторые сведения.

В ту пятницу незадолго до наступления сумерек сверкающий «линкольн таун-кар» свернул с оживленного шоссе № 9, быстро промчался по живописной Скарборо-роуд, еще раз свернул на не менее живописный центральный переулок и наконец остановился, скрипнув тормозами, перед великолепным домом Коннора. Шофер быстро вышел из машины и хотел открыть дверцу, но Коннор нетерпеливо оттолкнул его и протянул руку Норе.

— Иди же ко мне! — лучась от радости, воскликнул он. — Я чуть с ума не сошел, дожидаясь тебя.

Нора медленно опустила на землю ноги и буквально повисла на крепких руках Коннора. Они слились в едином страстном поцелуе, а шофер — коренастый пожилой итальянец — открыл багажник и вынул оттуда огромный чемодан Норы. Причем он делал вид, что не обращает внимания на влюбленных, но на самом деле искоса следил за ними. Наступил чудесный вечер. Солнце уже садилось за горизонт, слабо освещая красноватым светом самый роскошный дом, который шофер только видел в своей жизни, и эта парочка казалась ему воплощением истинных любовных чувств. «Если передо мной не самая настоящая любовь, — подумал он, — то я вообще ничего не понимаю в жизни».

— Подойди сюда, — опомнился наконец Коннор и, вынув из кармана бумажник, протянул шоферу двадцать долларов.

— Спасибо, сэр, — тихо произнес тот с сильным итальянским акцентом. — Вы очень добры.

— И очень умен! — весело добавила Нора, крепко обнимая Коннора.

В эту минуту Коннор действительно показался ей самым умным и самым красивым мужчиной из всех, с которыми ей приходилось иметь дело.

Шофер захихикал в ответ и вернулся к автомобилю.

— Желаю вам приятной ночи, ребята, — бросил он через плечо.

Нора и Коннор весело рассмеялись и какое-то время смотрели вслед быстро удалявшемуся «линкольну».

Когда машина исчезла за поворотом, Нора отодвинулась от Коннора и посмотрела ему в глаза.

— Ну как твоя работа? — спросила она и тут же замахала руками. — Хотя нет, не хочу сейчас говорить о работе.

— Я тоже, — радостно кивнул он. — Тем более что работа и отсутствие развлечений...

— ...Навевают на нас невыносимую тоску! — Это была их первая мантра и к тому же самая любимая, которую они неустанно повторяли. — Мы можем заняться этим прямо сейчас и прямо здесь, — предложила Нора и хитро подмигнула Коннору. — Да, прямо здесь, на этой чудной лужайке, а соседи пусть идут ко всем чертям. Пусть смотрят, если хотят. Может быть, это зрелище их хоть немного вдохновит.

Коннор потянулся к ее руке:

— Вообще говоря, у меня есть более привлекательная идея.

— Да? Более привлекательная, чем секс со мной? Ну и что же это такое?

— Сюрприз для тебя, — прошептал он ей на ухо. — Пойдем со мной.

— Ты хочешь заняться этим в гараже? — удивленно спросила Нора и захихикала.

Коннор с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Нет, это еще не сюрприз, хотя, в общем, и не такая уж плохая идея. — Он провел Нору вокруг дома и остановился перед большим гаражом на пять автомобилей. Все двери гаража были закрыты. Нора стояла рядом, не зная, что ее ожидает. — Ты готова? — спросил Коннор.

Не дожидаясь ответа, он сунул руку в карман и вынул оттуда пульт дистанционного управления, на котором было пять красных кнопок. Немного подумав, он нажал среднюю кнопку. Средняя дверь стала медленно подниматься вверх.

— Боже мой! — не удержалась Нора.

В гараже сверкал совершенно новый «мерседес SL-500» ярко-красного цвета с откидным верхом.

— Ну, что скажешь? — торжествующим тоном спросил Коннор. Нора потеряла дар речи и стояла, не шелохнувшись. — Я подумал, что если ты собираешься стать моей женой, то тебе непременно понадобятся собственные колеса. — Нора все еще молчала, не находя нужных слов для выражения восторга. Коннор в полной мере наслаждался произведенным впечатлением. — Я вижу, ты действительно удивлена этим сюрпризом.

Она бросилась в его объятия и только тогда вновь обрела дар речи.

— Ты просто чудо, Коннор! У меня нет слов, чтобы выразить тебе свое восхищение. Спасибо тебе, ты удивительный человек. Спасибо! Спасибо! Спасибо! — Она подняла вверх левую руку. — Сперва это замечательное кольцо, а сейчас...

— Это кольцо для ключа, — сказал он так, словно произносил свою очередную мантру. — Кстати, сам ключ ждет тебя в машине. — Коннор подхватил ее на руки и понес к авто, где осторожно опустил на сиденье водителя. После этого он быстро обошел машину с другой стороны, размахивая руками, как школьник после уроков, и запрыгнул на соседнее сиденье.

Нора восхищенно рассматривала салон дорогого автомобиля, а потом провела рукой по обтянутому кожей рулевому колесу.

— Ну что, может, рванем на ней куда-нибудь?

— Конечно, она для этого и существует, — поддержал ее Коннор.

Нора загадочно посмотрела на него и улыбнулась кончиками губ. Ее рука потянулась к ключу зажигания, но потом неожиданно изменила направление и проскользнула между его ног.

— О! — простонал Коннор, откидываясь на спинку сиденья.

Нора повернулась к Коннору и мгновенно забралась к нему на колени. Ее руки гладили его курчавые черные волосы, а потом, когда она стала осыпать Коннора поцелуями, пальцы принялись ловко расстегивать рубашку на его груди.

— Как далеко назад может откидываться это сиденье? — спросила она сдавленным голосом.

— Не знаю, но можно сейчас проверить, — ответил он и потянулся рукой под сиденье, где нажал на какой-то рычаг. Сиденье стало медленно опускаться назад вплоть до горизонтального положения.

Они начали торопливо раздевать друг друга, швыряя одежду на заднее сиденье. Вскоре там была уже целая гора из брюк, блузки, рубашки, бюстгальтера, мужских трусов и ажурных женских трусиков.

— Я люблю тебя, — прошептал Коннор, глядя ей в глаза. Трудно было не поверить ему в эту минуту.

— Я тебя тоже люблю, — тихо ответила она.

И прямо здесь, в гараже, они отправились в волнующее и приятное путешествие в ее новом автомобиле.

— Ты можешь поверить в то, что в этом большом доме осталась лишь одна комната, в которой мы с тобой еще не занимались любовью? — спросил Коннор с таким выражением лица, как будто он производил в уме очень сложные математические вычисления.

— Ну что ж, еще не вечер, как говорится, — спокойно ответила Нора.

Он еще крепче прижал ее к себе.

— Ты ненасытна.

— И ты считаешь, что тебе в этом отношении не повезло?

Они наконец-то вернулись в дом из гаража и сейчас стояли на кухне, держа в руках одежду и прижимаясь друг к другу.

— Кстати, о ненасытности... — начал было он.

Она задорно рассмеялась:

— Мне уже известно о твоём следующем желании. Мне все известно. Как ты относишься к омлету?

— Это было бы превосходно. А может, мы поедем в какой-нибудь ресторан? Я мог бы заказать по телефону столик в «Паунд Ридже» или «Айрон Хорсе».

Нора решительно покачала головой:

— Нет, я хочу сама приготовить тебе омлет, но ты должен сказать, с чем именно.

— Пусть это будет сюрпризом для меня, — улыбнулся он. — Не забывай, что сегодня у нас день сюрпризов.

Впервые за весь этот вечер Нора ощутила слабую боль в желудке. Пусть будет так.

Коннор направился в ванную комнату, чтобы принять душ, но прежде он принес в комнату чемодан Норы, который она оставила перед домом. Нора открыла его прямо на кухне и вынула оттуда аккуратно сложенные джинсы и белую хлопчатобумажную майку. Именно в этот момент она услышала хорошо знакомый внутренний голос: «Да ладно, Нора, не расстраивайся. Просто надо собраться с силами и действовать».

Она быстро переоделась и принялась за приготовление омлета. С отсутствующим видом отыскала в холодильнике половинку лука, целый зеленый перец и немного ветчины «Виргиния». Прекрасно, значит, у них сегодня будет омлет западного побережья.

«Ты уже приняла это важное решение, — говорила она себе. — А сейчас у тебя просто пошаливают нервы, не более того. Ты же сама прекрасно знаешь, что можешь переступить через это, так как не раз проделывала то же самое».

Над кухонным столом была закреплена небольшая деревянная полка, в гнездах которой торчали самые разнообразные ножи. Она задумчиво уставилась на нее. Ножи свисали ровным рядом, были хорошо наточены и сверкали прочной сталью. Она протянула руку, вынула самый большой из них и сжала в руке, словно примеряясь к твердой, но очень удобной ручке.

«Забудь про автомобиль, — повторяла она себе, — и про обручальное кольцо. В особенности про кольцо».

Яйца с треском раскололись и разлились по сковородке, покрывая собой мелко нарезанный перец. После этого Нора высыпала туда же несколько кубиков ветчины. Она стояла у плиты возле раковины спиной к входу и слышала, как вошел Коннор.

— Я так проголодался, что готов проглотить весь ресторан, — донесся до нее его хрипловатый голос.

«Сделай это, Нора».

Он медленно направился к ней.

«Сделай это немедленно!»

Она отрезала еще один кусочек ветчины и посмотрела на сверкающее лезвие ножа. Ее пальцы так крепко сжали рукоятку, что даже побелели от напряжения. Верхний свет с потолка отбрасывал на стол зловещие тени.

У нее еще было время изменить свое решение.

Шаги Коннора становились все слышнее. Она уже ощущала на шее его горячее дыхание. Он был рядом с ней, в пределах досягаемости. Нора резко повернулась и высоко подняла вверх руку.

— Как тебе это на вкус? — спросила она.

Коннор открыл рот и взял с кончиков ее пальцев маленький кусочек ветчины, пожевал его несколько секунд и блаженно закрыл глаза.

— Очень вкусно.

— Хорошо, а то я не знала, как долго ты хранил ее в холодильнике, — сказала она, слабо улыбаясь. — Как ты чувствуешь себя после душа?

— Превосходно, хотя и не так хорошо, как ты.

Нора закончила резать ветчину и стала строгать лук тоненькими кольцами. «Есть еще время изменить свое решение».

Коннор стоял позади нее в одних только трусах, а его мокрые волосы были аккуратно зачесаны назад.

— Хочешь выпить? — спросил он, доставая из холодильника запотевшую бутылку «Амстела».

— Нет, спасибо, — тихо ответила она. — У меня есть вода. — Она высоко подняла бутылку «Эвиан». — Тщательно берегу для тебя свою фигуру.

Коннор открыл бутылку пива, сделал глоток из горлышка и искоса посмотрел на Нору.

— Дорогая, с тобой все в порядке?

Она повернулась к нему. Одинокая слезинка скатилась вниз по ее щеке.

— О, прости, — пробормотала она, поспешно смахивая слезу тыльной стороной ладони, смущенно улыбаясь и пряча от него глаза. — Это все от лука. Я всегда плачу от него.

Она приготовила омлет именно так, как любил Коннор, — слегка поджаренный, но не пригоревший по краям. Сняв сковородку с плиты, она аккуратно переложила содержимое на большую тарелку и поставила ее перед ним на стол. Только после этого Нора слегка посолила, поперчила и воткнула в него вилку.

— Фантастика! — мечтательно провозгласил Коннор. — Похоже, это твой самый лучший омлет из всех, которые мне доводилось пробовать.

— Я рада, что тебе он нравится, — скромно заметила Нора, усаживаясь рядом с ним. Коннор продолжал медленно жевать, а она сидела и молча наблюдала за ним.

— Итак, какие у тебя планы на завтра? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Не знаю. Может быть, мы испытаем на практике мою новую машину.

— Ты что, действительно хочешь вывести ее из гаража? — Он рассмеялся и протянул руку с вилкой за следующим куском омлета, но неожиданно застыл. За какие-то доли секунды его лицо стало мертвенно-бледным, а голова начала слегка подергиваться. Вилка с громким стуком упала на тарелку с остатками омлета.

— Что с тобой, Коннор?

— Я не... — с трудом выдавил он из себя. — Не знаю, — наконец сказал он неожиданно осипшим голосом. — Мне почему-то стало...

Он схватился обеими руками за живот, как будто ему нанесли мощный удар кулаком или... ножом. Глаза его закатились вверх, он выгнулся дугой на стуле, а потом рухнул на пол, широко раскинув руки.

— Коннор! — Нора вскочила с места и бросилась к нему, пытаясь хоть как-то поддержать его обессиленное тело. — Что с тобой, Коннор? Поднимайся!

Он из последних сил встал на колени, с трудом передвигая онемевшие ноги, которые стали похожи на резиновые колодки. Нора помогла ему подняться, а потом проводила его в ванную

комнату. Там Коннор снова рухнул на пол и, казалось, вообще потерял сознание. Нора подняла крышку унитаза, а он с невероятным трудом попытался поднять голову.

— Я... я... меня сейчас стошнит, — слабо пробормотал он, жадно хватая ртом воздух. По всему было видно, что он задыхается от нехватки воздуха.

— Коннор, я сейчас принесу тебе что-нибудь выпить, — сказала она надтреснувшим от паники голосом. — Подожди секунду, я сейчас вернусь.

Она побежала на кухню, а Коннор в это время пытался поднять голову над унитазом и избавиться от содержимого желудка. Тело мужчины покрылось мелкими капельками пота и практически не подчинялось его приказам.

Нора вернулась через минуту со стаканом в руке.

— Вот, выпей, пожалуйста, — сказала она, протягивая ему совершенно прозрачную, как детская слеза, жидкость. Коннор взял стакан дрожащей рукой, но так и не смог самостоятельно поднести его к губам. Нора помогла ему выпить содержимое стакана. — Пей, пей, — подталкивала она его. — Пей до конца.

Коннор выпил жидкость и почувствовал новый приступ удушья, сопровождавшийся невыносимой болью во всем теле. Он до такой степени сжал зубы, что казалось, вот-вот хрустнут кости челюстей.

— Нора, помоги мне, — взмолился он.

Через несколько секунд ему показалось, что его молитвы услышаны. Дрожь в теле стала спадать и боль тоже утихала. Все, казалось, заканчивалось так же быстро, как и началось.

— Это начинает действовать лекарство, — пояснила ему Нора.

Коннор постепенно возвращался к нормальному состоянию и даже начал спокойно дышать. Через минуту он открыл глаза и с облегчением сделал несколько глубоких вдохов.

— Что это было? — тихо спросил он. — Что со мной?

Однако ответ на этот вопрос он так и не успел получить, так как в ту же минуту все началось с новой силой, только в десятки раз хуже. На этот раз у него начались самые настоящие спазмы, сковавшие все его тело. Он снова стал хватать ртом воздух и обеими руками держался за горло. Глаза Коннора покраснели от прилива крови, а лицо стало не просто бледным, а синим от удушья.

Стакан выпал из его ослабевшей руки и разлетелся на мелкие кусочки. Он стонал от боли и корчился в конвульсиях, сжимая руками горло. Через секунду он уже не мог даже стонать и только беспомощно смотрел на Нору, пытаясь дотянуться до нее руками.

Она слегка попятилась. У нее не было сил смотреть на его агонию, и в то же время она не могла отвернуться от этого ужасного зрелища. Ей оставалось лишь наблюдать за предсмертными судорогами и ждать того момента, когда он окончательно успокоится.

Навсегда.

Тело Коннора лежало на холодном полу одной из его ванных комнат в роскошном доме, выстроенном в колониальном стиле.

Коннор был мертв.

Первое, что сделала Нора после всего этого, — убрала осколки разбитого стакана с пола в ванной комнате.

Потом она соскребла остатки омлета в раковину и смыла их струей воды. Еще минута ей понадобилась для того, чтобы аккуратно вымыть тарелки, вилки и сковородку.

И только после этого она облегченно вздохнула, налила себе полстакана виски «Джонни Уокер» и залпом осушила его, даже не разбавив водой. Налив еще немного, она уселась за кухонный стол и собралась с мыслями. Через секунду Нора пришла в себя, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

Настало время для небольшого шоу.

Нора медленно подошла к телефону, набрала три знакомые цифры и напредила себе, что умные лжецы никогда не выдают всех деталей.

После второго гудка в трубке послышался женский голос:

— Девять-один-один, экстренная помощь.

— О Господи! — простонала Нора в трубку. — Пожалуйста, помогите мне, он уже не дышит!

— Кто не дышит, мэм?

— Не знаю, что с ним случилось, — продолжила растеряннo лепетать Нора. — Он начал есть, когда вдруг..

— Мэм, — прервала ее оператор, — кто не дышит?

Нора захныкала, тяжело дыша в трубку.

— Мой жених! — с трудом выдавила она из себя.

— Он что, задыхается?

— Нет! — закричала она. — Во время еды ему стало плохо, а потом... он... он... — Нора сделала паузу. Ей показалось в этот момент, что незаконченные предложения, записанные на пленку телефона «911», будут выглядеть более убедительно.

— Где вы находитесь, мэм? — спросила оператор. — Ваш адрес. Мне нужен ваш адрес.

Нора долго путалась в словах, перемежая их громкими всхлипами, пока наконец не выложила адрес дома Коннора.

— Ладно, мэм, — быстро отреагировала оператор, — оставайтесь там и постарайтесь успокоиться. Машина «скорой помощи» немедленно выезжает к вам.

— Пожалуйста, поскорее! — взмолилась Нора.

Положив трубку, она прикинула, что в ее распоряжении есть еще шесть или семь минут, в течение которых надо как следует подготовиться к приезду врачей и окончательно ликвидировать следы преступления. Початую бутылку виски она решила оставить на виду, как, впрочем, и стакан. В конце концов, кто может упрекнуть ее в том, что она выпила виски в такой жуткой ситуации? А вот пузырек с отравой, напротив, надо поскорее убрать с глаз долой.

Нора взяла бутылочку, сунула ее в аптечку и положила на дно чемодана, прикрыв толстым ворохом одежды. Если даже кто-нибудь залезет сюда и обнаружит этот пузырек, то прочтает, что в нем находятся таблетки медицинского препарата «Зиртек», который она обычно принимает от сезонной аллергии. Более того, Нора станет решительно протестовать против любой попытки позаимствовать у нее хотя бы одну таблетку.

Нора застегнула молнию чемодана и отнесла его в спальню хозяина дома, где привела себя в соответствующий порядок. Посмотрев на свое отражение в большом зеркале, она выдернула тенниску из-под ремня джинсов, слегка помяла ее, а затем стала быстро тереть глаза, чтобы они

покраснели. Осталась последняя операция — немного поморгать, чтобы на глазах появились слезы и размазали по щекам остатки ее косметики.

«Вот теперь все нормально», — подумала она, полностью подготовившись к следующему акту этой драмы.

Третий акт хорошо поставленной драмы всегда казался ей самым волнующим и ответственным. Он начался с ярких лучей автомобильных фар и громкой сирены «скорой помощи», заполнившей весь проезд перед огромным домом. Нора бросилась к парадной двери, оглашая прихожую истерическим криком:

— Живее! Пожалуйста! Умоляю вас!

Два молодых врача «скорой помощи» с коротко подстриженными волосами мигом выскочили из автомобиля, подхватили сумки с красными крестами и поспешили к парадной двери.

Нора провела их в ванную комнату, где на полу во весь рост вытянулось бездыханное тело Коннора. Там она рухнула на колени и, безудержно захлебываясь от рыданий, опустила голову на его грудь. Один из врачей, тот, который поменьше ростом, взял ее за плечи, помог подняться, а потом оттащил в сторону, освобождая место для работы.

— Прошу вас, мэм, — терпеливо пробормотал он, — позвольте нам осмотреть его. Может быть, он еще жив.

В течение следующих пяти минут они делали все возможное, чтобы вернуть Коннора Брауна к жизни, но все их попытки оказались тщетными. В конце концов врачи молча переглянулись, как бы соглашаясь с тем, что они уже ничем не могут помочь ему.

Потом старший из них медленно повернулся к Норе, которая стояла на пороге ванной с застывшим лицом, и тихо произнес:

— Мне очень жаль.

Впрочем, ей и без слов все было ясно. Нора закрыла лицо руками и громко зарыдала, размазывая по щекам слезы.

— Нет! Нет! Нет! — истерично вопила она. — О Коннор! Боже мой!

Через несколько минут к дому подъехала местная полиция, оглашая окрестности громкой сиреной. Нора знала, что это обычная процедура, в ходе которой полицейские должны констатировать смерть хозяина особняка и тем самым подтвердить, что своевременно отреагировали на происшествие.

К тому времени возле дома уже собрались несколько соседей, которые живо вспоминали, как некоторое время назад Коннор и Нора громко шутили насчет того, чтобы заняться любовью во дворе, прямо у них на глазах.

Больше всего с ней говорил офицер полиции по имени Нэйт Пингри. Он был старше своего напарника Джо Баррейро не только по званию, но и по возрасту, имел огромный опыт и именно поэтому с самого начала взял это дело в свои руки. Их непосредственные обязанности заключались в том, чтобы удостовериться в смерти хозяина дома, осмотреть труп, убедиться в ненасильственной кончине Коннора Брауна и изложить свое заключение в отчете. Иначе говоря, они должны выполнить самую обычную бумажную работу.

— Я понимаю, как вам сейчас нелегко, миссис Браун, — сочувственно сказал Нэйт Пингри, — поэтому мы постараемся как можно скорее уладить все формальности.

Нора сидела в гостиной на большом турецком диване, куда привели ее врачи, и прикрывала лицо руками. Услышав голос Пингри, она подняла голову и посмотрела на полицейских покрасневшими от слез глазами.

— Мы не были женаты, — тихо пробормотала она сдавленным голосом и снова заплакала. Сквозь слезы она успела поймать их удивленный взгляд, брошенный на пальцы ее левой руки, где ярко сверкал огромный бриллиант весом в четыре карата. — Мы были просто... — Она

сделала многозначительную паузу и снова закрыла лицо руками. — Мы были недавно помолвлены.

Офицер Пингри переступил с ноги на ногу. Он всегда ненавидел эту самую неприятную часть своей работы, но понимал, что она обязательно должна быть проделана. Разумеется, ситуация требовала огромного опыта и такта, но самое важное в таком положении — тактичное отношение к пострадавшим.

Нора выдержала приличествующую паузу, а потом, медленно подбирая слова и прерываясь на вздохи, рассказала полицейским обо всем, что произошло в этом доме с того момента, когда они переступили его порог. Начала Нора с той минуты, когда она вернулась к жениху поздно вечером, и закончила тем, что он неожиданно упал без чувств во время ужина. При этом особое внимание уделила тому эпизоду, когда она тащила его в ванную комнату, и своим соображениям насчет возможной причины смерти.

Нора говорила, постоянно путаясь в словах и выражениях, часто поправляя себя, хотя в целом ее мысли были вполне логичны и понятны. Она не раз читала в книгах по криминальной психологии, что люди, пережившие сильный стресс, обычно подвержены эмоциональному шоку, невнятно выражают свои мысли, но при этом всегда отдают себе отчет в сути происходящего.

Она даже упомянула им о том, что незадолго до ужина они с Коннором занимались сексом, причем сделала это намеренно. Окончательное медицинское заключение о причинах смерти подготовят только через сутки, но она уже сейчас хорошо знала, что будет написано в отчете о результатах вскрытия. Вскрытие покажет, что Коннор Браун скончался от сердечного приступа. Что же касается конкретных обстоятельств, которые привели к столь трагическому исходу, то вариантов здесь множество. Это может быть секс, в результате которого сердце сорокалетнего мужчины не выдержало нагрузки, может быть стресс из-за неприятностей на работе, а может быть и просто дурная семейная наследственность. Скорее всего никто так и не сможет определить истинную причину смерти, и этот вариант устраивал ее больше всего.

После того как Нэйт Пингри задал Норе последний вопрос, он зачитал ей все, что успел записать в своем блокноте, а она молча кивнула в ответ, давая понять, что согласна с каждым словом. Там действительно были зафиксированы все детали трагического происшествия, кроме, разумеется, самой интересной части — как она отравила своего жениха, а потом наблюдала за его предсмертными судорогами на холодном полу ванной комнаты.

— Полагаю, мисс Синклер, мы получили от вас исчерпывающую информацию, — подытожил Пингри. — Если не возражаете, мы еще раз осмотрим дом.

— Конечно, — рассеянно пробормотала она. — Как вам будет угодно.

Оба офицера медленно направились вдоль по коридору, а Нора осталась на том самом турецком диване, который она сама купила за семь с лишним тысяч долларов в антикварном салоне «Нью Кэнан антик». Через минуту она поднялась с дивана и огляделась вокруг. Нэйт Пингри и его напарник, конечно, хорошие парни и, похоже, поверили в ее скорбный вид, однако сам момент истины еще не наступил. «О чем они думают на самом деле?»

Нора вышла из гостиной и вскоре нагнала полицейских, которые осматривали комнату за комнатой, не задерживаясь подолгу в каждой из них. Правда, она не подошла к ним, а осталась на таком расстоянии, которое позволяло ей слышать их разговор, но при этом оставаться не замеченной ими.

В самом конце коридора на втором этаже она наконец-то дождалась своего момента. Они остановились в кабинете Коннора, с самой дорогой электронной аппаратурой, и стали тихо переговариваться.

— Черт возьми! — удивленно воскликнул Пингри. — Ты только посмотри на все это богатство. Здесь один лишь телевизор стоит больше, чем моя месячная зарплата.

— Да, эта девушка чуть было не выскочила замуж за огромные деньги, — согласился с ним напарник Баррейро.

— Ты прав, Джо. Представляешь, как ей крупно не повезло?

— Еще бы. Она была буквально в двух шагах от того, чтобы завладеть всеми этими богатствами.

— Да, и все эти богатства вдруг падают на пол и растворяются.

Нора тихо повернулась, прошла по коридору и стала медленно спускаться вниз по лестнице. Ее глаза все еще были красными от слез, косметика размазана по щекам, а волосы растрепаны, однако в душе она испытывала огромное облегчение. «Браво, Нора! Ты молодец!»

Полицейские так ничего и не заподозрили — стало быть, она совершила идеальное убийство.

В очередной раз.

В течение не менее двух часов в доме суетились неизвестные, сосредоточенно-молчаливые люди, а их действия сопровождалась какофонией неких странных звуков. Однако на Нору это не производило никакого впечатления: она прекрасно понимала, что все происходящее является неизбежным следствием любой внезапной смерти.

Но вот суматоха подошла к закономерному финалу. Сначала дом покинули врачи «скорой помощи», за ними последовали местные полицейские, потом уехал медицинский фургон, который увез тело Коннора в морг, и, наконец, исчезли молчаливые люди в штатском.

Именно сейчас настало время приступить к самым важным делам, то есть к тем вещам, которые и нужно было искать полицейским, но которые они никогда не обнаружили бы без ее помощи.

Кабинет Коннора находился в самом дальнем конце дома и представлял собой почти отдельное, обособленное от остальных комнат крыло. Когда-то Нора украсила его в стиле клуба для одинокого мужчины, о чем он неоднократно просил ее с первого дня их знакомства. Она все сделала по его инструкции — мягкая софа с кожаным покрытием, книжные полки из красного дерева и многочисленные картины, изображающие сцены охоты. В одном из углов кабинета стоял средневековый рыцарь в полной красе своих рыцарских доспехов, а в другом находился импровизированный бар с набором чрезвычайно редких и оттого безумно дорогих напитков.

Она уселась за стол Коннора на шикарный стул фирмы «Гейнсборо» и включила компьютер, в памяти которого хранились все данные о состоянии финансовых рынков.

Первый код, который набрала Нора на дисплее, был нацелен на включение программы T-3, связывающей компьютер с Интернетом, потом она запустила программу включения его частной виртуальной сети объемом сто двадцать восемь бит. Как говорили знатоки, это самый безопасный и надежный способ соединения двух программ через киберпространство. Только так можно было подключить компьютер Коннора к компьютерной системе Международного банка в Цюрихе. Норе потребовалось несколько месяцев кропотливой работы, чтобы локализовать код системы и войти в этот банк. А сейчас на всю операцию должно уйти не более четырех минут. Однако Нора вовсе не надеялась, что Коннор допустит оплошность и оставит свой счет в прямом доступе. Здесь понадобится по крайней мере шифр "А", чтобы открыть его.

Разумеется, Коннор был не настолько глуп и простодушен, чтобы проболтаться Норе, какой банковский счет соответствует тому или иному коду. Для этого ей понадобилось еще несколько ночей, когда она методом проб и ошибок вычислила все его счета, пока он мирно спал в своей кровати.

Несмотря на все сложности выхода на банковский счет Коннора в Швейцарии, сама процедура перевода денег из банка в Цюрихе оказалась на удивление простой и совершенно необременительной. Причем все это сопровождалось довольно приятной музыкой Онеггера^[6].

Собственно говоря, нужно было сделать выбор из трех опций, высветившихся на мониторе компьютера:

ДЕПОЗИТ
СНЯТИЕ
ТРАНСФЕР

Нора кликнула на «трансфер», после чего на экране мгновенно появилась следующая страница, которая оказалась такой же простой и доступной. На нее был выведен баланс банковского счета Коннора, и высветилось окно, в которое следовало ввести сумму, предназначенную для перевода.

На балансе оказалось четыре миллиона триста тысяч долларов, но она решила перевести на сто тысяч долларов меньше. Нора ввела нужную сумму, а потом набрала адрес, на который эти деньги должны быть переведены. Коннор был далеко не единственным человеком, который имел свою частную виртуальную сеть. Нора набрала код одного из банков на Каймановых островах, который так любезно оформил на нее юрист по налогам Стивен Кепплер.

После этого она нажала кнопку «исполнить» и, откинувшись на спинку кресла, стала наблюдать за экраном монитора. Горизонтальная полоска стала быстро заполняться темным цветом, показывая процесс перевода денег из одного банка в другой. Облегченно вздохнув, она положила ноги на стол и терпеливо ждала, когда все пространство полоски заполнится черными квадратами.

Через пару минут все было закончено. Нора Синклер стала богаче на четыре миллиона двести тысяч долларов.

На следующее утро Нора встала поздно, сладко зевнула и поспешила вниз на кухню, чтобы поставить чайник. Она не очень переживала из-за случившегося, как и вообще не переживала из-за чего бы то ни было.

Выпив первую чашку кофе, Нора снова задумалась о предстоящем дне и о тех важных делах, которые обязательно нужно предпринять. Прежде всего следовало обзвонить людей, которые в первую очередь должны были узнать о внезапной смерти Коннора. Потом нужно связаться с Джеффри и обсудить с ним кое-какие вопросы.

Первый звонок она адресовала Марку Тиллингэму — адвокату Коннора и управляющему его поместьем. Кроме того, он являлся лучшим другом покойного и должен был первым узнать о случившемся.

Звонок застал Марка в тот момент, когда он выходил из дома на теннисный корт, где обычно по субботам играл в теннис. Нора живо представила его в белом теннисном костюме и с изумленным выражением лица, когда адвокат узнал о трагедии. Он был в шоке, и Нора даже слегка позавидовала этому искреннему проявлению эмоций.

Следующим шагом стало оповещение членов семьи Коннора, список которой, впрочем, был не слишком длинным. Родители Коннора давно умерли, а его единственной близкой родственницей являлась младшая сестра Элизабет, которую он часто называл просто Лиззи, а иногда даже Лизард^[7].

Брат и сестра были близки во всех отношениях, кроме географического. Лиззи жила в Санта-Барбаре, то есть на расстоянии трех тысяч миль от брата, и являлась преуспевающим архитектором. Она редко приезжала на Восточное побережье, а в последний раз навещала брата задолго до его знакомства с Норой.

Нора налила себе еще одну чашку кофе и задумалась над тем, как лучше сообщить совершенно незнакомой женщине о внезапной смерти ее единственного брата. Конечно, она могла вовсе не звонить ей, а поручить столь неприятную миссию Марку Тиллингэму, но Нора считала это своим долгом, так как действительно любила Коннора. Она отыскала номер телефона Лиззи в карманном компьютере своего бывшего любовника.

— Алло? — послышался в трубке недовольный женский голос: в Калифорнии сейчас было начало восьмого утра.

— Это Элизабет?

— Да.

— Меня зовут Нора Синклер...

Как это ни странно, узнав о смерти брата, сестра Коннора не разрыдалась, во всяком случае, по телефону. Она просто задала Норе несколько формальных вопросов, а потом надолго замолчала.

Нора коротко рассказала ей все то, что говорила полицейским, причем слово в слово, не опуская даже самых незначительных деталей.

— Хотя, конечно, мы ничего определенного не узнаем до окончания вскрытия, — закончила она свой рассказ.

Лиззи продолжала напряженно молчать. Нора подумала, что, возможно, она просто сожалела о том, что не удосужилась навестить брата в последнее время. А может быть, ее охватило чувство горечи — ведь она осталась единственной представительницей своего семейства. Впрочем, она могла быть в состоянии шока, как незадолго до этого Марк Тиллингэм.

— Я вылетаю завтра утром, — наконец-то подала голос Элизабет. — Вы уже обдумали план

похорон?

— Нет, я хотела прежде поговорить с вами. Я подумала...

И тут Элизабет громко разрыдалась.

— Надеюсь, это не покажется вам ужасным... Боюсь, что я просто не смогу... Вы не могли бы взять на себя труд позаботиться обо всем этом?

— Разумеется, о чем речь, — быстро согласилась Нора и хотела было положить трубку, но Элизабет снова зарыдала.

— С какого времени вы помолвлены с Коннором? — спросила Элизабет сквозь слезы.

Нора задумалась. Сначала она хотела присоединиться к ней и тоже заплакать, но потом передумала.

— Только неделю, — сдержанно сказала она.

— Мне очень жаль, — пролепетала Элизабет. — Очень жаль.

Под впечатлением телефонного разговора с Лиззи Нора провела всю вторую половину дня, полностью сосредоточившись на подготовке и организации похорон. К счастью, практически все можно было сделать по телефону — от цветов до поминальной трапезы, — однако все же оставались вещи, которые предпочтительнее делать лично. Например, организовать похоронный зал.

Правда, и здесь Норе повезло — она могла в полной мере использовать свой талант дизайнера. К этому делу она отнеслась с таким же рвением и мастерством, с каким обычно выбирала мебель для клиентов. Она заказала для Коннора наиболее дорогой гроб из орехового дерева с резными ручками из слоновой кости. Внутреннее убранство гроба вполне соответствовало статусу покойного.

«Все!» — с облегчением подумала она.

— Нора, я знаю, что это не самое подходящее время, — деликатно начал Марк Тиллингэм, — но есть вещи, которые я непременно должен обсудить с тобой чем раньше, тем лучше. — Этот разговор состоялся во вторник утром, за несколько минут до начала поминальной службы. Вся стоянка перед церковью Святой Марии, что на Олбани Пост-роуд в Скарборо была заполнена дорогими автомобилями. Нора пристально посмотрела на адвоката Коннора сквозь темные стекла очков, которые так гармонировали с ее черным костюмом от Армани. Они оба стояли под большим тенистым деревом неподалеку от покрытой гравием улицы. — Речь идет о сестре Коннора, — продолжил Марк. — Разумеется, она убита горем, так как обожала своего брата. Тем не менее Элизабет обеспокоена твоими планами.

— Моими планами?

— Да, в отношении поместья.

— А что ее тревожит? — удивилась Нора. — Постой, постой, Марк, Элизабет опасается, что я стану оспаривать завещание Коннора?

— Не опасается, а беспокоится, скажем так, — ответил тот. — Недвижимость не может рассматриваться как объект законного наследования со стороны невесты, но это обстоятельство не останавливает некоторых людей...

Нора решительно покачала головой:

— Я не буду оспаривать ее наследственные права, Марк. Боже мой, зачем мне это нужно? У меня нет никакого интереса к недвижимости Коннора. Я любила его самого, а не его поместье. Марк, я хочу, чтобы между нами не было никаких недоразумений: я не стану претендовать на поместье Коннора, так можешь и передать Лиззи.

Озабоченность на лице Марка мгновенно сменилась смущением.

— Конечно, передам, — тихо сказал он и облегченно вздохнул. — И еще раз извини, Нора, что я поднял этот вопрос.

— Значит, именно по данной причине она избегает встреч со мной?

— Нет, дело не только в этом. Понимаешь, она не просто убита горем. Она до сих пор в шоке и никак не может справиться с собой. Они с Коннором выросли вместе и много лет были неразлучны. Ты же знаешь, что их родители умерли, когда они были совсем юными.

— Марк, просто из любопытства, — осторожно спросила Нора, — что Коннор оставил ей в своем завещании?

Марк потупился и долго смотрел на кончики сверкающих черных туфель.

— Нора, я не имею права разглашать подобные сведения.

— А ты имеешь право огорчать женщину, которая так любила Коннора, да еще перед самым началом поминальной службы?

Чувство вины мгновенно вытеснило у Марка чувство профессионального долга.

— Элизабет должна получить две трети поместья, включая и сам дом, — сказал он виноватым голосом. — Я же сказал, что они были очень близки с детства.

— А остальное? — поинтересовалась Нора.

— Две двоюродные сестры Коннора в Сан-Диего получают крупные суммы денег, а остальное будет передано на различные благотворительные цели.

— Очень хорошо, — сказала Нора, явно удовлетворенная.

— Да, неплохо. В этом случае Коннор поступил благородно. Впрочем, он довольно часто проявлял свое благородство.

Нора задумчиво кивнула.

— Коннор был прекрасным парнем, Марк. Нам уже пора войти в церковь, не так ли?

Служба прошла просто великолепно. Она была грустной и чрезвычайно трогательной. Да и сама церковь Святой Марии вместе с прекрасно оформленным зданием загородного клуба «Слипи Холлоу», расположенным неподалеку от церкви, было самым подходящим местом для подобной церемонии.

Во всяком случае, именно об этом говорили Норе участники похорон. Никакого официального приема соболезнований, естественно, не предполагалось, но люди подходили к ней и выражали искреннее сочувствие по поводу неожиданной смерти жениха. Среди них оказались друзья Коннора и деловые партнеры — их Нора хорошо знала раньше, но были и такие, о которых она только слышала. Были и совсем незнакомые Норе люди — они просто представлялись и выражали соболезнования по поводу столь тяжелой утраты.

И все это время — как в самой церкви, так и на кладбище — Элизабет Браун держалась на расстоянии и не подходила к ней. Впрочем, Нора не упрекала ее в таком странном поведении и не жаждала выслушать от нее слова сочувствия. Сестра Коннора и так оказала ей немало любезностей. А самое главное заключалось в том, что она напрочь отменила все подозрения в причастности Норы к смерти брата, убеждая собеседников, что в случае заключения брака Нора получила бы от мужа многомиллионное состояние.

И только в доме Коннора в Уэстчестере, где собрались почти все участники траурной церемонии, чтобы почтить память друга, Элизабет наконец-то подошла к Норе.

— Я обратила внимание, что ты совсем не пьешь, — сказала Лиззи. — Даже в такой печальный день.

Нора стояла с большим фужером, наполненным прозрачной пузырящейся жидкостью.

— Нет, я пью иногда, но сегодня предпочитаю минеральную воду.

— У нас до сих пор не было возможности поговорить по душам, — тихо произнесла Элизабет. — Я хочу поблагодарить тебя за подготовку и проведение похорон. Сомневаюсь, что мне удалось бы сделать все это самой. — В ее глазах появились слезы.

— Не стоит благодарности, — отмахнулась Нора. — У меня это получилось лучше, поскольку я живу здесь. Точнее сказать, проживала в этом доме, но...

— Я знаю, Нора, — прервала ее Элизабет. — Честно говоря, именно об этом я и хотела поговорить с тобой.

Тут мимо них прошел один из деловых партнеров Коннора по Гринвичу, и Элизабет замолчала, чтобы он не мог подслушать их разговор.

— Знаешь что, — предложила Нора, — давай отойдем в сторонку.

Она провела Элизабет на веранду, где они остановились на ступеньках перед парадным входом. Теперь им никто не мог помешать. «Настало время для откровенных признаний?» — подумала Нора.

— Так вот, — осторожно начала Элизабет, — я разговаривала с Марком Тиллингэмом, и он сообщил, что Коннор завещал этот дом мне.

Реакция Норы была просто блестящей.

— Правда? — вполне натурально удивилась она. — Ну что ж, прекрасно. Я очень рада, что он останется в вашей семье, Лиззи.

— Да, это действительно хорошо, — согласилась с ней Элизабет. — Мне теперь осталось лишь бросить все свои дела и переехать сюда. — Она сделала многозначительную паузу и понуро повесила голову, не находя в себе сил, чтобы продолжить разговор. Слезы ручьем текли по ее щекам. — Но я не могу этого сделать.

— Понимаю, — сочувственно кивнула Нора. — В таком случае, Лиззи, тебе нужно выставить его на продажу.

— Я тоже так думаю, но хочу сделать это без спешки. Именно потому я и решила поговорить с тобой. Прежде всего хочу сказать, что ты можешь жить в этом доме, сколько будет угодно. Я знаю, что Коннор одобрил бы мое решение.

— Это очень мило с твоей стороны, — улыбнулась Нора. — Хотя я и сама могу позаботиться о себе.

— Я попросила Марка, чтобы он оплатил все расходы на похороны за счет доходов от поместья. Это единственное, что мы можем сейчас сделать для тебя.

Нора молча улыбнулась. В каждом слове Элизабет чувствовалось, что она ощущает себя виноватой. Сразу после внезапной смерти брата Лиззи думала, что его невеста окажется на улице и будет жить на скудную зарплату, и сейчас ее неожиданная щедрость говорила о том, что она не осознала свою ошибку. «Да, Лиззи, ты действительно ошиблась, — подумала про себя Нора, — решив, что я останусь без средств к существованию. Я уже получила свою зарплату».

Какое-то время они стояли перед шикарным домом и продолжали болтать о том о сем, пока Элизабет не вспомнила про время. До отправки ее самолета обратно в Калифорнию оставалось менее трех часов.

— Мне пора, — сказала она. — Знаешь, Нора, это был самый печальный день в моей жизни.

Нора кивнула в ответ:

— Да, и для меня тоже. Пожалуйста, поддерживай связь со мной.

Элизабет попрощалась, по-дружески обняла Нору и быстро направилась к поджидавшему ее на улице арендованному автомобилю. А Нора молча наблюдала за ней, скрестив на груди руки. Внешне она была очень спокойной, но душа ее кричала от радости. Она совершила безупречное убийство и заработала кучу денег. Когда машина тронулась с места, она резко повернулась на высоких каблуках и стала подниматься в дом по ступенькам. Через секунду Нора вдруг остановилась и огляделась вокруг. Ей показалось, что где-то неподалеку раздался какой-то странный звук, что-то напоминающее глухой щелчок.

Нора внимательно оглядела двор и прислушалась. Ничего подозрительного. Она подумала, что это, вероятно, какая-то птичка пролетела, и пошла дальше, но не успела подняться на самую последнюю ступеньку, как из-за густых деревьев снова послышались щелчки цифрового фотоаппарата «Никон ДИКС».

Щелк. Щелк. Щелк.

Нора Синклер оказалась не единственным человеком, разработавшим грандиозный план.

«Вещи далеко не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд, мой мальчик».

Именно эту фразу любил повторять мне отец, когда я был маленький. Разумеется, он любил также напоминать, чтобы я выносил мусорное ведро, убирал листья во дворе, разгребал снег, не сутулился и всегда ходил прямо. Однако с точки зрения моих жизненных впечатлений все это казалось совершенно не важным по сравнению с тем первым и самым главным советом.

А ведь, казалось бы, такая простая мысль — и в то же время, судя по моей последующей жизни, очень правильная.

Так вот незатейливо философствовал я, сидя в своем недавно арендованном офисе, который больше напоминал одежный шкаф не слишком богатого жениха. Эта комната была настолько жалкой, что могла бы вызвать нарекания даже у самого неприхотливого постояльца.

А на экране монитора моего компьютера мелькали фотографии, которые я недавно сделал цифровой фотокамерой. И на каждой из них была одна и та же личность — Нора Синклер, одетая в черное с головы до пят. Нора в церкви Святой Марии, Нора на траурной церемонии на кладбище, Нора возле дома Коннора Брауна. Последний снимок был сделан в тот момент, когда Нора стояла на ступеньках веранды и о чем-то мило беседовала с Элизабет, сестрой этого бедного парня. Элизабет — высокая, со светлыми волосами и чем-то напоминает типичных завсегдатаев калифорнийских пляжей. А Нора — брюнетка, пониже Элизабет, но при этом гораздо более красивая. И обе они печальны, как и подобает в подобных случаях. Какое-то время они плакали, а потом обнялись и расстались.

Что именно я должен найти на этих фотографиях?

Ответить на данный вопрос я не мог, но чем больше я разглядывал снимки, тем чаще вспоминал слова моего отца, эхом отдававшиеся в моей голове: «Вещи далеко не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд».

Я схватил трубку и быстро набрал номер своего босса. Через пару гудков в трубке послышался ее отрывистый голос...

— Сьюзен, — сказала она решительно, не поздоровавшись и даже не упомянув своей фамилии.

— Это я, привет. Хочу, чтобы ты по моему голосу догадалась, о чем я собираюсь тебе сообщить. Итак, что ты думаешь по этому поводу?

— У тебя такой голос, словно ты хочешь впарить мне очередную страховку.

— Ты хочешь сказать, что моя речь звучит не слишком по нью-йоркски?

— А ты хочешь узнать, не звучит ли она слишком нагло? Нет, не слишком.

— И на том спасибо.

— Так ты уже все сказал, что хотел?

Я немного подумал.

— Ладно, могу добавить, что тот парень действительно помер и уже в пути на небеса. — Эту фразу я произнес с теми же самыми интонациями, которые мне всегда казались по-настоящему нью-йоркскими. — Останови меня, если услышишь именно то, что хотела.

— Я уже слышала.

— Нет, не слышала, поверь мне. Сейчас ты будешь смеяться.

— Полагаю, что для этого всегда найдется повод.

Тут следует отметить, если кто-то это еще не понял, что между мной и боссом имелось некоторое взаимопонимание, если не сказать больше. Разумеется, у каждого мужчины есть свой стиль общения с женщиной-начальником. Когда Сьюзен только возглавила свой департамент, в

нем было пять или шесть парней, которые хотели устроить ей нелегкую жизнь. Но она решила проблему очень быстро — уволила их всех на следующий же день. Именно поэтому я, всегда относился к ней с полной серьезностью, как, впрочем, и она ко мне.

— Повод действительно есть, — сказал я, — в виде известного анекдота. Приезжает один чувак в «Перли Гэйтс» и сразу же видит перед собой две надписи. На первой из них написано: «МУЖЧИНЫ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ ПОД КОНТРОЛЕМ ЖЕН». Он долго смотрит на эту фразу и находит, что она слишком длинная.

— Естественно.

— И тогда этот чувак начинает читать вторую надпись: «МУЖЧИНЫ, КОТОРЫЕ НЕ НАХОДЯТСЯ ПОД КОНТРОЛЕМ ЖЕН». Он оглядывается вокруг и видит только одного молодого парня. Подходит к нему и спрашивает: «Скажи мне, приятель, почему ты здесь стоишь?» Парень посмотрел на него и отвечает: «Не знаю, моя жена сказала, чтобы я стоял здесь».

Я немного подождал, надеясь услышать смех на другом конце провода.

— Очень забавно, — отметила Сьюзен. — Но это не основание считать, что ты закончил свой рабочий день.

Я захихикал.

— А это еще более забавно, учитывая тот факт, что я не считал нынешний день рабочим.

— Похоже, в твоем голосе сквозит некоторая нервозность.

— Не нервозность, а реальная оценка ситуации.

— А что, собственно, стряслось? Ты же давно занимаешься подобными делами и, по-моему, имеешь... — Сьюзен прервалась на полуслове. — Ах да, понимаю, все дело в том, что речь идет о женщине, не так ли?

— Я просто хочу сказать, что тут совсем другое дело, и не более того.

— Не волнуйся, все будет в порядке. Не важно, кем на самом деле может оказаться эта Нора Синклер. Все равно, кроме тебя, никто не справится с этим делом. Итак, когда будет главное представление?

— Завтра.

— Превосходно. Держи меня в курсе дела.

— Непременно, — пообещал я. — Да, Сьюзен, еще одно...

— Что?

— Я благодарен тебе за кредит доверия.

— Неужели?

— Чему ты удивляешься?

— Я все еще не привыкла к тому, что иногда ты можешь быть скромным и покорным.

— Я стараюсь, — смиренно ответил я. — Одному Богу известно, как я стараюсь.

— Не сомневаюсь в этом. Желаю удачи.

Психиатрическая лечебница, расположенная в Лафайетвилле и находящаяся под покровительством штата Нью-Йорк, находилась к северу от Уэстчестера, и добраться до больницы можно было за час с четвертью. Но Нора мчалась на новеньком «мерседесе» по окруженной лесами и довольно ветреной магистрали «Таконик паркуэй» со скоростью восемьдесят миль в час и добралась до лечебницы на пятнадцать минут раньше.

Въехав на стоянку перед зданием больницы, она нажатием кнопки подняла верх автомобиля и заглушила двигатель. После этого бросила последний взгляд в зеркало, поправила волосы и еще раз подумала, что сделала правильно, решив обойтись без лишней косметики. В этот момент Нора почему-то вспомнила о сестре Коннора. Что-то в поведении Элизабет настораживало ее. Было такое ощущение, будто между ними возникла какая-то невидимая стена, нечто непреодолимое и непонятное.

Нора пожала плечами, словно пытаясь сбросить с себя это наваждение. Выйдя из автомобиля, она заперла дверцу, хотя в таком месте данная предосторожность была явно излишней. Одетая в слегка потертые джинсы и простую белую майку из чистого хлопка, Нора держала под мышкой небольшую сумку из книжного магазина. Направившись к центральному зданию из красного кирпича, она попутно отметила, что на стоянке в это время не было ни души.

Нора прекрасно знала внутренний распорядок психиатрической больницы и все ее рутинные обычаи, так как посещала это заведение каждый месяц в течение последних четырнадцати лет. Нужно было зарегистрироваться возле стола дежурного администратора, для чего следовало предъявить удостоверение личности и расписаться в журнале.

Получив пропуск, она прошла по коридору, свернула налево и шагнула в пустую кабинку лифта. В течение первого года Нора всегда нажимала кнопку второго этажа, однако потом ее мать перевели на самый верхний этаж. Никто из сотрудников института никогда не говорил Норе об этом, но она и сама прекрасно знала, что чем выше этаж, тем меньше шансов у пациента когда-нибудь выбраться из клиники.

Нора вошла в кабину лифта и нажала на восьмерку. Это и был самый верхний этаж.

У старшей медсестры Эмили Барроуз был самый обычный трудовой день, когда не происходит никаких серьезных происшествий, но при этом нет ни минуты, чтобы расслабиться и отдохнуть. Компьютерная система давала сбои, боль в спине никак не проходила, копировальная машина давно уже не работала, голова раскалывалась от мигрени, а кто-то из ночной смены пролил кофе на регистрационный журнал. А ведь еще даже обеденное время не наступило.

Плюс ко всему она, как и тысячи раз до этого, должна подготовить к работе новую медсестру. На сей раз перед ней предстала молодая женщина по имени Пэтси, которая слишком много улыбалась и слишком восторженно отзывалась о своих новых обязанностях.

Обе женщины сидели в служебном помещении на восьмом этаже, когда послышался шум открывающейся двери лифта, расположенного справа от них. Эмили оторвалась от замусоленных страниц регистрационного медицинского журнала и увидела давно знакомое лицо.

— Привет, Эмили.

— Привет, Нора, — ответила старшая медсестра. — Как дела?

— Ничего, а как она?

— Нормально.

Эмили и Нора обменивались этими фразами по меньшей мере раз в месяц, и этот разговор всегда заканчивался одним и тем же — мать Норы пребывала в нормальном состоянии, то есть без изменений.

Эмили посмотрела на Пэтси. Новая медсестра, наивно улыбаясь, пристально следила за их разговором.

— Пэтси, это Нора Синклер, — представила ее Эмили. — Ее мать Оливия лежит в восьмьсот девятой палате.

— О! — воскликнула Пэтси с очевидным смущением, что было явной ошибкой с ее стороны.

Нора сдержанно кивнула.

— Рада познакомиться с тобой, Пэтси. — После этого она пожелала новой медсестре успехов в работе и быстро зашагала вдоль длинного коридора.

А Пэтси сразу же наклонилась к старшей медсестре и перешла на шепот:

— Оливия Синклер... это та самая дама, которая застрелила своего мужа?

Эмили ответила ей тоже шепотом:

— Так постановил суд присяжных. Много лет назад.

— Значит, вы не верите, что она это сделала?

— Отчего же, верю, она действительно убила своего мужа.

— Ничего не понимаю. Почему тогда она доживает свой век здесь?

Эмили посмотрела в дальний конец коридора, желая убедиться, что Нора находится вне пределов слышимости разговора.

— Я слышала много лет назад, что в первые годы своего пребывания в тюрьме, где она отсидивала пожизненный срок, Оливия вела себя нормально, и никаких проблем с ней не имелось. Короче говоря, образцовая заключенная, но потом у нее просто поехала крыша.

— Как это?

— Она утратила связь с реальностью, начала говорить на каком-то странном, непонятном языке, а потом вообще стала есть только те продукты, которые начинались на букву "б".

— На букву "б"?

— Да, но она с таким же успехом могла перейти на продукты, начинающиеся, например, на букву "х". Впрочем, на ее здоровье это не слишком отразилось. На ту же букву "б" она могла есть белый хлеб, бананы и многое другое.

Пэтси воодушевилась и быстро подсказала ей свое любимое пирожное:

— "Бундт".

Эмили растерянно заморгала ресницами, а потом кивнула:

— Ну.. да, полагаю, это она тоже могла есть. Как бы там ни было, потом Оливия попыталась покончить с собой, в результате чего ее решили перевести в нашу клинику. — На мгновение она задумалась. — Впрочем, я уже точно не помню: может быть, она сперва хотела покончить с собой, а потом сошла с ума. Но это не важно. В одном я абсолютно уверена: Оливия Синклер находится в психиатрической лечебнице двадцать лет и не помнит даже своего имени.

— Какой кошмар, — соболезнующе выдохнула Пэтси, которая, как успела заметить Эмили, продолжала глупо улыбаться даже во время выражения искреннего сочувствия. — А как вы думаете, что с ней произошло?

— Понятия не имею, — отрезала Эмили. — Это что-то среднее между аутизмом и болезнью Альцгеймера. Оливия Синклер способна немного поговорить, может обслуживать себя, однако делает какие-то странные вещи, которые кажутся совершенно бессмысленными. Например, ты видела сумку, которую держала под рукой Нора? — Пэтси покачала головой. — Так вот, каждый месяц Нора приносит ей новый роман для чтения, но когда я застаю Оливию за этим занятием, то вижу, что книгу она держит вверх ногами.

— А Нора знает об этом?

— Да, к сожалению.

Пэтси грустно вздохнула.

— Ну что ж, все равно хорошо, что она регулярно навещает свою бедную мать.

— Я бы согласилась с тобой, — осторожно заметила старшая медсестра, — если бы не одна вещь. Эта несчастная женщина просто-напросто не узнает свою дочь.

— Здравствуй, мама, это я.

Нора вошла в небольшую комнату, подошла к матери и пожала ее руку. Но та не ответила ей таким же пожатием. Впрочем, Нора и не ждала от нее этого. Она уже давно не ждала от своих визитов к матери ничего хорошего.

Оливия Синклер лежала на больничной кровати, облокотившись на две огромные подушки, и смотрела куда-то вдаль немигающим взглядом. Сейчас ей было пятьдесят семь лет, но выглядела она на все восемьдесят.

— Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь? — поинтересовалась Нора, наблюдая за тем, как мать медленно повернула к ней голову. — Это я, Нора.

— Ты очень красивая.

— Спасибо, мама, я сделала новую прическу. Правда, я сделала это для похорон.

— Ты знаешь, что я люблю читать, — тихо сказала Оливия.

— Да, знаю. — Нора открыла сумку и вынула оттуда последний роман Джона Гришема. — Видишь, я принесла тебе новую книжку.

Она протянула роман матери, но та не взяла его. Нора положила книгу на столик и присела на стул рядом с кроватью.

— Тебя хорошо кормят?

— Да.

— Что ты ела на завтрак?

— Яйца и поджаренный хлеб.

Нора выдавила из себя улыбку, хотя в такие минуты была особенно удручена. Она делала вид, что поддерживает с матерью нормальный разговор, но на самом деле никакого общения между ними не происходило. Нора давно уже знала об этом, но постоянно повторяла данную процедуру, словно желая убедиться в том, что мать по-прежнему находится в неменяемом состоянии.

— Ты знаешь, кто сейчас является президентом страны?

— Да, конечно, Джимми Картер.

Нора знала, что нет никакого смысла поправлять мать и доказывать ей что-то другое. Вместо этого она рассказала ей о своей работе и о тех домах, которые она оформила в последнее время. Нора рассказала и о своих подругах, которые проживали в районе Манхэттена. Илейн много работает в своей юридической фирме, а Эллисон стала популярным стилистом и считается своеобразным барометром в мире современной моды.

— Они действительно очень хорошие подруги, мама, — закончила она свой рассказ.

Вместо ответа раздался стук в дверь, и на пороге палаты появилась Эмили с подносом в руках.

— Пора принимать лекарства, Оливия, — сказала медсестра, направившись к больничной кровати. Она налила в стакан воды из графина и протянула его Оливии. — Мать Норы послушно приняла таблетку и запила ее водой из стакана. — О, это что, последний роман? — с наигранным удивлением спросила Эмили, покосившись на лежавшую на столике книгу.

— Да, он только что вышел из печати, — ответила Нора.

Ее мать слабо улыбнулась:

— Вы же знаете, я очень люблю читать.

— Конечно, знаю, — подтвердила Эмили.

Мать Норы протянула руку, взяла со столика книгу, открыла ее на первой странице и начала

читать, держа ее вверх тормашками.

Эмили повернулась к Норе, которая всегда казалась ей такой славной, смелой и красивой женщиной.

— Да, кстати, — сказала она, собираясь покинуть палату, — в нашем кафе скоро начнется концерт певцов и музыкантов из местной средней школы. Мы приглашаем тебя, Нора.

— Нет, спасибо, у меня сейчас нет времени, — вежливо отказалась она. — Я уже собиралась уходить — очень много дел. — Эмили вышла из палаты, а Нора поднялась со стула, подошла к матери и поцеловала ее в лоб. — Я люблю тебя, мама, — прошептала она, — и очень хочу, чтобы ты знала об этом.

Оливия Синклер не сказала ни слова, молча проводив глазами дочь, которая направилась к двери.

Через несколько минут, когда в палате не осталось никого из посторонних, Оливия перевернула новую книгу и начала читать ее.

За двадцать минут ожидания в салоне машины я уже в третий раз почистил линзы цифрового фотоаппарата, а в перерывах успел сосчитать швы на рулевом колесе (триста двенадцать), передвинул водительское сиденье, сделав его более удобным, и наконец-то запомнил оптимальное давление в шинах, которые стояли на моем «БМВ-330i» (тридцать фунтов на квадратный дюйм для передних колес и тридцать пять фунтов для задних, как говорилось в инструкции, которую я обнаружил в бардачке машины).

После этого меня стала одолевать тоска.

Сначала я подумал, что, может, мне стоило прежде позвонить ей по телефону и договориться о встрече, но потом решил, что мое знакомство с ней должно произойти с глазу на глаз, то есть лицом к лицу. И ради этого стоит пожертвовать своим временем. Уж лучше подремать в машине, чем испортить все дело необдуманном звонком. Если бы я знал, что застряну здесь надолго, то прихватил бы с собой несколько пирожков из магазинов «Данкин», «Криспи крим» или по крайней мере «Севен-илевен».

Где же она?

Минут через десять я увидел из дальнего конца Центрального проезда, как к дому Коннора Брауна подкатил ярко-красный «мерседес» с открытым верхом. Автомобиль остановился, а через минуту из него вышла стройная женщина приятной наружности.

Нора Синклер. В этом не было никаких сомнений. Так и хотелось выкрикнуть: «Вау!»

Она грациозно наклонилась над задним сиденьем и достала оттуда огромный бумажный пакет с продуктами. Пока она шла к дому, перебирая пальцами ключи от парадного выхода, я успел выскочить из машины и нагнать ее.

— Простите! — громко выкрикнул я, добродушно ухмыляясь. — Э-э-э... простите!

Она резко повернулась, подозрительно уставившись на меня сквозь солнцезащитные очки, с которыми, казалось, никогда не расставалась. Вместо траурного одеяния на ней сейчас были самые обыкновенные джинсы и свободная белоснежная хлопчатобумажная майка. Однако наиболее яркое впечатление производили ее волосы — густые, сверкающие, цвета зрелого каштана. Я готов был еще раз воскликнуть: «Вау!»

Наконец-то я подошел к ней поближе и еще раз напомнил себе: не переборщить бы с нью-йоркским акцентом.

— Вы, случайно, не Нора Синклер?

Даже сквозь темные стекла очков я заметил, что она пристально смерила меня взглядом.

— Кому как, — уклончиво ответила Нора. — А вы кто такой?

— О, простите, — виновато пролепетал я, — забыл, что сперва нужно представиться. Крейг Рейнолдс, — сказал я и протянул ей руку.

Нора замешкалась со своим пакетом с продуктами, а потом пожала протянутую руку.

— Здравствуйтесь, — сказала она настороженно. — Ну и что вам от меня надо, Крейг Рейнолдс?

Я суетливо порылся в боковом кармане пиджака, вынул оттуда визитную карточку и неуклюже протянул ей.

— Я занимаюсь страхованием жизни в страховой компании «Сентениан уан». — Она пристально посмотрела на визитку. — Сожалею о столь тяжелой утрате, — добавил я после небольшой паузы.

Нора заметно смягчилась.

— Благодарю вас.

— Значит, я не ошибся, вы действительно Нора Синклер?

— Да, меня зовут Нора.

— Полагаю, вы были очень близки с покойным Коннором Брауном?

На ее лице снова появились признаки беспокойства, а в голосе послышались тревожные нотки:

— Да, мы были помолвлены. Пожалуйста, объясните, в чем дело?

Теперь настал мой черед разыграть перед ней некоторое смущение.

— Вы хотите сказать, что еще ничего не знаете?

— Не знаю чего?

Я сделал многозначительную паузу.

— Насчет страхового полиса, оформленного на мистера Брауна. Если быть точным, то его страховка составляет сумму в один миллион девятьсот тысяч долларов. — Она удивленно вытаращила на меня глаза и заморгала длинными ресницами. Впрочем, ничего другого я от нее и не ожидал. — В таком случае, миссис Синклер, полагаю, вы не знаете самого главного. Вы единственная наследница этой суммы.

Нора выдержала паузу с завидным хладнокровием.

— Напомните мне, пожалуйста, свое имя, — сдержанно попросила она.

— Крейг Рейнолдс. Оно написано на визитной карточке. Я являюсь менеджером местного отделения страховой компании «Сентениан уан», расположенного в вашем городке.

Нора переступила с ноги на ногу и попыталась переложить бумажный пакет в другую руку, чтобы еще раз посмотреть на визитную карточку. Но в результате неосторожного движения пакет накренился и стал быстро сползать вниз с ее руки. Я бросился вперед и подхватил его в тот момент, когда он должен был шлепнуться на землю.

— Большое спасибо, — сказала она, крепче прижимая пакет к груди. — Там все могло превратиться в месиво.

— Послушайте, — предложил я, — почему бы мне не помочь вам отнести все это в дом? Тем более что мне все равно нужно поговорить с вами.

В этот момент я точно знал, о чем она думает. Какой-то парень, которого она никогда не видела раньше, напрашивается к ней в гости под любым предлогом. Конечно, это не могло не вызвать у нее подозрений, хотя я принес ей хорошую новость о страховой выплате на огромную сумму.

Нора задумалась, а потом еще раз взглянула на мою визитку.

— Да вы не волнуйтесь, я приучен хорошо вести себя в чужих домах, — пошутил я.

Она едва заметно улыбнулась:

— Извините, я не хотела обидеть вас своими подозрениями, но сейчас...

— Да, сейчас для вас нелегкие времена, — прервал я ее. — Могу представить себе, что вам пришлось пережить за последние дни, так что не стоит извиняться. Если хотите, можем обсудить все наши проблемы в другое время и в другом месте. Вы не могли бы прийти ко мне в офис?

— Нет, все нормально, — отмахнулась она. — Пожалуйста, входите.

Нора направилась в дом, а я послушно последовал за ней с пакетом в руках. До сих пор все шло как по маслу. Она грациозно ступала по дорожке, и я вдруг подумал, может ли она так же красиво танцевать.

— Лесные орехи в ванильном масле? — спросил я.

Она удивленно посмотрела на меня из-за плеча:

— Простите?

Я кивнул на бумажный пакет, откуда торчал край коричневой банки.

— Впрочем, может быть, это что-то вроде орехов в крем-брюле. Я недавно совершенно случайно наткнулся на них в магазине и с удовольствием попробовал. У них такой же примерно запах.

— Нет, это действительно лесные орехи в ванильном масле, — улыбнулась она. — У вас хорошее обоняние.

— Я бы предпочел родиться с хорошими физическими данными, чтобы бегать со скоростью девяносто миль в час, чем с хорошим чувством запаха.

— И все же это лучше, чем ничего.

— Значит, вы оптимистка по натуре, — шутливо заключил я.

— Только не в эти печальные дни.

Я ударил себя рукой по лбу:

— Черт возьми, как это глупо с моей стороны. Я опять забыл о вашем несчастье, простите,

ради Бога.

— Ничего, — тихо сказала она и опять слегка улыбнулась.

Мы поднялись по ступенькам на веранду и вошли в дом. Фойе в этом роскошном особняке было гораздо больше, чем вся моя городская квартира, а стоимость огромных канделябров над головой значительно превышала мою годовую зарплату. У меня в глазах рябило от шикарных восточных ковров, дорогих ваз из китайского фарфора и прочей мелочи. Господи, какие несметные богатства!

— Кухня в этой стороне, — сказала она, поворачивая за угол. Через секунду я убедился, что даже кухня в этом доме была намного больше моей квартиры. Нора показала рукой на мраморную полку возле холодильника. — Можете поставить пакет на эту полку. Благодарю вас. — Я положил пакет на полку и начал вынимать оттуда продукты. — Нет, спасибо, в этом нет необходимости. — Она подошла ко мне и взяла с полки пакет с продуктами. — Хотите чашку кофе?

— С удовольствием.

Пока чайник закипал на плите, я делал все возможное, чтобы разговор протекал в свободной, ничего не значащей манере. В противном случае мое появление в этом доме могло бы насторожить ее и вызвать ненужные вопросы.

— Знаете, чего я больше всего не понимаю? — спросила она через несколько минут, когда мы уже сидели за столом и пили кофе. — У Коннора была уйма денег, но при этом он так и не удосужился обзавестись женой и детьми. Так зачем же ему в таком случае страховать свою жизнь?

— Это хороший вопрос, — согласился я. — Полагаю, ответ на него кроется в том, как именно появилась эта страховка. Понимаете, мистер Браун ни разу не появился в нашем офисе. Мы сами пришли к нему. Точнее сказать, в его компанию.

— Что-то я не понимаю вас.

— Дело в том, что в последнее время наша фирма «Сентениан уан» все чаще заключает страховые договоры с сотрудниками крупных фирм и выдает рабочим и служащим компенсационные страховые полисы. А чтобы добиться благосклонного расположения руководства компаний, мы предлагаем руководителям бесплатное страхование жизни.

— Очень неплохой подход.

— Да, это помогает нам заключать гораздо больше договоров, чем раньше.

— И сколько, вы сказали, стоит страховой полис Коннора? — поинтересовалась Нора, делая вид, что напрочь забыла сумму.

— Одна и девять десятых миллиона, — с готовностью ответил я. — Это максимальная сумма для компании такого размера.

— И он действительно записал меня в качестве единственного наследника?

— Да, в этом нет никаких сомнений.

— Когда это случилось?

— Вы хотите сказать, когда был подписан страховой полис?

Нора молча кивнула.

— Совсем недавно, по нашим меркам. Пять месяцев назад.

— Полагаю, в этом и кроется объяснение, — задумчиво сказала она. — Как раз столько времени мы находились с ним в близких отношениях.

Я понимающе улыбнулся:

— Очевидно, у него с самого начала были к вам весьма глубокие чувства.

Нора попыталась улыбнуться, но появившиеся на щеках слезы стерли улыбку с лица. Она стала извиняться и вытирать глаза, а я пытался убедить собеседницу в том, что прекрасно

понимаю ее чувства. Эта сцена действительно была трогательной и еще раз доказывала превосходные актерские качества Норы Синклер.

— Коннор и так дал мне очень много, а тут еще и это, — произнесла она сквозь слезы. — Я бы сейчас все на свете отдала, чтобы вернуть его. — Нора сделала большой глоток кофе, и я последовал ее примеру. — Ну и какие же сейчас проблемы с этой страховкой? — спросила она через мгновение. — Полагаю, я должна подписать какие-то бумаги, чтобы получить причитающуюся мне сумму?

Я наклонился вперед, положил руки на стол и обхватил пальцами горячую чашку.

— Дело в том, что именно поэтому я и пришел сегодня к вам, миссис Синклер. Возникла небольшая проблема.

Он действительно выглядел как страховой агент, но Норе с самого начала показалось: что-то в нем не совсем так.

Во-первых, парень был неплохо одет. Его галстук вполне соответствовал костюму, а костюм, в свою очередь, соответствовал моделям прошлого десятилетия.

К тому же он был интересной личностью, а те страховые агенты, с которыми ей приходилось общаться в последнее время, обладали харизмой самой банальной колоды карт, не более того. А этот Крейг Рейнолдс, насколько она могла судить, являлся не только умным и интересным, но и чрезвычайно привлекательным мужчиной. Причем все эти качества органично сочетались в нем. Вдобавок и ездил он на неплохом автомобиле.

С другой стороны, работал этот Рейнолдс не в каком-то там Восточном Бронксе, а в аристократическом районе Брайерклиф-Мэнор, где для управления местным отделением крупной страховой компании нужно было иметь недюжинные способности.

Так или иначе, она понимала, что ни в коем случае не должна терять бдительность. Все это время Нора пристально наблюдала за ним — с того самого момента, когда этот парень впервые появился перед ней, и до настоящей минуты, когда он наклонился вперед, обхватив обеими руками чашку с горячим кофе. В особенности в тот момент, когда ее гость заявил, что с полисом Коннора «есть небольшая проблема».

— Ну и в чем же заключается эта проблема? — спросила она.

— На самом деле мне вовсе не кажется, что это проблема, — уклончиво ответил он. — Все дело в том, что мистер Браун был слишком молод, когда заключил с нами этот договор. Именно потому они решили проверить, все ли здесь в порядке.

— Кто это «они»?

— Наша штаб-квартира в Чикаго. Как правило, эти люди принимают окончательное решение о выплате страховки.

— А ваше мнение не принимается во внимание? — поинтересовалась Нора.

— Как я уже сказал, страховой полис мистера Брауна был подписан в нашем корпоративном отделении, которое управляется из главного офиса, где уже давно принят на вооружение основной принцип нашей компании — быть как можно ближе к своим клиентам. А это означает, что если компания не сталкивается с проблемой дополнительного расследования, то все решения могу принимать лично я. Но тут речь идет именно о расследовании, а в таких делах со мной не очень считаются.

— Значит, если не вы принимаете окончательное решение, то кто его принимает?

— Я пока еще не знаю, но могу предположить, что это будет человек по имени Джон О'Хара.

— Вы знаете его?

— Только по слухам.

— М-да...

— Что вы имеете в виду?

— Когда вы произнесли эту фразу про О'Хару, то невольно поморщились.

— Нет, ничего страшного, просто этот О'Хара — самый настоящий засранец, простите за грубое выражение. И его репутация вполне соответствует должности сыщика по страховым делам. Исходя из всего вышесказанного, вы должны быть готовы к довольно утомительному, рутинному, но всего лишь самому обычному формальному расследованию.

Когда Крейг Рейнолдс потянулся к своей чашке, Нора сделала еще одно важное заключение

— на его пальце не было обручального кольца.

— Как вам понравились лесные орехи в ванильном масле? — спросила она.

— На вкус они гораздо лучше, чем на запах.

Она откинулась на спинку стула. Избавившись от остатков слез, она мило улыбнулась Крейгу. Очень хорошо, что этот парень совершенно случайно оказался в ее доме. К тому же она заметила, что, когда он улыбается, на его щеках появляются симпатичные ямочки. Но как плохо, что у него маловато денег. Правда, он принес ей почти два миллиона долларов, на которые она никак не рассчитывала, но это все-таки не его деньги. Самое главное сейчас заключалось в благоприятном исходе расследования. Крейг сказал, что это просто формальное мероприятие, но для нее все равно дополнительное нервное напряжение.

Впрочем, ничего страшного не должно случиться. У нее есть очень хороший план, который, правда, необходимо как следует обдумать. Надо обмозговать эту историю с неожиданным страховым полисом, возможные проблемы с судебной-медицинской экспертизой и вообще все, что так или иначе может стать препятствием на ее пути. Однако самое главное сейчас — расследование агентов страховой компании.

Когда Крейг Рейнолдс наконец-то поздно вечером покинул ее дом, она решила, что, наверное, было бы неплохо посидеть дома несколько дней и не мелькать на публике. В конце концов, можно навестить Джеффри в эти выходные, для чего надо завтра просто встать пораньше.

Он же ее муж, в конце концов.

На следующий день, в пятницу, Нора вышла из дома в Уэстчестере, подошла к своему новенькому «мерседесу», припаркованному прямо перед домом, и открыла багажник. Положив туда небольшой чемодан, она посмотрела на небо. Прогноз погоды по телевизору обещал сегодня безоблачную погоду с температурой воздуха около восьмидесяти градусов по Фаренгейту. В такой день вполне можно ехать с открытым верхом.

Нора нажала кнопку пульта дистанционного управления, и крыша автомобиля стала бесшумно складываться назад. Именно в этот момент она заметила уже знакомый «БМВ», стоявший в тени старых дубов и кленов на обочине Центрального проезда. А за рулем машины сидел Крейг Рейнолдс, тот самый страховой агент, с которым она так мило беседовала накануне!

Что он здесь делает?

Получить ответ на этот вопрос можно было единственным способом. Нора решительно направилась к «БМВ», обдумывая попутно вероятные причины появления Рейнолдса. Вчера он был весьма добродушен, но сейчас... Почему он расположился рядом с ее домом и наблюдает за ней из-под темных очков? Это было как-то странно, если не сказать хуже — подозрительно.

Увидев, что Нора движется к нему, Крейг быстро вышел из машины и пошел к ней навстречу, поправляя слегка примявшийся летний костюм. Они встретились где-то на середине пути.

Нора запрокинула назад голову и улыбнулась.

— Если бы я вас не знала, то подумала бы, что вы за мной шпионите.

— Если бы это было так, я бы, вероятно, выбрал более подходящее место, — резонно заметил он и тоже улыбнулся. — Приношу свои извинения, но на самом деле во всем виновата команда «Мэтс».

— Вся бейсбольная команда? — удивилась Нора.

— Да, включая ее генерального менеджера. Я как раз собирался подъехать к вашему дому, когда «Фэн» сообщила, что «Мэтс» готова заключить важную сделку с Хьюстоном. Я не мог пропустить такую информацию, поэтому притормозил, чтобы послушать, чем дело кончилось.

Нора удивленно посмотрела на него:

— "Фэн"?

— Да, это известная спортивная радиостанция.

— Понятно. Значит, вы не шпионили за мной?

— Ни в коей мере. Я не Джеймс Бонд, а самый обыкновенный обладатель сезонного билета, переживающий за свою любимую команду.

Нора молча кивнула и подумала, что либо этот Крейг Рейнолдс говорит правду, либо он прирожденный и весьма искусный лгун.

— А зачем вы ехали ко мне? — спросила она после небольшой паузы.

— Чтобы сообщить приятную новость. Джон О'Хара, тот самый парень из главного офиса, о котором я говорил вам вчера, назначен ответственным за расследование причин смерти мистера Брауна.

— А мне, исходя из ваших же слов, показалось вчера, что это было бы не самой приятной новостью.

— Да, но кое-что изменилось. Я разговаривал с О'Харой сегодня утром, и он сказал, что, по его мнению, здесь не должно быть никаких проблем.

— Это хорошо.

— Кроме того, я попросил его покончить с данным делом как можно скорее, и он

пообещал, что не будет проводить расследование слишком детально. Ну вот я и решил, что вам будет приятно узнать эту новость.

— Я очень благодарна вам, мистер Рейнолдс, — улыбнулась Нора. — Да, это действительно приятная новость.

— Пожалуйста, зовите меня просто Крейг.

— В таком случае вы зовите меня просто Нора.

— Согласен. — Он посмотрел через ее плечо на новенький ярко-красный «мерседес», который стоял неподалеку с открытым багажником. — Решили попутешествовать?

— Да, что-то в этом роде.

— Что-нибудь интересное?

— Это зависит от того, как вы относитесь к южной части Флориды.

— Говорят, что там прекрасные места, но я бы не хотел там голосовать^[8].

Нора громко засмеялась:

— Я непременно расскажу эту шутку своему клиенту в Палм-Бич.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет?

— Украшением интерьеров.

— Правда? — удивился Крейг. — Это, должно быть, очень интересная работа. Я хочу сказать, что на свете не так уж много профессий, смысл которых заключается в том, чтобы тратить чужие деньги.

— Да, таких профессий действительно немного, — сказала Нора и посмотрела на часы. — Боже мой, так можно и на самолет опоздать!

— Извините, это я во всем виноват. Желаю приятного пути.

— Ну что ж, мистер Рейн... — Она прервала себя на полуслове, — Крейг. Спасибо, что заехали и сообщили приятную новость. Это очень мило с вашей стороны.

— Пустяки, Нора, — отмахнулся он. — Как только появятся первые результаты расследования, я вам сразу же дам знать.

— Буду очень вам признательна.

Они пожали друг другу руки, и Крейг уже повернулся к своей машине.

— Да, вот еще что. — Он остановился и обернулся. — Мне пришло в голову, что поскольку вы отправляетесь в дальнюю дорогу, было бы неплохо иметь под рукой номер вашего мобильного телефона. Если вы, конечно, не против.

Какие-то доли секунды Нора размышляла, стоит ли давать ему свой номер. Откровенно говоря, ей очень не хотелось этого делать, но вызывать его подозрение отказом тоже было бы слишком опрометчиво.

— Да, конечно. У вас есть с собой ручка?

Я позвонил Сьюзен сразу же, как только сел в машину. Мои первые две встречи с Норой требовали осмысления и доклада боссу.

— Она хороша собой?

— Тебя это интересует больше, чем все остальное?

— Разумеется, — ответила она, смеясь. — Одна девушка не смогла бы сделать все то, что она сделала, если бы не выглядела просто шикарно. Итак, что она собой представляет?

— Я могу ответить на этот вопрос чисто профессионально?

— Да, это называется ответить честно.

— Ну что ж, — сказал я, немного подумав, — Нора Синклер действительно очень привлекательная женщина. Точнее сказать, она великолепна.

— Ты свинья.

Я громко рассмеялся.

— Какое у тебя сложилось впечатление от разговора с ней? — поинтересовалась она.

— Слишком рано говорить об этом. Либо у нее нет ничего такого, что нужно было бы скрывать от посторонних, либо она талантливо лжет.

— Готова поставить десять баксов, что последнее.

— Не уверен, что разумно рисковать такой суммой.

— Почему же? Ведь этим делом занимаешься лично ты.

— Знаешь, если ты и впредь будешь меня так поддерживать, то я ударюсь головой о потолок.

— А если не буду, то все может кончиться весьма плачевно. Где ты сейчас?

— Неподалеку от дома Коннора Брауна.

— Ты проследил за ней?

— Да.

— И сколько ей понадобилось времени, чтобы заметить тебя?

— Несколько минут.

— Что было на этот раз — «Мэтс» или «Янкерс»?

— "Мэтс", — сказал я. — Совершена самая крупная сделка года. Это действительно факт сегодняшнего дня.

— А она понимает что-нибудь в этом?

— Очень мало, но осторожность не помешает, ведь ей ничего не стоит проверить мои слова.

— Еще бы. Думаешь, она поверила тебе?

— Абсолютно уверен в этом.

— Хорошо. Видишь, я знала, что ты именно тот человек, который мне нужен для такого дела.

— Ай!

— Что?

— Я уже ударился головой о потолок.

— Сообщай мне обо всем, что произойдет дальше.

— Можете не сомневаться, босс.

— И без покровительственного тона.

— Больше этого не будет, босс.

Сьюзен положила трубку.

Не успела Нора проехать и мили, как ее вдруг охватило странное чувство раздражения и недовольства собой. Поравнявшись со зданием Национального гольф-клуба, она вдруг резко повернула руль, развернулась на сто восемьдесят градусов, громко скрипнув протекторами «мерседеса», и помчалась обратно. Если поторопиться, она нагонит его или отыщет где-нибудь на дороге.

В Крейге Рейнолдсе было что-то загадочное, и это не давало ей покоя.

Нора еще сильнее вдавила педаль газа и поехала по той же дороге, по которой некоторое время назад отъехала от дома Коннора. Обгоняя идущие в том же направлении машины и круто уворачиваясь от встречных, она тем не менее внимательно следила за дорогой, стараясь не пропустить знакомый ей «БМВ». Какая-то старенькая женщина, выгуливавшая на лужайке своего коккер-спаниеля, укоризненно покачала головой, глядя на мчавшуюся на огромной скорости машину.

Нора попыталась собраться с мыслями и даже подумала, не является ли ее поведение результатом параноидального бреда. Неужели ей действительно нужно бросить все и выяснить, что собой представляет какой-то страховой агент? Однако щемящее чувство тревоги в конце концов оказалось сильнее доводов разума. Она еще сильнее надавила на газ и вскоре была возле дома.

— Что за черт?..

Нора ударила по тормозам и резко остановила машину как раз на углу улицы, которая вела к дому Коннора. Черный «БМВ» как ни в чем не бывало стоял на прежнем месте. Значит, Крейг Рейнолдс никуда не уехал.

Но почему? Что он здесь делает?

Она включила заднюю передачу и попятилась под сень густых кустов и разлапистых сосен. Они надежно укрывали ее от постороннего взгляда и вместе с тем давали достаточно широкий обзор для наблюдения. Правда, самого Рейнолдса она видела плохо, но хорошо был заметен его темный силуэт. Ей показалось, что он разговаривает с кем-то по мобильному телефону.

К счастью, это продолжалось недолго. Через минуту огоньки стоп-сигнала его черного «БМВ» ярко вспыхнули, из выхлопной трубы появилось небольшое облако дыма, и машина быстро поехала вдоль улицы.

Нора понятия не имела, куда он направлялся, но была преисполнена решимости во что бы то ни стало добыть эту информацию. Предыдущий план — сделать сюрприз Джеффри — вдруг потерял привлекательность.

Сейчас ее главная задача — выяснить, кем на самом деле является этот загадочный Крейг Рейнолдс.

Нора понимала, что не может следовать за ним слишком близко, поскольку ее ярко-красный автомобиль очень заметен на фоне остальных машин. Как жаль, что корпорация «Мерседес» не делает автомобилей камуфляжно-зеленого цвета с откидным верхом.

Поселок БРАЕРКЛИФ МЭНОР

Основан в 1902 г.

Еще задолго до того, как Нора увидела эту надпись, она знала, что Крейг направляется в центр этого городка. К счастью для нее. После двух остановок на красный свет и съезда с шоссе 9А Нора с большим трудом отслеживала машину Крейга. Если бы он ехал не по этой спокойной трассе, а по какому-то другому шоссе, она потеряла бы его из виду.

Нора неплохо знала этот небольшой городок, бывая здесь много раз с Коннором, и ей было известно, что это местечко сочетает в себе весьма противоречивые качества — нищету и шик, большие деньги и полное их отсутствие. Здесь ржавые придорожные знаки сочетались с роскошными рекламными щитами, а наряду с бедными лачугами величественно возвышались преуспевающие банки и дорогие магазины. Да и на тротуарах можно было встретить самых разных людей — от бедных рабочих до недавно разбогатевших нуворишей, усердные жены которых толкали впереди себя дорогие и модные детские коляски. А итальянский ресторан «Амалфи», который так любил Коннор, делал неплохой бизнес на приготовлении быстрого обеда для всех желающих.

Нора в очередной раз подумала, что потеряла Крейга, но потом облегченно вздохнула, увидев вдали его черный «БМВ», делающий левый поворот. К тому моменту когда она нагнала Рейнолдса, «БМВ» уже остановился на обочине, а ее владелец успел выйти на тротуар.

Нора сразу же прижалась к краю дороги и пристально наблюдала за тем, как он исчез за дверью какого-то кирпичного здания, которое даже внешне напоминало административный офис.

Она медленно подъехала к зданию, остановившись примерно в сорока футах от него. С этого места Нора смогла прочитать висевшую над окном второго этажа надпись: «СЕНТЕНИАЛ УАН». СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ".

Ну что ж, это хороший знак.

Нора объехала вокруг здания и остановилась неподалеку от входа. До сих пор все идет нормально. Крейг Рейнолдс, похоже, действительно является тем, за кого себя выдает. Однако какие-то сомнения на этот счет у нее все-таки остались. Чутье подсказывало — в этом человеке есть нечто такое, что невозможно определить на глаз.

Она устроилась поудобнее и стала наблюдать за двухэтажным зданием, которое казалось ей каким-то нереальным, фантастическим — такие обычно бывают в телевизионных сериалах.

Ее ожидание длилось не очень долго. Минут через двадцать Крейг вышел из здания и сел в машину. Нора замерла на своем сиденье.

«Куда же ты поедешь сейчас, страховой агент? Но куда бы ты ни поехал, у тебя будет неплохая компания».

Вскоре она узнала, куда он направляется — в ресторан «Голубая лента», что примерно в пяти милях на восток от этого городка и почти рядом с торговым комплексом. Данное заведение было выдержано в классическом стиле — квадратное здание с хромированными металлическими деталями, опоясанное лентой аккуратных неброских окон.

Нора нашла место в самом дальнем конце стоянки, откуда можно было без особого труда наблюдать за входом в ресторан. Она посмотрела на часы — далеко за полдень.

Нора не завтракала сегодня и сейчас испытывала самое настоящее чувство голода. Именно поэтому нестерпимо приятный запах свежих гамбургеров и жареной картошки, доносившийся из ресторана, вызвал у нее глотательный рефлекс. Она порылась в сумке и нашла там какой-то засохший полусъеденный бутерброд.

Через сорок минут Крейг вышел из ресторана и не спеша направился к машине. В этот момент Нора зафиксировала в сознании еще одно неожиданное впечатление. Крейг был очень привлекательным мужчиной, который прекрасно держал себя и излучал какую-то странную уверенность в себе. Сейчас он очень походил на человека, который знал себе цену и ни за что на свете не мог продешевить.

Преследование возобновилось.

Крейг сделал несколько кругов по городу и в конце концов вернулся в свой офис. В течение последующих часов Нора много раз хотела закончить это бессмысленное преследование, и такое же количество раз она убеждала себя в том, что нужно еще немного подождать у его офиса и посмотреть, что он будет делать поздно вечером. «Неужели у Крейга Рейнолдса нет никакой личной жизни? Неужели он не встречается с женщинами? И где он живет, в конце концов?»

Надежда получить ответ на все эти вопросы укрепилась у Норы около шести часов вечера, когда свет погас во всех окнах фирмы «Сентениал уан». Выяснилось, что серьезных планов на вечер у Крейга явно не намечалось — никаких ночных баров, никаких торжественных ужинов и к тому же никаких девушек. Он просто купил себе самую обыкновенную пиццу и отправился домой.

Именно тогда Нора пришла к выводу, что Крейг Рейнолдс действительно скрывает что-то важное. И это важное заключалось в том, что на самом деле он был не таким уж состоятельным человеком, каким хотел казаться. По внешнему виду дома, в котором он жил в районе Плезентуилл, Нора мгновенно подсчитала, сколько Крейг получает за свою работу и на какие деньги может содержать свою машину и гардероб. Его квартира располагалась в самом обыкновенном стареньком доме в ряду многих других домов в не очень престижном районе. А район этот состоял из пяти или шести небольших зданий, облицованных белым пластиком, с окнами, наглухо закрытыми ставнями. В каждом доме были небольшие балконы или крохотные внутренние дворики. «Может быть, этот Крейг Рейнолдс платит бешеные алименты и тем самым поддерживает своих детей? Или он занимается чем-то другим?»

В конце концов Нора решила еще немного подежурить в районе Плезентуилл и выяснить, нет ли у Рейнолдса каких-то иных планов на сегодняшний вечер. Впрочем, она вполне могла упасть в обморок от истощения, так как не ела почти весь день. Это чуть было и не случилось с ней, когда она ранее увидела Крейга, выходящего из магазина с большой пиццей в руке. Тогда ее выручил засохший кусок бутерброда, но теперь от него не осталось и следа. Надо было срочно где-то перекусить. «Может, заехать в ресторан „Железная лошадь“, который располагается неподалеку? Или перекусить прямо в машине, что было бы для меня весьма экзотично?»

В конце концов она уехала прочь, удовлетворенная тем, что все-таки решила проследить за

Крейгом. Она и до этого знала, что люди часто выдают себя за тех, кем на самом деле не являются, и Крейг лишь подтвердил ее давние убеждения. Впрочем, чтобы лишний раз в этом удостовериться, нужно было просто посмотреть на себя в зеркало, не более того. Свои мысли она подытожила мантрой, которую особенно любила повторять: «Лучше быть параноиком, чем потом сожалеть о своей глупости».

В рекламном объявлении, опубликованном в «Уэстчестер джорнал», говорилось, что из окон этой квартиры открывается прекрасный вид, однако на самом деле все оказалось иначе. Передняя часть этого дома выходила на одну из улочек Плезентуилла, а другая — на мрачного вида автомобильную стоянку, забитую каким-то старым хламом.

Что же касается внутреннего убранства, то оно оказалось еще хуже. Все пространство квартиры было застелено виниловым покрытием, а черное кожаное кресло, казалось, никогда не испытывало на себе бережного отношения хозяев. К этому стоит также добавить «современную кухню», все достоинства которой ограничивались наличием воды из-под крана да электричеством. О кухонной мебели и говорить не приходится. Утешало лишь то, что из холодильника всегда можно достать холодное пиво.

Что я и сделал, вернувшись домой и положив на кухонный стол только что купленную пиццу. Отхлебнув пару глотков, я уселся на старый кожаный диван посреди «просторной гостиной» и подумал о том, как мне крупно повезло, что я не страдаю клаустрофобией.

Сняв трубку, я быстро набрал номер, ни минуты не сомневаясь в том, что Сьюзен все еще в офисе.

— Она поехала за тобой? — спросила Сьюзен сразу, услышав мой голос.

— Она преследовала меня весь день.

— И видела, как ты вошел в эту квартиру?

— Да.

— А сейчас она где, у твоего дома?

Я смачно зевнул в трубку.

— Ты хочешь сказать, что я должен подняться с мягкого дивана и выглянуть в окно?

— Разумеется, нет. Можешь прихватить с собой диван.

Я улыбнулся. Мне всегда нравились женщины, которым знакомо чувство юмора. Я подошел к окну, которое было самым близким к дивану, и посмотрел во двор, слегка приподняв край шторы.

— Хм-м, — пробормотал я.

— Что это значит?

Нора остановилась в квартале от моего дома, но сейчас ее машины там не было.

— Думаю, она уже увидела все, что хотела.

— Это хорошо. Значит, она поверила тебе.

— Думаю, что она поверила бы мне еще раньше, если бы я снял какую-нибудь более приличную квартиру. Например, в районе Чаппакуа.

— Ты начинаешь ворчать?

— Это не ворчание, а всего лишь заключение.

— Ты ничего не понимаешь. Эта квартира даст ей повод думать, что она может поймать тебя на крючок, — глубокомысленно заметила Сьюзен. — Твоя шикарная одежда и дорогая машина при такой убогой квартире даст ей основание подозревать, что ты живешь не по средствам. Иначе говоря, ты стал для ее криминального менталитета более понятен. Значит, все идет нормально.

— Нормально? А мое жилище? Я говорил тебе, какая у меня кухня?

— Да ладно, не могу поверить, что это место такое уж плохое, — ответила она со смехом.

— Да, тебе легко говорить, ты здесь не живешь.

— Твое жилище — временное.

— Премного благодарен. Это единственное достоинство моей квартиры. Думаю, она заставит меня работать более усердно, чтобы поскорее закрыть это дело и поменять наконец адрес на более презентабельный.

— Мне не приходила в голову подобная мысль.

— А мне кажется, ты специально все это придумала!

— Нет, в таком примитивном приеме не было никакой необходимости, — парировала она. — А если серьезно, то ты сегодня очень хорошо поработал.

— Благодарю.

Сьюзен глубоко вздохнула, давая понять, что рабочий день уже закончился.

— Ну ладно, это все официальная часть. Нора Синклер решила ознакомиться с закулисной жизнью Крейга Рейнолдса. Что дальше?

— Дальше все понятно. Теперь моя очередь.

В салоне первого класса оказалось только одно свободное место. Обычно Нора всегда сожалела о том, что рядом с ней не было свободного места, но на этот раз она испытала совсем другие чувства. Не часто приходится иметь в качестве соседа такого симпатичного парня. Если посмотреть на него сбоку и не очень придирааться, то он вообще похож на Брэда Пита, только без обручального кольца на пальце и без повисшей на его руке Дженнифер Энистон.

Пока самолет совершал разбег и отрывался от взлетной полосы, Нора сняла обручальное кольцо и внимательно рассмотрела своего попутчика, который сидел у окна. При этом она была абсолютно уверена, что он проделывает то же самое. «Конечно, парень посматривает на меня, — подумала она. — Какой же мужчина останется равнодушным, имея такую спутницу?»

А когда главный пилот высветил табличку «Пристегнуть ремни», она уже чувствовала, что сосед готов сделать первый шаг.

— Я сам оформитель, — сказал он.

Нора повернулась к нему с таким видом, будто понятия не имела, что рядом с ней кто-то сидит.

— Простите?

— Видите вон на том кофейном столике? — Он кивнул на журнал «Архитекчерал дайджест», который Нора держала на коленях. На правой странице была изображена просторная и весьма современная гостиная. — Видите, как разложены журналы на кофейном столике? — продолжал он, искоса поглядывая на нее. — На самом деле в современном мире только два типа людей — оформители и распространители. Итак, к какой категории принадлежите вы?

Нора посмотрела в его глаза немигающим взглядом. Оценив начало разговора, она пришла к выводу, что можно присудить ему пять баллов за оригинальность.

— Ну, сие зависит от того, как посмотреть. Да и зачем вам знать об этом?

— Вы абсолютно правы, — сказал он с непринужденной улыбкой. — Не стоит сообщать такую важную и к тому же личную информацию незнакомому человеку. Меня зовут Брайан Стюарт.

— Нора Синклер.

Он протянул ей сильную руку с тщательно ухоженными пальцами, и она пожала ее.

— А теперь, когда мы познакомились, Нора, — продолжал улыбаться он, — полагаю, вы можете ответить на мой вопрос.

— Ну что ж, думаю, вам приятно будет узнать, что я тоже занимаюсь оформлением — жилья.

— Я так и знал.

— Правда?

— Да. — Он слегка наклонился к ней. — Вы с самого начала произвели на меня впечатление собранного человека, имеющего неплохой вкус.

— Это что, комплимент?

— Для меня да.

Она улыбнулась. Может быть, настоящий Брэд Пит выглядит лучше, но этот Брайан Стюарт, несомненно, обладает определенным шармом, что уже является серьезной причиной для продолжения разговора.

— Скажите мне, Брайан, какие дела ожидают вас сегодня в Бостоне?

— Дюжина капиталистов с венчурным капиталом. И ручка.

— Звучит многообещающе. Полагаю, ручка вам нужна для того, чтобы ставить подписи.

— Да, что-то вроде того.

Нора ждала, что он продолжит рассказ о себе, но он этого не сделал.

— Можно подумать, — улыбнулась она, — что я призналась в своей деятельности только для того, чтобы заставить вас замолчать.

Он заерзал на сиденье и подвинулся ближе к окну, явно озадаченный ее заявлением.

— Вы уже во второй раз абсолютно правы. Ну ладно, так и быть, — сказал он после непродолжительной паузы. — В прошлом году я продал свою компанию, выпускающую компьютерные программы. А сегодня вечером я намерен приобрести новую компанию. В общем, сплошная скука.

— Я так не думаю, — возразила Нора. — Впрочем, примите мои поздравления! А эти люди с венчурным капиталом, они что, инвестируют в ваше предприятие деньги?

— Вот именно. Какой смысл вкладывать в бизнес свои личные деньги, если есть люди, которые хотят это сделать вместо меня?

— Не могу с вами не согласиться.

— Ну а теперь вы, Нора, расскажите, какие дела ждут вас в Бостоне.

— Клиент, — коротко ответила она. — Я занимаюсь оформлением интерьера.

Он кивнул:

— Дом вашего клиента находится в городе?

— Да, но я сейчас занимаюсь не этим домом, а другим. Он недавно построил себе превосходную виллу на Каймановых островах.

— Прекрасное место.

— Да, и мне предстоит навестить его там. Думаю, что это произойдет в ближайшем будущем. — Нора открыла рот, словно хотела что-то добавить, а потом неожиданно замолчала.

— Что вы хотели мне сказать? — любопытствовал Брайан.

Она закатила глаза:

— Да это просто глупость, не обращайтесь внимания.

— Почему бы вам не поделиться ею со мной? Обожаю всякие глупости!

— Знаете, когда я однажды рассказала об этом клиенте своей лучшей подруге, она высказала предположение, что он, вероятно, строит там виллу только для того, чтобы быть поближе к деньгам, которые укрывает в местных банках от государственной налоговой инспекции. — Она покачала головой, демонстрируя свою абсолютную наивность в подобных вопросах. — Короче говоря, мне очень не хочется связываться с людьми, имеющими сомнительную репутацию.

Брайан Стюарт снисходительно улыбнулся с видом человека, который знает, о чем идет речь.

— На самом деле в этом нет ничего страшного. Вы даже представить не можете, сколько людей имеют банковские счета в оффшорных банках.

— Правда?

Он наклонился к ней, но на этот раз гораздо ближе.

— Я сам не без греха, — прошептал он, после чего поднял свой бокал с шампанским. — Но только это строго между нами, договорились?

Нора последовала его примеру и чокнулась с ним. Этот Брайан Стюарт оказался весьма интересным человеком, с которым она могла бы продолжить полезное знакомство. Надо узнать его получше.

— За наши секреты, — предложила она.

— За оформителей, — отозвался он.

— Что желаете? — спросила она.

Я поднял голову и, посмотрев на стюардессу усталыми от смертельной тоски глазами, все же попытался сохранить хотя бы видимость деликатности. Наконец-то она добралась до меня со своей тележкой с напитками.

— Я бы выпил диетическую колу, — выдавил я из себя.

— О, прошу прощения, но она закончилась у меня еще десять рядов назад.

— А как насчет имбирного пива?

Стюардесса тоскливо обвела глазами тележку, уставленную пустыми банками и бутылками.

— Хм-м, — промычала она через секунду и, наклонившись над нижней полкой, стала звенеть пустой посудой. — Извините, но имбирное пиво тоже закончилось.

— Послушайте, — не выдержал я, — почему бы нам не начать с другого конца. Скажите честно, что у вас осталось?

— Может быть, томатный сок?

Томатный сок я обычно пью только с большим количеством водки и с торчащим из стакана пучком сельдерея.

— А что еще у вас есть?

— Есть одна бутылка «спрайта».

— Я даже видеть его не могу.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы догадаться, что это мой оригинальный способ сказать «да, пожалуйста». Она налила в пластиковый стакан сок и протянула его мне вместе с маленьким пакетом соленых сухариков. Когда стюардесса ушла, потащив за собой тележку, я поднял пластиковый стаканчик и посмотрел на темную пузырящуюся жидкость. И чем дольше я смотрел на нее, тем больше мне казалось, что в стакане у меня не этот гнусный напиток, а шампанское, которое Нора, вероятно, пила сейчас в салоне первого класса.

Я положил в рот несколько сухариков и попытался вытянуть ноги, но не тут-то было. Опущенный столик и узкий проход между сиденьями не давали мне возможности пошевелить ногами, а через некоторое время мои конечности вообще утратят способность ощущать внешние воздействия.

Да, действительно, только теперь я понял, что имеется нечто непереносимое и постоянное в моей нынешней ситуации. Это можно выразить одним словом — теснота. Теснота в офисе, теснота в моей квартире и теснота в этом последнем ряду, которая усугубляется тошнотворным запахом из туалета, находящегося за моей спиной.

Конечно, в моем положении есть и позитивные черты. Так, например, легко следить за людьми в самолете, поскольку у них нет никакой возможности улизнуть от меня. Не так-то просто уйти через боковую дверь на высоте тридцать пять тысяч футов.

Я посмотрел вдоль рядов, украшенных королевскими голубыми занавесками, в самый конец. Конечно, трудно себе представить, чтобы Нора оставила шикарное место в салоне первого класса и пришла сюда, где сидят самые бедные пассажиры. И все же я должен быть начеку.

В аэропорту Уэстчестера я был абсолютно уверен в том, что Нора меня не засекала перед посадкой на самолет. Точнее сказать, она могла видеть меня в толпе других пассажиров, но узнать — не могла. Я специально напялил на глаза бейсбольную кепку «Ред сокс», надел черные очки, вырядился в черную спортивную куртку и даже приклеил себе усы. Кроме того, я все время прятался за развернутой газетой «Дейли ньюс», держа ее на расстоянии не более двенадцати

дьюймов.

Нет, Нора понятия не имела, что я лечу этим рейсом, но меня сейчас волновало другое. Был один важный вопрос, на который я сейчас не мог ответить.

Что будет в Бостоне?

Я направился вслед за Норой и ее небольшим чемоданом на колесах. Мы вместе спустились по эскалатору вниз и прошли мимо пункта получения багажа. Как всегда, и спереди, и сзади Нора выглядела прекрасно, грациозно двигалась и очаровательно улыбалась. Она не оглядывалась по сторонам и не смотрела на вывески, что вполне естественно для человека, который далеко не первый раз посещает аэропорт Логан.

Нора вышла из здания аэропорта, остановилась и огляделась вокруг. Что она искала глазами, стало ясно через пару секунд. Нора направилась не к стоянке такси и не к машине кого-то из своих друзей, а к автобусной остановке, где тут же вошла в автобус, направлявшийся в Херц.

Как только она скрылась за его дверью, я бросился к стоянке такси.

— Отвезите меня в Херц! — рявкнул я таксисту.

Тот медленно повернул ко мне голову и недовольно уставился выгоревшими от возраста глазами.

— Что? — переспросил он, поморщившись, как от зубной боли.

— Отвезите меня...

— Нет, я прекрасно понял тебя, парень, — нетерпеливо прервал он меня. — Но для этого есть специальный автобус, на котором ты можешь без труда добраться до нужного места.

— Я не люблю ждать.

— Я тоже, — ухмыльнулся он и показал большим сучковатым пальцем назад, где выстроилась очередь из таксомоторов. — Ты видишь эту очередь из таксистов, что позади меня? Так вот, парень, я стоял в этой очереди уйму времени вовсе не для того, чтобы заработать на тебе три доллара.

Я уныло посмотрел на автобусную остановку. Автобус с Норой уже вырулил на шоссе и быстро удалялся прочь.

— Хорошо, скажите свою цену.

— Тридцать баксов. Это мое первое и последнее предложение.

— Двадцать.

— Двадцать пять.

— Ладно. Поехали.

Таксист быстро выехал на шоссе, а я достал мобильный телефон и стал искать нужный мне номер. В его памяти хранились номера всех аэропортов, гостиниц и пунктов проката автомобилей. Эти данные были важной составной частью моей работы.

Отыскав в памяти номер фирмы проката автомобилей в Херце, я в течение нескольких минут слушал металлический голос автоответчика, пока наконец на связь не вышла какая-то женщина из числа сотрудников.

— И когда именно вам понадобится автомобиль, сэр? — деловито поинтересовалась она.

— Через пять минут. Может, меньше.

— О!

Она пообещала сделать все возможное, а я тут же сообщил таксисту, что если предложенная машина мне не понравится, то ему, вероятно, придется потратить на меня еще какое-то время.

К счастью, до этого дело не дошло.

Автобус с Норой уже подъезжал к конечной остановке, когда мы обогнали его и вырулили на стоянку перед фирмой проката. Еще через несколько минут Нора садилась в серебристого цвета «себринг» с откидным верхом, а я в это время уже находился за рулем вполне сносного автофургона. Да, именно автофургона, так как никому и в голову не придет, что человек в такой развалюхе может следить за шикарным «себрингом».

Тем не менее я соблюдал определенную дистанцию, чтобы не мелькать у нее перед глазами. Это продолжалось до тех пор, пока Нора не решила, что не может ехать со скоростью автобуса. Скорость «формулы-1» была ей больше по душе.

Чем сильнее я давил на педаль газа, тем быстрее Нора удалялась от меня. Вместо того чтобы спокойно ехать в общем потоке машин, я вынужден был постоянно обгонять их, что являлось непосильным бременем для моего старенького и маломощного мини-вэна.

Черт возьми!

Впереди загорелся красный свет, и все машины стали притормаживать. Если на предыдущем светофоре я удачно проскочил, то здесь мы оказались на перекрестке дорог, что осложнило мою задачу. В результате Нора успела уехать, а я нет. Я сидел в машине, крепко сжимал руль и проклинал все на свете, наблюдая за тем, как серебристый автомобиль быстро удаляется от меня. Мысль, что я проделал такой долгий путь, чтобы потерять Нору в самом неподходящем месте, бесила меня до тошноты.

Наконец-то зеленый свет!

Я ударил по педали газа и одновременно нажал на сигнал, пытаясь обойти передние машины и вырваться на простор. Надо во что бы то ни стало нагнать Нору, иначе весь мой труд пойдет насмарку. При этом я изредка поглядывал на спидометр: шестьдесят миль в час, семьдесят, восемьдесят...

Вот она! Я заметил ее серебристую машину далеко впереди, облегченно вздохнул, немного притормозил и попытался подъехать к ней поближе. А для этого мне нужно было пересечь две полосы, что на первый взгляд не составляло большого труда. С этого положения я мог постоянно видеть ее, оставаясь незамеченным.

Обстоятельства складывались в мою пользу.

Я должен был видеть развилку впереди себя, но не заметил, так как все это время пристально следил за огромным грузовиком, перевозившим огромную гору матрасов. Грузовик шел впереди меня, и я искал возможность быстро обогнать его.

Это было плохое решение.

Вдавлив педаль газа до самого пола, я стал обходить грузовик слева, но он закрыл от меня машину Норы, и я, выгнув шею, попытался обнаружить ее «себринг».

В этот момент я увидел еще кое-что. Впереди грузовика мчались несколько машин с огромными баками, в которых обычно смешивают бетон перед доставкой на стройку. Правда, расстояние между нами было еще большим, но оно сокращалось с невероятной скоростью. Я с тревогой посмотрел на идущий рядом со мной грузовик. Мы ехали рядом, чуть ли не касаясь бортами друг друга, и водитель грузовика с торжествующим видом глядел на меня сверху вниз. В этот момент я понял, что мне не обогнать грузовик и бетономешалки до развилки, и поэтому решил пристроиться позади них.

Черт бы их побрал! Я видел, как машина Норы легко обошла бетономешалку справа и поехала по правой дороге, а я оказался слева и вынужден был ехать по левой.

Недолго думая я резко нажал на тормоза. Мой двухтонный автофургон занесло вправо, и в этот момент идущий впереди меня грузовик с матрасами стал перестраиваться влево, оттесняя меня в сторону.

Я не слышал громких сигналов позади себя, не слышал даже жуткого скрипа шин и визга тормозов. Единственное, что я слышал в этот момент, — лязг железа и скрежет металла, когда нос моего автофургона врезался в заднюю часть грузовика с матрасами.

Последовал страшный удар, все тело пронзила острая боль, а моя голова с силой ткнулась в подушку безопасности, мгновенно сработавшую от мощного удара. И в ту же минуту в моей голове промелькнула мысль, что мне крупно повезло. Все могло быть намного хуже.

Когда я выбрался из машины, движение на шоссе уже возобновилось. Вокруг меня все было залито водой с цементом, выплеснувшейся из бетономешалки.

«Идиот», — подумал я про себя, потирая ушибленную голову. Я мог вылететь через ветровое стекло прямо под колеса идущих за мной машин. С трудом справившись с собой, я достал телефон и позвонил Сьюзен.

— Я потерял ее.

— Что?! — гаркнула она в трубку.

— Я сказал, что...

— Я слышала это! Как ты мог потерять ее?

— Попал в дорожную аварию.

Голос Сьюзен мгновенно смягчился. В нем даже появились нотки озабоченности.

— Ты в порядке?

— Да, все нормально.

— В таком случае я не понимаю, как ты мог потерять ее?

— Она гнала машину как сумасшедшая.

— А ты, значит, не сумасшедший?

— Нет, я вполне нормальный, — вяло оправдывался я. — Ты бы видела ее в этот момент.

— Я тоже нормальная! — рявкнула она в ответ. — Ты не должен был упускать ее из виду!

Мне стоило немало труда держать себя в руках. Надо сказать, что и Сьюзен пыталась делать то же самое, но у нее это плохо получалось. Испытывая огромное искушение ответить ей

грубостью на грубость, я все же сдержался и решил спустить все на тормозах.

— Ты права, — процедил я сквозь зубы. — Она меня надула.

Сьюзен немного успокоилась.

— Как ты думаешь, может быть, она заметила тебя?

— Нет. Во всяком случае, у меня не было ощущения, что она пыталась скрыться от меня.

Просто Нора гнала машину как безумная.

— Сколько было у нее вещей?

— Небольшой дорожный чемодан на колесах.

— Ну ладно. Не трать больше денег и возвращайся в Нью-Йорк. Куда бы Нора сейчас ни поехала, все равно через некоторое время она вернется в дом Коннора Брауна.

Я понял, что настало самое время переменить тему разговора.

— Нам дали разрешение на расследование?

— Да, все нормально. Скоро мы получим все необходимые бумаги. Я сразу же сообщу тебе об этом.

Я попрощался с ней и уже хотел выключить телефон, но не тут-то было. Сьюзен решила добить меня до конца, чтобы у меня не осталось никаких сомнений в том, что она разочарована моим позорным провалом.

— Постарайся добраться домой без приключений, — не без ехидства пожелала мне она. — И никаких больше провалов на сегодняшний день. Хватит и того, что случилось.

Я слышал, как она положила трубку, и молча покачал головой. Вся накопившаяся за это время злость рвалась наружу, и я понимал, что уже не могу сдерживать себя. Я стал нервно расхаживать перед автофургоном, но чем больше я ходил взад и вперед, тем сильнее меня охватывало чувство негодования. Казалось, что все тело дрожит от ярости, а вся злость скопилась в сжатых до боли кулаках.

Хрясь! И в моем автофургоне вдребезги разлетелось еще одно окно.

Нора еще раз посмотрела в зеркало заднего обзора. Позади нее на дороге что-то случилось. Возможно, автомобильная авария. Если это действительно так, то, может быть, она ошиблась в своем дурном предчувствии, которое возникло у нее еще в Херце. Тогда ей вдруг показалось, что «она не одна», что за ней кто-то следит. И это странное чувство исчезло у нее только сейчас, когда Нора подъехала к самому центру района Бэк-Бэй.

Дорожное движение на авеню Содружества замерло. На улице Ньюбери в это время проходил марш протеста, а расплачиваться за него приходилось водителям.

Нора с трудом обошла несколько машин и наконец-то присмотрела свободное место, где и припарковала свое авто. Обручальное кольцо она надела на палец еще в автобусе, который доставил ее из аэропорта, и теперь оставалось лишь привести себя в порядок и настроиться на встречу с любимым. Выйдя из машины, она открыла багажник, вынула оттуда дорожный чемодан, заперла машину и медленно направилась к входу в здание. «Ну что ж, настало время для очередного шоу», — подумала она.

Как всегда, Джеффри работал в библиотеке, когда она вошла в его дом. Нора уже давно заметила, что в этом мире только три вещи могли оторвать его от писанины: еда, сон и секс. Правда, не обязательно именно в такой последовательности.

Вместо того чтобы позвать его по имени, Нора молча направилась в заднюю часть дома, открыла дверь позади комнаты дворецкого и вошла в патио, не без оснований полагая, что, увлеченный своей работой и негромкой музыкой, Джеффри мог вообще не слышать, если кто-то входил в дом. Внутренний дворик являлся очень приятным местом, в котором всегда можно было уединиться среди разросшихся лиан и других экзотических растений.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к встрече. После этого она уселась на мягкий кожаный диван и набрала номер Джеффри.

В ту же секунду она услышала звонок в его библиотеке. Джеффри долго не брал трубку, но в конце концов она услышала его голос.

— Дорогой, это я, — сказала Нора.

— О, только не говори, что ты не приедешь, — простонал он.

Нора весело рассмеялась:

— Не собираюсь больше никуда ехать.

— погоди, ты где сейчас?

— А ты высунь нос в окошко.

Она подняла голову и с интересом наблюдала, как в окне появилось растерянное лицо Джеффри. У него даже челюсть отвисла от неожиданности. Потом он зашелся смехом, который был слышен не только из его библиотеки, но и в телефонной трубке.

— Боже мой... Боже мой... — повторял он, не в силах успокоиться.

Нора сидела в его патио совершенно обнаженная, за исключением тоненьких ажурных трусиков, и зазывно помахивала в его сторону мобильным телефоном.

— Тебе нравится хоть что-нибудь из того, что ты сейчас видишь? — игриво спросила она.

— Откровенно говоря, мне нравится абсолютно все, что я вижу, — ответил он, продолжая смеяться. — Я вообще не представляю, что мне может не понравиться в тебе.

— Вот и хорошо, но только не сверни себе шею, когда будешь спускаться вниз по лестнице.

— А кто сказал, что я стану тратить время на лестницу? — ответил он и, быстро открыв окно, перемахнул через подоконник и спрыгнул во дворик. Нора не могла не отметить, что он сделал это изящно, как истинный атлет.

Через минуту Джеффри сбросил с себя весь свой дорогой наряд, придуманный лучшими мастерами мира специально для преуспевающих мужчин, и взобрался к ней на диван. Обхватив Нору за плечи, он стал осыпать ее поцелуями и крепко прижимать к себе. Нора знала, что Джеффри чрезвычайно темпераментный, если, конечно, удастся оторвать его от компьютера. Она закрыла глаза и не открывала их, пока они занимались любовью. И все это время она хотела испытать к нему хотя бы малейшее чувство, но, наоборот, ощущала какую-то ужасающую пустоту. «Ну что же ты, Нора, — говорила она себе, — ты же знаешь, что нужно делать, не первый раз в этом доме».

Однако ее внутренний голос на сей раз показался каким-то чужим, вовсе не похожим на старого доброго друга. Сейчас он больше походил на голос незнакомца, которого она никогда раньше не знала. Нора пыталась всеми силами не обращать на это внимания, но все было бесполезно. Незнакомый голос становился все громче, все настойчивее, все сильнее.

Наконец-то Джеффри достиг желанного оргазма и медленно сполз с нее на диван, глубоко дыша от напряжения.

— Какой удивительный сюрприз, — прошептал он. — Ты просто чудо.

«Ну спроси же его, не голоден ли он», — напомнил ей все тот же чужой внутренний голос.

Нора чуть не расплакалась из-за этого противного чужака, но в следующую минуту взяла себя в руки. Был только один способ утихомирить этот ненавистный голос, который не давал ей покоя.

— Куда ты идешь? — встрепенулся Джеффри, не отрывая от нее глаз, когда Нора молча встала с дивана и направилась в глубь дома.

— На кухню, — бросила она через плечо. — Посмотрю, что можно приготовить тебе на ужин.

«О, что же мне делать? Что делать?»

Турист сидел один в небольшой грязной комнате с бутылкой «Хейнекена». Это была уже пятая бутылка пива, а может, и шестая, он толком не помнил. Впрочем, Турист и не считал бутылки, так как на самом деле их количество его совершенно не интересовало. Счет выпитому был абсолютно неуместен, так же как и счет, с которым выигрывала или проигрывала его любимая команда «Янки», — матч с ее участием как раз показывали по телевизору. Ненужной оказалась и остывшая пицца с сосисками и луком, стоявшая перед ним на столе.

А рядом с пиццей лежали вырезки из свежих газет, в которых сообщалось о стрельбе в Нью-Йорке. Их было много, не менее двенадцати, и во всех с той или иной степенью достоверности рассказывалось о «смерти на тротуаре».

Конечно, данное событие уже успело обрасти фантастическими подробностями, но Туриста это нисколько не удивило. Много чернил извели журналисты на прояснение этого таинственного дела, но только еще больше запутали его.

Он улыбнулся и еще раз перечитал противоречивые показания свидетелей. «Как могло случиться, — вопрошал обозреватель газеты „Дейли ньюс“, — что одно и то же событие по-разному освещают люди, которые находились на расстоянии двадцати футов от места происшествия?»

— Действительно, как? — громко произнес Турист, откинувшись на спинку стула и забросив ноги на стол. Он был абсолютно уверен, что его личность останется тайной для окружающих. Ведь Турист предпринял все необходимые меры предосторожности и тщательно замел все следы. Сейчас он казался себе похожим на призрак.

И только одна вещь беспокоила его в данный момент, и очень сильно. Что это за список из захваченного им чемодана, который он скопировал на свою флэшку? И что означают все эти оффшорные банковские счета?

Миллиард долларов!

Стоит ли эта сумма жизни того бедного толстяка, которого он убил у входа в здание Центрального вокзала?

Вероятно, да.

Можно ли в эту сумму оценить жизнь множества других людей?

Определенно нет.

А может быть, это часть какой-то гораздо большей картины, суть которой пока ему неизвестна?

Кто знает? Кто подскажет? В одном он не сомневался — что ответ на этот вопрос рано или поздно придет к нему.

Джеффри пристально смотрел на нее с другого конца столика, тускло освещенного свечами.

— Нора, ты в порядке? Тебе нравится здесь?

— Конечно, нравится, — сухо ответила она.

— Не знаю, мне показалось, что ты немного расстроилась, когда я предложил поужинать в ресторане, а не возиться с этим дома.

— Не глупи, — отмахнулась она. — Все прекрасно. — Нора всеми силами старалась сохранять спокойствие и не выдать голосом своего раздражения. Язык тела должен всегда и во всем соответствовать произносимым словам, хотя для этого требуется недюжинный актерский талант. Она должна во что бы то ни стало вернуться в его дом и приготовить ему последний ужин. Нора уже все решила и теперь не намерена отступать от намеченного плана.

А пока придется посидеть в любимом ресторане Джеффри под романтическим названием «Весна», в котором она никогда прежде не бывала. И все бы ничего, но она чувствовала себя сейчас как скаковая лошадь, которая бьет копытами перед стартом, требуя начала скачек.

— Мне очень нравится это место, — задумчиво сказал Джеффри, оглядывая помещение дорогого ресторана, расположенного в северной части Бостона.

Декор здесь был простым, но при этом весьма элегантным: белоснежные скатерти, тускло мерцающие свечи, матовый отблеск столового серебра. В таком месте, когда посетитель садится за свой столик, он абсолютно уверен, что к нему сразу же подойдет давно знакомый официант, а не какой-то пьяница. Если говорить откровенно, то Нора заслуживает именно такого обслуживания.

Джеффри заказал себе экзотическое блюдо оссо-буко, а Нора ограничилась порцией ризотто с грибами, но не испытывала никакого удовольствия от еды. На столе стояла запотевшая бутылка прекрасного «Поджио дель оливьера кьянти классико» урожая 1994 года, но даже это изысканное вино ее не радовало.

Когда тарелки были уже пусты, Нора попыталась перевести разговор на планы на будущую неделю. Неоконченное дело тяжким бременем давило на ее психику, и она стремилась во что бы то ни стало прояснить ситуацию.

— Ты забыла, дорогая, что на следующей неделе я отправляюсь в поездку, — спокойно сказал Джеффри. — В Виргинии меня ждет грандиозный книжный фестиваль.

— Да, я действительно забыла об этом, — чуть было не закричала она от злости. — Не могу представить, как я отпущу тебя одного на этот книжный фестиваль на растерзание сотен безумных поклонниц твоего таланта.

Джеффри артистично сложил перед собой руки и наклонился над столиком.

— Послушай, я только что подумал о том же, — тихо сказал он. — Точнее, о том, как мы относимся к нашему предстоящему свадебному путешествию. А еще точнее — о том, как я сам отношусь к этому. Я имею в виду тайну, которой окружен наш брак. Думаю, я был не совсем справедлив к тебе.

— Ты что, подумал, что это каким-то образом задевает мои чувства? — удивилась Нора. — Потому что...

— Нет, дело вовсе не в этом. Ты всегда прекрасно понимала меня. Все дело во мне самом. Понимаешь, я женился на самой прекрасной женщине в мире, а весь этот мир пока даже не подозревает о таком грандиозном событии. Полагаю, пора поставить его в известность.

Нора натянуто улыбнулась, как и должна была сделать в таком случае, но на душе у нее

заскребли кошки.

— А как насчет твоих многочисленных поклонниц? — спросила она. — Как насчет всех тех женщин, которые будут преследовать тебя в Виргинии на следующей неделе и изнемогать от страсти к самому сексуальному мужчине и самому доступному холостяку, как описали тебя в журнале «Пипл»?

— Да ну их...

— Именно об этом они и мечтают, дорогой, — язвительно заметила Нора.

Джеффри взял ее руки в свои и притянул к себе.

— Все это время ты отличалась удивительным пониманием, а я — столь же удивительным эгоизмом. Но больше этого не будет.

Нора поняла, что разговаривать с ним на данную тему нет смысла. Во всяком случае, сейчас. Он был самым типичным парнем и старался сделать ей приятное, и переубедить его за час-другой просто невозможно.

— Знаешь что, — неожиданно предложила она, — ты поезжай на книжный фестиваль, удовлетвори поклонниц своим шармом, остроумием и эрудицией, а потом мы с тобой все обсудим, когда ты вернешься домой.

— Разумеется, — быстро согласился он, но сделал это таким тоном, словно предполагал нечто совершенно противоположное. — Только здесь одна проблема.

— Какая еще проблема? — насторожилась Нора. «Неужели он хочет сделать мне предложение прямо здесь, публично, посреди этого ресторана?»

— Вчера я дал интервью корреспондентке журнала «Нью-Йорк мэгэзин», — осторожно начал он. — Так вот, я рассказал ей, что мы совершили брачный обряд в Куернаваке. Думаю, тебе стоит встретиться с ней и предоставить более подробную информацию. Она просто умирает от желания заполнить пустые места в своей статье. А еще она спросила, может ли ее журнал опубликовать фотографию, на которой мы будем изображены вместе. Разумеется, я дал свое согласие.

Лицо Норы перекошилось от изумления.

— Ты согласился?

— Да, — радостно подтвердил он, еще крепче сжимая ее руки. — Надеюсь, для тебя это не проблема?

— Нет, конечно, никакой проблемы тут нет, — пролепетала она, но при этом подумала: «Наоборот, еще какая проблема!»

Нора вернулась на Манхэттен поздно вечером на следующий день. Она соскучилась по своей уютной квартире, по привычному домашнему комфорту и удивительной тишине, которая всегда царила в этом доме. Кроме того, здесь ее окружали предметы, которые она собирала многие годы и которые считала своей гордостью.

Пока ванна наполнялась горячей водой, Нора прослушала все телефонные сообщения, поступившие за последнее время. Она всегда делала это после долгих отлучек. Сообщений оказалось всего четыре, причем первые три были непосредственно связаны с ее работой и поступили от надоедливых клиентов, а последнее пришло от Брайана Стюарта, того самого попутчика в салоне первого класса, который сопровождал ее до Бостона и удивительно походил на Брэда Пита.

Его сообщение было коротким и чрезвычайно деликатным, то есть именно таким, какие ей нравились. Брайан выражал свою радость по поводу их счастливого знакомства в самолете, а в самом конце сказал о том, что с нетерпением ждет случая увидеть ее снова. «К концу этой недели я снова вернусь в город, — пообещал он, — и с огромным удовольствием приглашу вас поужинать со мной. Обещаю, что вам со мной не будет скучно».

Нора приняла горячую ванну, послушала последние новости и попутно разобрала поступившую почту. Когда новости закончились, она уже крепко спала на мягком диване, как ребенок после утомительных игр.

Она спала почти до полудня следующего дня, а потом сразу же отправилась в огромный магазин «Харгоув энд санз», расположенный в верхней части Ист-Энда. Откровенно говоря, Нора всегда считала этот магазин слишком старомодным, уставленным вещами, выглядевшими намного старше тех античных предметов, которые там иногда появлялись. Но «Харгоув» был излюбленным местом ее клиента, известного кинопродюсера Дэйла Минтона, который настоял на том, чтобы их встреча прошла именно там.

В течение нескольких минут Нора бесцельно бродила по залу, а когда прошла мимо какой-то старой софы, кто-то тронул ее за плечо. Она быстро повернулась и увидела перед собой сияющее от радости лицо мужчины с большой головой, лысина которой была неумело прикрыта начесом волос с затылка.

— Это вы, Оливия!

Только сейчас она узнала в нем того самого адвоката Кепплера, который занимался налоговыми делами.

— У-у-у... Привет, — растерянно промямлила Нора, лихорадочно пытаясь вспомнить его имя. Натренированная память ее не подвела. — Как дела, Стивен?

— Превосходно. Знаете, Оливия, я давно уже заметил вас и несколько раз выкрикнул ваше имя. Вы не слышали меня?

Нора быстро сориентировалась в ситуации:

— О, это вполне типично для меня. Чем больше я хожу по магазину, тем меньше обращаю внимания на то, что происходит вокруг.

Стивен громко рассмеялся, полностью удовлетворенный ее ответом. После нескольких минут традиционных любезностей Нора с ужасом вспомнила, что с минуты на минуту здесь может появиться Дэйл. Она стала вертеть головой и поглядывать на входную дверь. Если Дэйл застанет их здесь, это будет катастрофа.

— Итак, Оливия, вы покупаете что-нибудь для себя или для клиентов? — поинтересовался Стивен.

— Для клиента, — сухо ответила она и демонстративно посмотрела на часы.

В этот момент она увидела Дэйла Минтона, входившего в магазин пританцовывающей походкой и с видом человека, который является хозяином этого заведения. Впрочем, он вполне мог купить его, если бы захотел.

— А вот и мой клиент, — поспешила сообщить Стивену Нора, стараясь держать себя в руках. Она живо представила себе, как Дэйл называет ее Норой, а Кепплер — Оливией и как они все в результате будут выглядеть.

— Ну ладно, не буду мешать вам заниматься своими делами, — сообразил Стивен и сразу же решил воспользоваться сложившейся ситуацией. — Только пообещайте, что пойдете со мной поужинать в какой-нибудь ресторан. — Конечно, он понял, что она просто не сможет отказать ему в такой момент и согласится на его условия, чтобы поскорее отделаться от него.

— Да, конечно, Стив, — быстро ответила Нора. — Это было бы чудесно. Позвоните мне.

— Непременно, — ухмыльнулся тот. — Я в отпуске со следующей недели и поеду отдыхать, а когда вернусь, обязательно позвоню вам и напомню о вашем обещании. — Стивен Кепплер повернулся, чтобы уйти, а Дэйл находился уже в нескольких футах от нее. Все должно быть нормально, но потом... — Я очень рад, что встретил вас, Оливия! — громко произнес через плечо Стивен.

Нора с трудом выдавила из себя улыбку, а потом настороженно посмотрела на Дэйла, который оторопело смотрел то на нее, то на Стивена.

— Почему этот человек назвал тебя Оливией? — спросил Мinton.

Нора молила Бога, чтобы тот помог ей найти нужный ответ. И он не обманул ее ожиданий.

— Этот тип приставал ко мне на какой-то вечеринке несколько месяцев назад, — прошептала она Минтону на ухо. — И чтобы сбить его со следа, я назвалась чужим именем.

Дэйл понимающе кивнул, вполне удовлетворившись ее ответом, а Нора одарила его улыбкой. Ее двойная жизнь по-прежнему оставалась секретом для всех.

По крайней мере до сих пор.

Блондинка медленно двигалась между рядами выставленной на продажу мебели, останавливаясь на минуту перед каждым предметом. Ее глаза были прикрыты темными очками, а сама она не без удовольствия играла роль детектива, хотя порой такая роль казалась ей смешной. Но выбора у нее не было: следовало во что бы то ни стало проследить за Норой Синклер.

Если бы дело происходило не в Нью-Йорке, а в каком-нибудь захолустном магазине, она давно уже выдала бы себя с головой, но здесь, в верхней части Ист-Энда, блондинка легко смешалась с толпой покупателей и практически ничем не отличалась от сотен других посетителей магазина «Харгоув энд санз».

Блондинка задержалась на минутку перед большой дубовой вешалкой для холла с блестящими медными крючками и притворилась, что внимательно рассматривает ценник. В то же самое время ее глаза и уши были нацелены на Нору.

Или Оливию Синклер?

Она не знала, как расценить ее беседу с каким-то лысеющим мужчиной, но понимала, что если кто-то откликается на два имени, то он, вероятно, ведет некую темную игру.

Блондинка продолжала следить за Норой, к которой в это время присоединился другой человек, гораздо старше первого. Из чувства осторожности она несколько раз отдалялась от них, но большую часть их разговора все же слышала.

Этот второй мужчина, очень похоже, был клиентом Норы Синклер. Значит, Нора действительно является специалистом по интерьеру, о чем, кстати сказать, свидетельствовали ее специфический жаргон и манера вести беседу.

— Извините, — прервал ее мысли чей-то голос, — вам нужна помощь? Я могу вам чем-нибудь помочь?

Блондинка повернулась и увидела перед собой услужливо улыбающегося торгового консультанта. Он был одет в твидовый костюм, белоснежную рубашку и галстук-бабочку, но это не могло скрыть его весьма почтенный возраст.

— Нет, благодарю вас, — почти шепотом ответила блондинка. — Я пока еще не нашла то, что мне нравится.

После того как я упустил Нору в Бостоне в субботу, мое настроение в оставшуюся часть выходных можно описать одним словом: дерьмовое. В моем списке самых неотложных дел, которые необходимо сделать, на первом месте стоял спор с клерками фирмы проката. Слава Богу, что я не сломал себе руку, в чем убедили меня врачи после тщательного осмотра, который на самом деле состоял из одного-единственного вопроса: «Ты можешь пошевелить пальцами, идиот?»»

Когда наконец-то наступил понедельник, я первым делом отправился к дому Коннора Брауна, чтобы посмотреть, не вернулась ли туда Нора. Как и ожидалось, ее там не было. Еще одну поездку туда я совершил поздно вечером того же дня и с тем же результатом. После этого я решил, что настало время позвонить ей по мобильному телефону.

Однако и эта попытка оказалась неудачной. набрав ее номер, я вдруг услышал в трубке незнакомый мужской голос.

— Извините, возможно, я ошибся номером, — сказал я, слегка опешив. — Я пытаюсь дозвониться до Норы Синклер.

Мужчина недовольно проворчал, что никогда не слышал такого имени. Я выключил телефон и еще раз проверил свою записную книжку в памяти мобильного. Нет, все в порядке, я набрал именно тот номер, который был там записан. Стало быть, она меня просто надула.

Так-так.

Некоторое время я тупо смотрел на рулевое колесо, а потом схватил телефон и набрал другой номер. На этот раз мне ответил мелодичный женский голос:

— Доброе утро, страховая компания «Сентениан уан».

— Очень убедительно, Молли.

— Правда?

— Абсолютно. Если бы я не знал тебя лучше, то мог бы подумать, что у тебя в руке пилочка для ногтей. — Молли была моей новой секретаршей. После того как Нора обнаружила мое место работы, мы решили, что наше «местное отделение» не может состоять только из одного человека. — Будь добра, сделай мне одолжение. Проверь номер телефона Норы Синклер.

— А разве его нет в ваших документах? — резонно заметила она.

— Есть, но мне бы хотелось удостовериться, что она не поменяла его в последнее время.

— Ладно. Дайте мне десять минут.

— Я даю тебе пять минут.

— Так-то вы обращаетесь со своей новой секретаршей?

— Виноват. Даю тебе четыре минуты.

— Это несправедливо.

— Тик-так, тик-так, тик-так...

Молли только пару лет назад закончила школу и, несмотря на свой юный возраст, быстро обучалась новому ремеслу, хотя, по словам Сьюзен, все еще допускала досадные погрешности. Так или иначе, но я не удивился, когда она позвонила мне через три минуты.

— У нее все тот же номер, который записан в наших бумагах, — сообщила мне Молли.

Она продиктовала его мне, а я сравнил его с тем, что дала сама Нора, и улыбнулся. Единственное различие состояло в том, что у меня были переставлены две последние цифры.

Любопытно.

Вполне возможно, что я сам невольно поменял местами цифры, но еще более вероятно, что Нора сделала это намеренно.

— Вам нужно еще что-нибудь? — спросила Молли.

— Нет, пока все, Молли, спасибо.

Я попрощался с ней и сразу же переключил телефон в режим записной книжки. Как бы то ни было, но Нора и на этот раз обвела меня вокруг пальца. Что же мне теперь делать?

Еще в самые ранние годы своей профессиональной карьеры я понял одну простую вещь: есть огромная разница между информацией, которой располагаешь, и информацией, которую можно использовать. Вот и сейчас в моем распоряжении есть правильный номер телефона Норы, но я вынужден делать вид, что не знаю его.

С трудом шевеля забинтованной рукой, я нацарапал для Норы записку и оставил ее перед дверью дома Кон-нора Брауна. При этом я был абсолютно уверен, что рано или поздно она прочитает ее, но не знал, когда именно.

Нора поехала в Брайерклиф-Мэнор только через пару дней, да и то лишь потому, что нужно было поскорее покончить с формальностями и уехать отсюда навсегда. Несмотря на то что сестра Коннора великодушно позволила ей находиться в доме, сколько она сочтет нужным, Нора решила не задерживаться там долго, а больше всего на свете она не хотела видеть эту сучку из Калифорнии.

Сейчас самая главная проблема заключалась в большом количестве мебели, которую нужно было оценить и реализовать в пользу убитой горем сестры: та в последнем телефонном разговоре попросила Нору об этом. Будучи специалистом по интерьеру, Нора прекрасно знала, какая мебель находится на одиннадцати тысячах квадратных футах дома и сколько она стоит. Но для ее реализации нужна квалифицированная помощь.

— "Истэйт трежерес", чем могу помочь? — ответили ей в мебельном магазине.

— Здравствуйте, это Нора Синклер.

Она сидела на заднем сиденье своего шикарного «таункара», который вез ее к дому Коннора Брауна.

Через пару секунд в трубке послышался бодрый голос подруги:

— Неужели это мой самый лучший дизайнер?

— Готова поспорить, что ты говоришь такие слова каждому клиенту.

— Не стану этого скрывать. И знаешь что? Они все верят мне. Ну, как дела, Нора?

— Очень хорошо. Именно поэтому я и звоню тебе.

— Ну и когда я могу увидеть тебя?

— Если откровенно, то этот вопрос я хотела бы задать тебе, Харриет. Мне нужно, чтобы ты произвела оценку мебели на месте.

— О! — удивилась та. — И куда мне подъехать? Надеюсь, это где-то в Нью-Йорке?

— Это Брайерклиф-Мэнор, дом моего бывшего клиента, который недавно отошел в мир иной.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже, — спокойно ответила Нора. — Как бы там ни было, меня попросили разобраться с мебелью от имени законного владельца дома.

— Ты хочешь отправить ее на консигнацию?

— Да, именно это я хочу сделать.

— Хм, вызов на дом, — пробормотала Харриет. — А сколько там комнат, в этом доме?

— Двадцать шесть.

— Ого!

— Вот именно. Поэтому я и обратилась к тебе за помощью. Никто не справится с этой работой лучше и быстрее, чем ты.

— Готова поспорить, что ты говоришь такие слова каждому поставщику.

— И знаешь, они все почему-то верят мне, — сказала Нора со смехом.

После этого они поболтали еще минут пять о том о сем, назначили время визита Харриет для оценки имущества, а к тому времени, когда распрощались, «таун-кар» уже подъезжал к дому Коннора.

Пока шофер вынимал из багажника ее сумки, Нора вышла из автомобиля и направилась к парадной двери. Именно в этот момент она увидела лежащую на полу записку от Крейга Рейнолдса:

«Пожалуйста, позвоните мне как можно скорее».

— Это она, — раздался приятный голос Молли.

Я улыбнулся, прекрасно понимая, о ком идет речь. Нора была единственным человеком, о котором Молли могла мне сообщить столь загадочным тоном. Значит, Нора уже вернулась, и мне пора действовать.

— Знаешь что, Молли, сделай для меня еще одно одолжение, — сказал я. — Передай миссис Синклер, что я скоро возьму трубку, а потом переключи телефон в режим ожидания и выдержи по часам сорок пять секунд. После этого соедини меня с ней. Ты все поняла?

— Будет сделано.

Я откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Он походил на те модные пластиковые потолки, которые, казалось, были утыканы остро заточенными карандашами. У меня имелось достаточно времени, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к беседе. Впрочем, для этого у меня была практически вся прошлая неделя, но в голову так ничего хорошего и не пришло.

Звонок. Молли все сделала как надо.

Я снял трубку и попытался изобразить в голосе крайнюю усталость и озабоченность:

— Нора, вы все еще там?

— Нет, я уже здесь, — последовал ответ, в котором я без труда мог обнаружить нотки плохо скрываемого раздражения. По всему было видно, что Нора не в восторге от того, что ее заставили ждать.

— Нора, извините, пожалуйста, но подождите еще одну секунду. — Ее протест запоздал: я включил режим ожидания и снова уставился в потолок. Одна тысяча один, одна тысяча два, одна тысяча три... Досчитав до одной тысячи пятнадцать, я вернулся к разговору и глубоко вздохнул в трубку. — Боже мой, Нора, тут какой-то кошмар, — пояснил я ей извиняющимся тоном. — Извините, ради Бога, что вновь заставил вас ждать. Мне нужно было уладить дела со своим клиентом по другому телефону. Насколько я понимаю, вы прочитали мою записку?

— Да, несколько минут назад, — сухо ответила она. — Я сейчас в доме Коннора.

Настало время проверить ее умение лгать.

— Как прошла поездка? Кажется, это был Мэриленд?

— Нет, Флорида, — проскрипела она.

Мне так и хотелось крикнуть, что она была в Бостоне, но по понятным причинам я сделать этого не мог.

— Ах да, совершенно верно, — протянул я. — Не хотелось бы мне голосовать в этом штате. Удачно съездили?

— Да, вполне.

— Знаете, Нора, я несколько раз пытался позвонить вам по тому номеру, который вы мне оставили, но, к сожалению, оказалось, что это не ваш номер.

— Странно. А какой номер вы набирали?

— Сейчас, минутку, он у меня записан в книжке. — Я выдержал паузу и назвал ей номер телефона.

— Ну, теперь все понятно, — беззаботно ответила она. — Две последние цифры «восемь — четыре», а не «четыре — восемь». Боже мой, надеюсь, это не я перепутала их. Извините, если ошиблась все же я.

Она врала довольно убедительно.

— Ничего страшного, — успокоил я ее. — Вероятно, это я все напутал. Знаете, у меня уже бывали случаи, когда я становился жертвой своей цифровой дислексии.

— Как бы то ни было, сейчас мы снова в контакте.

— Да, очень кстати. Я хотел бы поговорить с вами насчет расследования страхового случая.

— Есть какие-нибудь новости?

— Можно и так сказать. — Я сделал многозначительную паузу, а потом продолжил: —

Пожалуйста, не придавайте этому слишком серьезного значения, но мне кажется, мы должны обсудить данный вопрос в приватной беседе.

— Неужели все так плохо?

— Я этого не говорил.

— Ну, если бы новости были хорошими, вы непременно сообщили бы их по телефону. По крайней мере намекнули бы на это.

— Ну ладно, должен признать, что новости не из лучших. Но еще раз хочу предупредить, чтобы вы не придавали им слишком большого значения. У вас есть время сегодня вечером, чтобы мы могли где-нибудь встретиться?

— Думаю, что могла бы заехать к вам в офис около четырех часов.

«А я думаю, что тебе даже не нужен адрес, так как ты сама уже выследила меня».

— Время меня вполне устраивает, — неопределенно протянул я, — а вот место хотелось бы выбрать получше, где-нибудь за пределами нашего здания. У нас тут целая бригада рабочих красит стены, — соврал я, — и вонь стоит невыносимая. Знаете что? — неожиданно предложил я. — Давайте встретимся в ресторане «Голубая лента». Знаете, где он находится?

— Конечно, это сразу за городом. Я часто бываю там.

Еще бы.

— Хорошо, — продолжил я. — Значит, я буду ждать вас в ресторане в четыре часа и готов угостить вас чашечкой кофе. Или чаем, учитывая не совсем подходящее время?

— Нет, чай там никудышный, если мы имеем в виду одно и то же заведение. — Я рассмеялся над ее шуткой и согласился, что кофе будет лучше. — В таком случае до встречи в четыре, — попрощалась она.

Ресторан «Голубая лента», конечно же, не мог претендовать на первое место в номинации «еда», «декор» или «сервис», но на фоне других традиционных загородных забегаловок он выглядел вполне достойно. Здесь никогда не пережаривали яйца, бутылки с кетчупом почти всегда были полными, а официанты, которые также не могли претендовать на первые места в своей профессии, являлись все же профессионалами. Они без промедления принимали заказы посетителей и почти мгновенно подливали свежий кофе в пустые чашки.

Когда я вошел в ресторан за несколько минут до четырех, владелец кивнул мне, как старому знакомому. За то короткое время, пока я жил в этом районе, «Голубая лента» стала моим излюбленным заведением, где можно было всегда прилично пообедать. Конечно, я не сомневался, что можно найти местечко получше, но искать что-нибудь другое у меня просто не было никакого желания.

— Вообще говоря, нас будет двое, — сказал я хозяину заведения, когда тот принес мне меню. Грек в большом черном фартуке, надетом поверх белоснежной рубашки, что, конечно, является дурным тоном. Но зато хозяин человек весьма достойный и никогда не доставлял мне никаких проблем.

Нора появилась в ресторане через несколько минут после меня. Я помахал ей рукой из своей красной кабинки, расположенной в самом дальнем конце зала. Нора была одета в черную юбку, кремового цвета блузку, которая казалась шелковой, и в туфли на высоких каблуках. «Неужели ты ради меня так принарядилась, Нора? — подумал я, внутренне усмехаясь. — Зря ты это сделала».

Она заметила меня сразу, так как зал ресторана был почти пустым в этот промежуток времени между обедом и ужином. Нора быстро подошла к моему столику, пожала мне руку, и мы обменялись традиционными словами приветствия. Я поблагодарил ее за то, что она уделила мне свое драгоценное время, а Нора обдала меня приятным запахом дорогих духов. «Будь осторожен, Крейг».

Как только она уселась напротив меня, тут же подошла официантка с табличкой на груди, на которой было написано что-то вроде: «Эй, мисс». Она деловито приняла у нас заказ и ушла, унося с собой терпкий запах дешевой косметики.

Мы заказали кофе, а я, кроме того, попросил принести мне яблочный пирог. Конечно, моя и без того не осиная талия не позволяла мне питаться таким образом, но я решил, что это будет верный стратегический ход. Как можно не довериться человеку, который заказывает в ресторане яблочный пирог?

Когда официантка удалилась, я понял, что не стоит обременять собеседницу чрезмерными подробностями неприятного дела, и поэтому решил свести наш разговор к минимуму. Что же до Норы, то вместо нее говорило ее тело — говорило внятно, уверенно и с невероятным чувством превосходства. По всему было видно, что она прекрасно держит себя в руках и готова ко всяким неожиданностям.

— Мне очень неприятно, Нора, — осторожно начал я после обычных формальностей. — Все время я убеждал вас в том, что это самое что ни на есть рутинное дело, о котором просто не стоит беспокоиться. И вдруг на днях... — Я замолчал и в отчаянии покачал головой.

— Что? Что произошло на днях?

— Да все этот чертов О'Хара! — воскликнул я так громко, что люди за соседними столиками невольно повернулись в нашу сторону. Я понизил голос до шепота: — До сих пор не могу понять, почему они позволили этому негодяю заняться страховым расследованием. В вашем

случае в таком расследовании не было никакой необходимости. — Нора выжидающе смотрела на меня, и я по достоинству оценил ее выдержку. — Не исключено, что он каким-то образом связан с ФБР, — сказал я тихо.

— Я вас не понимаю, — с трудом выдавила она из себя.

— Я тоже не понимаю этого, Нора. Но О'Хара оказался самым подозрительным типом, какого мне только доводилось встречать в своей жизни. По его мнению, все события являются цепью некоего страшного заговора. Думаю, что он доставит нам всем немало головной боли.

— Прекрасно, — недовольно буркнула Нора и откинулась на спинку стула. Ее зеленые глаза заблестели от негодования. Я даже пожалел ее в эту минуту. — ФБР? Что это значит, черт возьми?

— А то, что никто из родственников или близких покойного отныне не может чувствовать себя спокойным, — тихо сказал я и сделал короткую, но весьма насыщенную драматизмом паузу. — Боюсь, что тело вашего несчастного жениха будет подвергнуто процедуре эксгумации.

— Что?

— Знаю, что это звучит ужасно, и с радостью помог бы вам в данном деле, если бы у меня имелась хоть малейшая возможность. К сожалению, сие не в моих силах. Этот идиот О'Хара почему-то решил, что человек в возрасте сорока лет просто не может умереть естественной смертью от сердечного приступа. Словом, он хочет провести дополнительную экспертизу по поводу причин его преждевременной кончины.

— Но есть же результаты вскрытия!

— Я знаю... знаю.

— О'Хара не доверяет результатам вскрытия?

— Это не совсем так, Нора. Он просто хочет провести более тщательную экспертизу. Общее вскрытие... ну, короче, он считает, что оно слишком общее, то есть не всегда обнаруживает определенные симптомы.

— Что вы хотите этим сказать? Какие симптомы?

В этот момент к нашему столику подошла официантка, и вопрос Норы повис в воздухе. Сотрудница заведения поставила на столик две чашки кофе и мой яблочный пирог. Я видел, как Нора заерзала на стуле и стала постепенно утрачивать контроль над собой. Все ее эмоции показались мне в тот момент вполне естественными и искренними. Гораздо менее ясными для меня являлись истоки этого беспокойства. Были ли моими словами вновь разбужены чувства убитой горем женщины, потерявшей жениха, или все-таки проявилась тревога убийцы, внезапно ощутившей вероятность разоблачения?

Официантка молча удалилась, оставив нас наедине.

— Какие симптомы? — переспросил я. — Думаю, что это может быть все что угодно. Если говорить гипотетически, то я полагаю, что Коннор мог иметь пристрастие к каким-либо наркотикам или какие-либо наследственные болезни, которые не попали в официальный отчет о результатах вскрытия. Дело в том, что обе эти причины могут лишить вас выплаты по страховому полису.

— Но ничего подобного у него не было обнаружено.

— Это вам известно, — улыбнулся я, — да и мне тоже, если говорить вполне откровенно и без протокола. Однако О'Хара, к сожалению, в этом не убежден.

Нора молча отодвинула бумажную салфетку с фирменным знаком, положила в чашку пару ложек сахара и уставилась в нее, медленно помешивая его.

— Знаете что? — неожиданно заявила она. — Скажите этому типу, что он может забрать себе все те деньги. Мне они не нужны.

— Если бы было все так просто, Нора. Компания «Сентениан уан» должна по закону

выплатить сумму страхового полиса, если не будет выявлено нарушений какого-либо рода. Это может показаться вам странным, Нора, но у вас, как мне кажется, сейчас просто нет выбора.

Она наклонилась вперед, положила локти на стол, а потом опустила на них голову. А когда через несколько секунд Нора подняла глаза, я отчетливо увидел в них наворачнувшиеся слезы.

— Вы что, в буквальном смысле собираетесь раскопать могилу Коннора? — спросила она тихим, почти срывающимся голосом. — Вы в самом деле сделаете это?

— Мне очень жаль, Нора, — ответил я и в самом деле очень пожалел ее. А что, если она действительно ни в чем не виновна? — Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я решил поговорить с вами не по телефону? Могу сказать вам только одно — если бы я оказался на месте О'Хары, то ни за что на свете не пошел бы на такой шаг.

После этих слов я пристально посмотрел ей в глаза, которые она тщательно вытирала бумажной салфеткой, и почему-то снова вспомнил отца, который часто повторял: «Вещи далеко не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд».

Я не мог понять, как относиться к слезам Норы, — это искреннее проявление чувств к умершему жениху или искусная имитация? Но одно мне было совершенно ясно: она уже прониклась ненавистью к Джону О'Харе, и чем больше Нора будет ненавидеть его, тем больше у меня шансов докопаться до истины.

Должен признать, что данная ситуация показалась мне довольно-таки забавной, так как этот Джон О'Хара находился сейчас не в Чикаго, где располагался центральный офис страховой компании «Сентениан уан», а сидел в ресторане «Голубая лента», уплетал яблочный пирог и охотно откликался на имя Крейг Рейнолдс.

А самое забавное заключалось в том, что страховой бизнес был не главным делом моей жизни.

Часть третья
Очень опасные игры

Сьюзен была вне себя от ярости и буквально орала в мое ухо:

— Ты что, в самом деле сказал ей, что мы собираемся провести эксгумацию трупа Брауна?

— Послушай, это пойдет нам на пользу, — пытался успокоить я босса. — Сейчас Нора думает, что я на ее стороне.

— Ты сделал это по собственной инициативе, даже не посоветовавшись со мной!

— Я просто слегка ускорил процесс.

— Но ты ускорил его слишком сильно. Похоже, это уже стало твоей торговой маркой, — ворчала она. — Вот отчего у тебя все твои проблемы. Ты же знаешь, что у нас есть вполне серьезные причины действовать вместе, по определенному плану, и именно поэтому мы договорились, что каждый из нас должен знать, что делает другой.

— Ну ладно, Сьюзен, по крайней мере ты должна согласиться, что сделанный мной ход принесет нам определенные преимущества.

— Дело не в этом. Я хочу, чтобы ты был командным игроком, ты понял меня? Ты больше не тайный полицейский, действующий на свой страх и риск.

Я немного подумал, а потом сказал:

— Ты права, теперь я тайный федеральный агент.

— Да, но продлится это счастье недолго, если ты будешь совершать такие необдуманные поступки. Я не люблю ковбоев.

В течение нескольких секунд мы оба напряженно молчали. Я первым прервал гнетущую тишину:

— Знаешь, мне больше нравится, когда ты поддерживаешь меня.

Сьюзен сдержанно засмеялась:

— Скажи мне, гений сыска, что ты собираешься делать сейчас, когда Нора уже знает о наших планах эксгумировать труп ее жениха?

— Все очень просто, — спокойно ответил я. — Мы немного подождем и посмотрим на результаты. Если наша лаборатория подтвердит факт криминальной смерти, мы наконец-то узнаем имя убийцы.

— Все равно понадобятся серьезные доказательства того, что это сделала именно она.

— Тебе же известно, что искать улики намного легче, когда знаешь, кто убийца.

— А если лаборатория ничего серьезного не обнаружит?

— В таком случае я сообщу Норе приятные новости, а сам тем временем расставлю для нее новую ловушку.

— Ты забываешь одну вещь.

— Какую?

— Что она действительно может оказаться ни при чем.

— И это говорит человек, который всех считает хоть в чем-то виноватыми.

— Я хочу сказать...

— Нет, я все прекрасно понимаю. В нашем деле все возможно. Но эта женщина была тесно связана с двумя молодыми людьми в двух разных штатах, которые вскоре после знакомства с ней каким-то таинственным образом отдали Богу душу. Если это простое совпадение, то Норе Синклер просто трагически не везло с мужчинами.

— Да, я, видимо, не права, — сказала Сьюзен более спокойным голосом. — В таком случае давай посадим ее на электрический стул.

— Вот так-то лучше. Знаешь, иногда мне кажется, что на какое-то мгновение ты

становишься другим человеком.

— Кстати, о другом человеке, — тут же оживилась она. — Тебе не кажется, что Нора может попытаться убрать ненавистного ей другого человека?

— Нет, Крейг Рейнолдс не принадлежит к ее кругу, — уверенно сказал я. — Он слишком мало зарабатывает.

— Хорошо, но надеюсь, ты не станешь больше допускать непростительных ошибок?

— Нет, но если я поживу в своем бараке еще немного времени, то мне придется выставить тебе счет за причиненный здоровью вред.

— О'Хара, если весь твой ущерб ограничится только жилищными неудобствами, можешь считать, что тебе крупно повезло.

Нора осторожно протиснулась в дверь палаты психиатрической клиники «Пайн вуд», где коротала свои дни ее мать, и с трудом выдавила из себя улыбку. Последнее время она пребывала в ужасном настроении, и это почувствовали на себе почти все люди, которые так или иначе общались с ней, включая Эмили Барроуз и новую медсестру Пэтси. Хотя Нора и старалась делать вид, что во время встречи с Крейгом Рейнолдсом в ресторане ничего страшного не произошло и она не слышала от него ужасных слов о том, будто страховая компания настаивает на эксгумации трупа Коннора.

— Привет, мама.

Оливия Синклер сидела в желтой ночной рубашке на застланной покрывалом больничной койке. Увидев дочь, она подняла голову и рассеянно посмотрела на нее:

— А, это ты, привет.

Тучи, которые застилали небо почти весь день, стали постепенно рассеиваться, а изредка пробивающиеся лучи солнца проникали в палату сквозь металлические жалюзи. Нора подхватила в углу палаты стул и пододвинула его к кровати.

— Ты хорошо выглядишь, мама.

Конечно, каждая дочь сказала бы то же самое в подобной ситуации, однако Нора действительно верила в свои слова. Она уже давно смотрела на мать совершенно другими глазами и видела ее такой, какой сохранила в своей памяти. Можно даже сказать, что это стало ее привычкой. После того как Оливию Синклер посадили в тюрьму, дочери долгое время не позволяли встречаться с ней, а пока Нора подрастала, облик матери застыл в ее памяти и с тех пор практически не менялся. Судьба самой Норы претерпела множество кардинальных перемен, но образ Оливии оставался неизменно постоянным в ее сумбурной жизни.

— Ты же знаешь, что я люблю читать.

«Черт возьми!» — подумала Нора, виновато опустив глаза.

— Знаю, мама, но на этот раз я забыла взять для тебя книгу. Мама, у меня сейчас... много проблем... — Во дворе клиники натужно заревела газонокосилка, и Нора даже вздрогнула от неожиданности. Какое-то время она сидела как парализованная, боясь пошевелиться. У нее даже дух перехватило от такого громкого звука. И только слезы медленно стекали по щекам, смывая косметику и делая ее совершенно беззащитной перед внешним миром. — Прости, мама, — тихо произнесла Нора, вытирая глаза бумажной салфеткой.

После этого дочь впервые в жизни рассказала матери о своей давней несбыточной мечте — увидеть ту трагическую сцену, когда Оливия застрелила своего мужа. Эта сцена всегда выглядела очень живой в сознании Норы, и она постоянно дополняла ее мелкими деталями — кто во что был одет, что они говорили друг другу перед смертельным выстрелом, — а иногда Нора даже ощущала горьковатый привкус оружейного пороха.

«Но какое это имеет значение? — подумала она. — Мать даже не помнит меня и не знает, кто я такая».

Нора взяла с прикроватной тумбочки еще одну бумажную салфетку и смахнула слезы, которые хлынули из ее глаз, как вода из прорвавшейся дамбы. Нора вдруг поняла, что окончательно теряет контроль над собой. Она больше не могла противиться непреодолимому желанию выплеснуть свои чувства, поговорить с кем-нибудь.

Нора сделала глубокий вдох, набрала полные легкие воздуха, медленно выдохнула его и, закрыв глаза, тихо сказала:

— Мама, я совершила ужасные поступки и сейчас хочу рассказать тебе об этом.

Когда она открыла глаза, уже готовая выложить матери всю правду о своей жизни, слова застыли на ее онемевших губах. С Оливией происходило что-то ужасное.

Нора вскочила со стула и бросилась к двери.

— Эй, кто-нибудь! — закричала она во весь голос, выбежав в коридор. — Помогите! Скорее! Моя мама умирает! Помогите кто-нибудь!

Медсестра Эмили Барроуз оторвал глаза от журнала регистрации и повернула голову в сторону, откуда доносился чей-то крик. В следующую секунду она узнала голос Норы и, громко позвав возившуюся в соседней комнате медсестру Пэтси, вышла в коридор.

Нора стояла у входа в палату матери и отчаянно размахивала руками, призывая на помощь. Их разделяло не больше тридцати ярдов, и Эмили проделала этот путь быстрее, чем позволяло ей ее грузное телосложение.

— Что случилось? — спросила медсестра по пути. — Что стряслось?

— Она! — кричала Нора. — Она!..

Эмили вбежала в палату и увидела сцену, которая во многом напоминала эпизод из нашумевшего фильма «Экзорцист». Оливия Синклер билась в конвульсиях на кровати, с невероятной силой дергая руками и ногами. Ее тело вытянулось и содрогалось от спазм. Старая металлическая кровать громко скрипела под ее весом, готовая развалиться в любую минуту.

Несмотря на панические крики Норы и конвульсивные движения ее матери, медсестра Эмили облегченно вздохнула и обернулась назад, ища затаившуюся за дверью Пэтси.

— Помоги мне, — приказала она юной медсестре.

Пэтси осторожно подошла к кровати, испуганно поглядывая на корчившуюся в судорогах Оливию.

— Это первый приступ в твоей практике? — поинтересовалась Эмили. Пэтси молча кивнула. — Хорошо, смотри, что надо делать в таких случаях. Прежде всего переверни ее на бок, чтобы она не захлебнулась в случае неожиданного приступа тошноты и рвоты. — Эмили выжидающе посмотрела на Пэтси, которая, казалось, приросла к полу и не могла даже пошевелиться от страха. — Ну давай же, не стой тут как истукан!

Пэтси медленно наклонилась над пациенткой и с большим трудом повернула ее на правый бок.

— Что дальше делать?

— Теперь надо ждать.

— Чего?

— Окончания приступа.

— Вы хотите сказать, что больше ничего делать не надо? — опешила от неожиданности Пэтси.

— Именно так. И не вздумай ограничивать ее движения или удерживать в неподвижном состоянии. Надо просто стоять рядом и посматривать на часы. В девяти случаях из десяти приступ длится не больше пяти минут. Если же он не прекратится в течение этого времени, мы обычно вызываем врача.

Нора стояла рядом и была вдвойне в шоке от того, что медсестра Эмили превратила спасение ее матери в инструктаж для начинающей медсестры.

— Неужели вы больше ничего не можете сделать для нее?

— Больше ничего, Нора, — спокойно отреагировала Эмили. — Поверь мне, дорогая, все не так ужасно, как кажется на первый взгляд.

— А язык? Что будет, если она проглотит язык?

Эмили покачала головой, стараясь сохранять терпение:

— Это всего лишь миф, не имеющий никакого отношения к реальности.

Однако Нору ее ответы не удовлетворили. Она уже хотела было потребовать, чтобы к матери немедленно вызвали врача, но в этот момент все неожиданно прекратилось — скрип кровати и

конвульсии матери.

В палате воцарилась мертвая тишина. Эмили осторожно повернула Оливию на спину и подложила под ее голову подушку. Нора бросилась к матери и схватила ее за руку. В какое-то мгновение дочери показалось, что мать ответила легким пожатием ее руки.

— Все нормально, мама, — прошептала Нора. — Все будет хорошо.

— Ну ладно, ладно, — прошептала ей Эмили и успокаивающе похлопала Нору по плечу. — Я знаю, тебе показалось, что она умирает, но ты по неопытности ошибалась. Поверь мне, дорогая, когда человек умирает — заметить легко. Ты еще об этом узнаешь.

«Шесть футов под землей»^[9].

Не знаю, откуда пошло это знаменитое выражение, но явно не от кладбища «Слипи Холоу», расположенного на территории самой старой голландской церкви в округе Уэстчестер. Во всяком случае, на глубине шести футов в том месте, где был захоронен Коннор Браун, никакого гроба не обнаружили. И только когда глубина стала в два раза больше, я наконец-то услышал стук лопат по деревянной крышке. Как хорошо, что мне самому не пришлось откапывать этот гроб на знаменитом старом кладбище, где, как предполагали, были захоронены Вашингтон Ирвинг и несколько представителей богатейшего рода Рокфеллеров.

— Тот нашумевший телевизионный сериал надо было назвать «Двенадцать футов под землей», — сказал я стоявшему рядом со мной и беспрестанно курившему копу. Полагаю, он не понял шутки, потому что не смотрел тот знаменитый сериал. Впрочем, равнодушное отношение к происходящему этого полицейского можно было объяснить вполне понятным сочетанием усталости и раздражения.

А моя задача заключалась в том, чтобы побыстрее докопаться до гроба и покончить с этим неприятным делом раз и навсегда. Для чего нужны хорошая команда, бесшумная техника и возможность проводить работы рано утром, так как в дневное время здесь слишком много посторонних.

Помимо полицейского с застывшим каменным лицом, в моем распоряжении были три землекопа с местного кладбища. Они быстро установили пару небольших фонарей и принялись за работу, которая продолжалась не меньше часа. С ними был еще молодой парень из патологической лаборатории ФБР, который непонятно как получил свою лицензию в столь юном возрасте.

Я снова посмотрел на стоявшего рядом полицейского и попытался его хоть как-то расшевелить.

— Ну как вам все это мероприятие?

Никакой реакции не последовало. Я решил оставить его в покое и снова повернулся к землекопам, которые уже стояли на крышке гроба Коннора Брауна и пытались прикрепить к ручкам толстые веревки. Мне почему-то показалось, что ручки гроба недостаточно надежны, чтобы вытащить его из такой глубины.

— Вы уверены, что эти шгуки выдержат? — поделился я с землекопами своими сомнениями.

Все трое посмотрели на меня снизу вверх.

— Должны выдержать, — ответил самый высокий из них на хорошем английском, а остальные могли по-английски только кивнуть.

Когда веревки были привязаны к ручкам гроба, рабочие выбрались из земляной ниши, подтянули один край гроба, а потом привязали веревки к другому его концу. Теперь оставалось лишь поднять гроб на поверхность.

И тут до нас донесся какой-то шум.

«Что это, черт возьми?» Никто из присутствующих не произнес таких слов, но у каждого из нас они были на уме. Этот звук походил на хруст ветки под ногами идущего человека. «Всадник без головы на ночной прогулке?»

Мы все замерли и прислушались. Ветки большого дуба у нас над головой заколыхались и заскрипели, но тот подозрительный звук больше не повторился.

Кладбищенские работники оказались более хладнокровными и вскоре вернулись к работе.

Гроб с телом Коннора Брауна стал медленно подниматься вверх.

Тут произошло что-то странное. Поднялся ветер, зашумели ветки дуба, а по моей спине пробежал холодок. Я никогда не отличался особой религиозностью, но в этот момент не мог не подумать о том, что мы совершаем нечто противоестественное. Мы потревожили мертвеца и, значит, нарушили привычный порядок вещей.

Меня охватило смутное беспокойство.

Щелк!

Этот звук прорвался к нам сквозь завывание ветра и эхом отозвался в ночной темноте. Звук был намного громче предыдущего и ничем не напоминал треск сухой ветки. Ручки на одной стороне гроба внезапно затрещали, обнажив вывернувшиеся наружу крючки и винты. Гроб резко наклонился, и все его содержимое перевалилось через борт и упало на дно глубокой ямы. Это было тело Коннора Брауна.

— Черт бы вас побрал! — заорал полицейский с застывшим ужасом в глазах.

Мы бросились к краю ямы и сразу же ощутили удушающий запах разлагающегося трупа. Внутри у меня образовался тугой комок, который мгновенно поднялся к горлу, напрочь перехватив дыхание. Я невольно попятился назад, но все же успел бросить взгляд на дно ямы. В слабом свете двух фонарей отчетливо просматривалось деформированное лицо, вздувшиеся комки бледной плоти и запавшие глаза, обнаружившие глубокие глазницы. Мне почему-то показалось, что потускневшие глаза мертвеца смотрели не просто вверх, а прямо на меня.

Рабочие проклинали все на свете на причудливой смеси английского и испанского языков, а молодой парень из патологической лаборатории ФБР сокрушенно качал головой. Стоявший рядом со мной полицейский согнулся в три погибели и конвульсивно подергивал плечами. Его стошнило от всего увиденного.

— Проклятие, что нам теперь делать? — спросил я рабочих, но вместо ответа услышал скрип лестницы. Один из них опустил лестницу в яму и стал осторожно спускаться. Теперь оставался только один выход — поднять тело руками.

— Пожалуйста, нам нужно помочь, — сказал бригадир кладбищенской команды.

Решение оказалось самым легким из всех, которые мне когда-либо доводилось принимать.

Я повернулся к полицейскому, который все еще натужно избавлялся от остатков недавнего обеда. Он посмотрел на меня полными ужаса глазами, ярко выделявшимися на фоне бледного лица.

— Я? — с трудом выдохнул он. — В яму?

Моя ухмылка говорила сама за себя.

«Извини, парень, но надо было хоть как-то реагировать на мои шутки».

Нора не знала, заметили ли ее эксгуматоры за густыми деревьями кладбища, но у нее не было никаких сомнений в том, что они что-то слышали. Эта сухая ветка предательски хрустнула под ее ногами как раз в тот момент, когда она приближалась к ним.

Когда все они повернулись в ее сторону, Нора упала на землю и прижалась к холодной надгробной плите, подобрав под себя ноги. Затаив дыхание, она прислушивалась к доносившимся от могилы Коннора звукам и впервые подумала о том, что вряд ли стоило идти на такой риск.

До последнего времени Нора вообще не верила, что страховщики пойдут на такой шаг и станут откапывать гроб Коннора.

Но она ошиблась.

Нора вздрогнула от страха и вдруг вспомнила старую легенду о том, что на этом кладбище в неустановленном месте когда-то была похоронена ужасная ведьма. Даже сквозь свой толстый шерстяной свитер Нора чувствовала спиной ужасный холод гранитного надгробия.

Через некоторое время она осторожно повернула голову и посмотрела на место раскопок. Какой кошмар! Землекопы быстро успокоились и возобновили работу. Нора догадалась, что они привязали веревки к ручкам гроба и стали медленно поднимать его наверх.

Какое-то время она просто не верила своим глазам. Ее настроение ухудшалось с каждой секундой. Судя по всему, все шло довольно гладко, и скоро рабочие вытащат гроб на поверхность. Теперь уже ничто не сможет помешать им.

А как все было здорово! Свободная и богатая, она не имела абсолютно никаких оснований для тревоги. «Откуда он взялся на мою голову, этот мерзавец О'Хара? Будь он проклят, засранец долбаный».

Взрыв негодования немедленно вызвал у нее еще один вопрос: «Где он сейчас?»

Последовав за Крейгом Рейнолдсом этой ночью, Нора была абсолютно уверена в том, что первым делом увидит здесь О'Хару. Именно поэтому она и пришла сюда. Однако сейчас Нора никак не могла понять, кто из них является этим таинственным страховым экспертом. Он не мог быть одним из трех рабочих и, разумеется, не мог быть в форме полицейского. А рядом с Крейгом находился только один человек, но в силу своего слишком юного возраста он тоже не мог быть О'Харой.

К этому времени рабочие уже почти полностью подняли гроб на поверхность. Она видела, как над землей появилась знакомая крышка. Нора не могла спокойно наблюдать за этим и отвернулась, прижавшись спиной к холодному граниту. Сердце так сильно колотилось в ее груди, что казалось, его стук разносится по всему кладбищу.

Но все это было сущим пустяком по сравнению с тем, что случилось дальше.

Она услышала какой-то странный щелчок, он донесся до нее из ямы с гробом Коннора. Нора судорожно сжалась в комок и прикрыла голову руками. Она понятия не имела, что случилось, и была бы счастлива никогда не знать об этом.

Но она все же заставила себя повернуть голову и посмотреть, что там произошло. В следующую секунду ее глаза округлились от ужаса, а губы онемели от страха. Она чуть не закричала, но крик застыл на онемевших губах. Одна сторона гроба перекосилась, его крышка соскользнула вниз, а все остальное ей подсказало болезненное воображение. Увидев, как полицейский нагнулся к земле, схватившись обеими руками за горло, она испытала такой же приступ рвоты и только чудом сдержала себя.

На самом деле Нору непременно стошнило бы, как того полицейского, если бы не

МГНОВЕННЫЙ ИНСТИНКТИВНЫЙ ПОРЫВ.
Бежать!

На следующий день Нора вернулась на Манхэттен и сразу же отправилась по привычным местам в районе Сохо. Сперва она посетила тренажерный зал, потом приняла процедуру массажа с горячим ароматным маслом, после этого сделала себе маникюр и педикюр. Ничто не действовало на нее так успокаивающе, как привычные процедуры по уходу за своим телом.

Однако даже через три часа никакого облегчения не наступило, несмотря на то что Нора потратила около четырехсот долларов. В памяти все еще были живы воспоминания прошлой ночи, которую она провела на кладбище. Поздно вечером Нора совсем обезумела от тоски, а перспектива провести эту ночь в одиночестве просто сводила ее с ума.

Сперва она подумала, что нужно позвонить Илейн и Эллисон и попробовать договориться с ними о встрече. Однако, уже протянув руку к телефону, Нора вдруг подумала, что есть более подходящий вариант, который поможет ей хоть немного отвлечься от грустных мыслей. Сейчас следует не концентрировать внимание на том, что было, а подумать о том, что может быть. А в ее перспективном списке пока фигурировал только один человек — Брайан Стюарт.

Недолго думая Нора набрала номер телефона преуспевающего компьютерного магната, с которым недавно познакомилась в самолете, и заинтересовалась его планами на предстоящий вечер.

— Ничего такого, что я не мог бы отменить, — быстро ответил тот. — Дайте мне пару минут, и я все улажу. — Он действительно позвонил ей через две минуты и радостно сообщил, что никаких препятствий для встречи с Норой у него сейчас нет. — Надеюсь, вам не придется рано вставать завтра утром, — предупредил он ее со смехом, а потом изложил свои планы на этот вечер.

Коктейль в баре «Кинг коул».

Ужин в ресторане «Вонг».

А в довершение всего танцы в «Лотусе», что в районе Уэст-Виллидж.

Нора едва не задохнулась от радости. После кошмарной ночи на кладбище отдых в дорогих заведениях города был как раз кстати.

Сидя в баре «Кинг коул» за бутылкой «Перье-Жюэ», Брайан Стюарт развлекал ее веселыми историями из своего детства. Нора внимательно слушала и заразительно смеялась над его шутками. В то же самое время она не могла не отметить про себя, что в большинстве его рассказов так или иначе присутствовала семья. Нора даже могла определить по его словам, насколько он привязан к своим родным, и это невольно вызывало у нее чувство зависти. В годы ее одинокого существования, когда Нора постоянно переезжала из одной квартиры в другую, она была счастлива, когда хоть кто-то вспоминал о ее дне рождения.

Разумеется, Нора не могла рассказать об этом Брайану. На сей счет у нее была легенда о своей жизни, выдуманная от начала до конца. В соответствии с этой легендой ее отец являлся весьма удачливым архитектором, мать работала учительницей в школе, а жили они на склоне живописного холма в тихом городке Литчфилд в штате Коннектикут. И чем больше она рассказывала эту вымышленную историю, тем охотнее верила в нее сама, забывая о своем прошлом и настоящем. При этом она тешила себя надеждой, что наступит день, когда она совсем забудет о том, что ее мать застрелила ее отца.

За ужином в ресторане «Вонг» Брайан продолжал пить вино, а Нора с удовольствием поглощала коктейль «Перегрино». Они много ели, много пили, много шутили и веселились и вскоре почувствовали особое расположение друг к другу. Им было приятно вместе, и Нора стала быстро забывать о том, что поначалу нашла его похожим на Брэда Пита. Брайан оказался хорош сам по себе и не нуждался ни в каких сравнениях с другими мужчинами.

А самое главное его достоинство заключалось в том, что с ним было легко, весело и приятно, чего не скажешь про большинство других богатых мужчин, с которыми ей доводилось общаться. В основном они ужасно скучные, невероятно занудливые и чрезвычайно высокомерные. А найти богатого и одновременно веселого человека было практически невозможно. И данное обстоятельство делало знакомство Норы с Брайаном Стюартом особенно удачным.

И, как ей показалось, он считал так же.

Их отношения развивались столь хорошо, что вскоре потребность потанцевать в «Лотусе» стала казаться излишней. Нора пыталась представить его квартиру и была уверена, что это, должно быть, нечто необыкновенное — пентхауз, например, или, возможно, огромное жилище на целый этаж. Она очень надеялась, что скоро увидит место его обитания собственными глазами.

— Тебе хорошо со мной? — неожиданно спросил Брайан.

— Не то слово.

Он сдержанно улыбнулся, и ей показалось, что это была довольно грустная улыбка. Она почувствовала, что его гложет какое-то беспокойство, из-за чего он стал немного нервничать.

Нора пододвинулась к нему:

— Что случилось?

Брайан заерзал на стуле и несколько раз провел десертной ложкой по тарелке, словно пытаясь успокоить себя.

— Знаешь, Нора, я должен сказать тебе одну вещь, — осторожно начал он. — Должен сделать важное признание.

— Черт возьми, ты что, женат, что ли?

— Нет, я не женат, Нора.

— Так в чем же дело? — удивилась она.

Он стал ожесточенно работать десертной ложкой, боясь посмотреть ей в глаза.

— У меня нет не только жены, но и еще кое-чего, — тихо сказал он, а потом наконец-то положил ложку на тарелку и глубоко вздохнул. — Я хочу тебе сказать, что на самом деле я — совсем не преуспевающий производитель программного обеспечения. — Эти слова повисли в воздухе, а вслед за ними за столом воцарилась мертвая тишина. На какое-то время Нора просто потеряла дар речи и молча смотрела на его багровое лицо, которое, как она понимала, покраснело вовсе не от вина. Его неожиданное признание внезапно отрезвило их обоих. — Я говорю тебе об этом только потому, — продолжил он, — что не могу больше врать.

— А почему ты соврал мне с самого начала?

— Боялся, что ты не проявишь ко мне никакого интереса.

Нора растерянно заморгала ресницами.

— Чем же ты на самом деле занимаешься?

— Сочиняю рекламные тексты.

— А-а! Значит, ложь — это твое профессиональное качество, которым ты зарабатываешь себе на жизнь. Выходит, ты ехал в Бостон вовсе не для встречи с венчурными предпринимателями?

— Нет, я встречался там с клиентом. Фирма «Жиллетт».

Она сокрушенно покачала головой.

— Давай полностью проясним ситуацию. Ты думал, что если представишься богатым человеком, то тем самым заинтересуешь меня?

— Да, именно так.

— Или ты подумал, что это единственный вариант затащить меня в постель?

— Нет, это не так.

Она посмотрела на него с нескрываемым подозрением:

— Правда?

— Хорошо, в этом есть доля правды, — нехотя признался он. — Но потом я вдруг понял, что не могу больше врать тебе.

— А в том, что ты рассказывал весь этот вечер, есть хоть малая доля правды?

— Да, все чистая правда! — воодушевился он. — Кроме того, что я сказочно богатый и преуспевающий бизнесмен. Я очень сожалею об этом, Нора. Ты можешь простить меня?

Нора выдержала паузу, желая произвести нужное впечатление, а потом протянула руку и положила на его ладонь.

— Да, я могу простить тебя, Брайан, и действительно прощаю.

Через несколько минут, когда разговор вернулся в привычное русло и все, казалось, наладилось, она извинилась и сказала, что ей надо ни минутку отлучиться в туалет. Он находился перед входом в ресторан, и Норе не стоило большого труда незаметно выйти на улицу и остановить такси. По пути домой Нора на мгновение задумалась о том, сколько времени потребуется Брайану, чтобы догадаться, что она никогда больше не вернется к нему.

Когда Нора проходила мимо, высокая блондинка быстро отвернулась в сторону. Нора оказалась так близко, что блондинка могла без труда ощутить жар ее тела. Это был чрезвычайно опасный момент, и блондинка сейчас сильно и, конечно, неоправданно рисковала.

Она сидела за стойкой бара в ресторане «Вонг», потягивала мартини и все это время неустанно следила за Норой. Блондинка с самого начала убедилась в том, что наблюдает за самым настоящим свиданием, которое, если судить по поведению обоих, оказалось для них первым. Она не слышала их разговора, но по всему было видно, что эта пара быстро нашла общий язык. И поэтому уход Нору стал для блондинки большой неожиданностью.

Прошло несколько минут. Блондинка рассеянно покачивала в стакане вино и лихорадочно прокручивала в уме самые разнообразные варианты. Сперва она подумала, что Нора вышла позвонить и вернется через пару минут. Потом она решила, что, возможно, Нора просто вышла покурить, но от этой мысли пришлось отказаться, так как никто еще не видел Нору с сигаретой в руке.

Блондинка посмотрела на столик, за которым одиноко сидел недавний собеседник Нору и терпеливо ждал возвращения своей спутницы. «А он довольно красив, — подумала она. — И чем-то похож на...»

— Простите, — послышался над ее головой чей-то голос.

Блондинка подняла голову и увидела перед собой незнакомого человека средних лет с волосами цвета соли с перцем. Он был одет в свитер с высоким воротником, спортивного покроя куртку и источал тонкий аромат лосьона после бритья.

Она продолжала молча смотреть на него.

Он положил руку на спинку стоявшего рядом свободного стула:

— Это место занято?

— Не думаю, — процедила она сквозь зубы.

Он изобразил самодовольную ухмылку и уселся рядом.

— Трудно поверить, что рядом с такой симпатичной женщиной может быть свободное место, — сказал он, кладя локти на стойку бара и слегка наклоняясь в ее сторону. — Вы позволите угостить вас?

— Я еще свое вино не допила.

— Ничего страшного. — Он самонадеянно улыбнулся. — Я подожду. Готов ждать всю ночь, если потребуется.

Блондинка посмотрела на него, соблазнительно улыбнулась, а потом неожиданно подняла свой стакан с остатками мартини и вылила ему на голову.

— Вот теперь мой стакан пуст.

С этими словами она встала и пошла прочь, но не к выходу, а к тому столику, где все еще томился в ожидании недавний спутник Нору.

— Извините, вы ждете Нору Синклер?

Он удивленно вскинул голову и даже растерялся от неожиданности.

— А... да, да, я жду именно ее.

— Боюсь, что она не вернется к вам.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я только что своими глазами видела, как она вышла из ресторана.

Он удивился еще больше и, посмотрев через плечо на входную дверь, начал было подниматься со стула.

— Не стоит этого делать, — остановила его блондинка. — Это произошло более пяти минут назад.

Он растерянно опустил на стул:

— Не понимаю. А вы кто, ее подруга?

— Нет, я бы так не сказала, — уклончиво ответила блондинка, усаживаясь на тот самый стул, на котором совсем недавно сидела Нора. — Не будете возражать, если я задам вам несколько вопросов?

Нора поняла, что ей нужно срочно покинуть Нью-Йорк хотя бы на несколько дней. К счастью, у нее имелось место, где она могла бы укрыться от посторонних глаз.

Поначалу дорога на север по шоссе I-95 была не очень загруженной, однако через полчаса все внезапно изменилось. К югу от Бостона какой-то громадный трейлер перекрыл собой всю проезжую часть, и следовавшие за ним автомобили растянулись на несколько миль. Огромная автомобильная пробка еще раз напомнила Норе, почему она обычно предпочитает пользоваться воздушным транспортом.

Впрочем, сейчас ее это мало волновало. После той жуткой ночи на кладбище и не менее ужасного ужина с Брайаном Стюартом, который изображал Дон Жуана, не имея достаточного финансового подкрепления, Нора больше всего хотела немного отвлечься и обрести прежнюю уверенность в себе. Именно поэтому она решила воспользоваться автомобилем и потратить весь день на дорогу. Дорога всегда немного успокаивает, а в Бостоне ее ждет приятный вечер и не менее приятная ночь с любимым муженьком.

— Боже мой, я, как всегда, ужасно соскучился по тебе! — радостно воскликнул Джеффри, заключив Нору в объятия в холле своего огромного дома. Он осыпал поцелуями ее губы, щеки, шею, а потом снова возвращался к губам.

— А я испытываю страшное искушение поверить тебе, — дразнила его Нора, отвечая на поцелуи. — Мне иногда казалось, что ты успел забыть меня после своей книжной выставки в Виргинии, где тебя осаждали толпы истеричных поклонниц.

— Ну как я могу забыть о тебе? — наигранно возмущался Джеффри. — Как я могу забыть вот это, и это, и это?

— Хотелось бы верить, — ехидно заметила Нора.

Они продолжали целоваться и тискать друг друга, медленно поднимаясь вверх по лестнице, где находилась спальня. Там они быстро разделись, бросили одежду прямо на пол и, не теряя ни секунды, предались любовным утехам, которые продолжались весь остаток дня. А вечером они снова вернулись к любимому занятию. И за все это время Джеффри только один раз вышел из спальни, когда молодой парень в униформе доставил им несколько экзотических блюд из вьетнамского ресторана.

Они с удовольствием набросились на салаты и быстро разделались с цыпленком, сдобренным острым лимонным соусом, и все это время с интересом смотрели нашумевший фильм «На север через северо-запад». Нора обожала фильмы Хичкока, которого с давних пор считала самым отъявленным негодяем. К тому времени, когда Кэрри Грант спустился с горы Рашмор, Джеффри уже крепко спал.

Какое-то время Нора ждала, когда он захрапит, а потом тихонько выскользнула из постели и быстро направилась в библиотеку, которая служила хозяину дома главным рабочим местом. Там она уселась за компьютер и вскоре вышла на его оффшорные банковские счета.

Все шло прекрасно. Через несколько минут Нора, проделав ряд несложных операций, наконец-то узнала, что оставил себе Джеффри на черный день — почти шесть миллионов долларов.

Таким образом, момент истины стал гораздо ближе, чем она могла предположить ранее. Причем он приближался быстрее, чем тот надоедливый фотограф из «Нью-Йорк мэгэзин», который порывался сфотографировать их вместе для своего журнала.

Но сначала надо устранить оставшиеся на этом пути препятствия. В доме Коннора остались свободные концы, которые нужно было во что бы то ни стало завязать в тугой узел. Иначе говоря,

надо что-то сделать со страховым агентом и результатами патологоанатомов, которые они могли получить в ходе дополнительной экспертизы.

Интересно, а как бы поступил в подобной ситуации старик Альфред Хичкок? «Он определенно сделал бы из этой сцены на кладбище сногшибательный эпизод», — подумала Нора, и ее губы растянулись в зловещей ухмылке.

А бедный Турист сидел в это время в своем укрытии, изнывал от беспокойства, был чрезвычайно раздосадован и находился далеко не в лучшей форме. В городе имелось немало мест, где он мог бы укрыться от посторонних глаз, но он выбрал именно это, так как считал его наиболее безопасным и надежным временным пристанищем. Что и было ему нужно в данный момент.

Он уже прочитал утреннюю газету, закончил читать толстый роман Нелсона Демилля про Вьетнам и сейчас сидел на диване, просматривая последний номер «Спортс иллюстрейтед». Как раз в тот момент, когда он прочитал почти половину статьи про многообещающие перспективы бостонской команды «Ред сокс» на следующий год, тишину в его комнате нарушил резкий звонок в дверь.

Турист спокойно встал с дивана, взял лежавший рядом с ним пистолет «беретта» и подошел к окну. Оттянув металлические жалюзи, он увидел перед дверью дома молодого парня в форме доставщика пиццы. Тот стоял под проливным дождем в непромокаемом плаще, надвинув на глаза бейсбольную кепку. В руках у него была большая квадратная коробка, в которых обычно местный ресторан «Дом пиццы Пеппе» доставляет на дом свою продукцию. Позади него на тротуаре стояла «тойота-камри» с работающим мотором.

Турист довольно ухмыльнулся. Ужин подан.

Он сунул пистолет за спину под ремень, прикрыл его рубашкой и пошел открывать дверь. За то время, пока он здесь скрывается, сюда было доставлено более дюжины коробок с пиццей, и Турист уже досконально знал этот нехитрый ритуал.

— С колбасой и луком? — спросил парень в мокром плаще, который казался лишь ненамного старше студента колледжа. Правда, сказать о нем что-либо определенное было нельзя, поскольку высокий воротник плаща и надвинутая на глаза кепка скрывали большую часть его лица.

— Да, сколько с меня?

— Шестнадцать пятьдесят.

— Вообще говоря, — проворчал Турист себе под нос, — к этому времени я и сам должен знать, сколько это стоит. — Он сунул руку в карман брюк, но потом вспомнил, что оставил бумажник на кухне. — Подожди минутку, — сказал Турист доставщику пиццы, — я сейчас возьму свой бумажник. — Он уже повернулся, чтобы пойти за портмоне, но вдруг вспомнил, что парень все еще мокнет под дождем. — Может, ты войдешь? — предложил ему Турист.

— Спасибо, вы очень добры, — тихо сказал доставщик пиццы и вошел в прихожую.

Турист направился на кухню.

— Похоже, что там льет как из ведра, — бросил он через плечо.

— Да, в такую погоду у нас очень много работы.

— Еще бы, — согласился с ним Турист. — Зачем выходить из дома и мокнуть под дождем, когда тебе могут принести обед прямо на дом? — Через секунду Турист вернулся в прихожую с двадцатью долларами в руке. — Вот за пиццу и на чай, — великодушно сказал он. — Мы с тобой в расчете.

Парень протянул ему коробку с пиццей и взял банкноту.

— Благодарю вас, вы очень добры, — снова повторил он, широко улыбаясь и пряча деньги в карман под плащом. — Только мы еще полностью не рассчитались.

Турист инстинктивно потянулся к пистолету за спиной, но это движение оказалось слишком медленным и слишком запоздалым. В его грудь уткнулся ствол другого пистолета.

— Не двигаться! — приказал доставщик пиццы и ловким движением выхватил «беретту» из-за спины Туриста. — А сейчас руки к стене!

— Ты кто?

— Я тот самый человек, О'Хара, который заставит тебя пожалеть, что ты не заказал еду из китайского ресторана.

Турист, он же Джон О'Хара, чувствовал себя настолько глупо, что невольно вынужден был подчиниться требованиям неожиданного гостя. Он просто не мог поверить, что его надул какой-то молодой парень из пиццерии, этот щенок, молокосос.

— Хорошо, а сейчас медленно повернись ко мне лицом. — О'Хара беспрекословно выполнил этот приказ. — Так, а теперь скажи, где тот чемодан и все, что в нем находится? — спросил парень, не спуская с него глаз. — Где она?

— Не знаю, честное слово.

— Перестань молотить чушь!

— Эй, послушай, я говорю правду! — возмутился О'Хара. — Я отдал его сразу же после того, как принес в условленное место. Это было в одном из гаражей Нью-Йорка.

Доставщик из пиццерии приставил ствол пистолета ко лбу О'Хары:

— В таком случае нам просто не о чем больше говорить.

— Если ты убьешь меня, то и сам станешь трупом в течение двадцати четырех часов, — отчаянно возразил О'Хара. — Здесь такие дела, браток, что тебе от этого не уйти.

— Не думаю, — усмехнулся доставщик пиццы и еще сильнее надавил пистолетом в лоб О'Хары.

Тот попытался прочесть в глазах этого парня его дальнейшие намерения, и то, что он увидел — холодный отблеск жестокости и равнодушие, — повергло его в уныние. По всей видимости, этот парень работал на первоначального продавца той дискеты. Впрочем, может быть, он и был тем самым продавцом.

— Ладно, ладно, остынь, — попытался успокоить его О'Хара, — я знаю, где нужна тебе дискета.

— Где?

— Она здесь, у меня. Я хранил ее все это время.

— Покажи.

О'Хара повел его в спальню, куда доносились слабые звуки стереофонической музыки из соседнего дома. Он даже подумал о том, не позвать ли ему на помощь, но потом оставил эту мысль.

— Под кроватью, — сказал он парню. — Я сейчас достану ее. Эта дискета в моей кожаной сумке.

— Нет, ты стой там, где стоишь, и не дергайся, — строго предупредил парень. — Я сам полезу туда.

Доставщик пиццерии наклонился над кроватью и действительно увидел там большую черную спортивную сумку.

— Надеюсь, ты не знаешь, что там записано? — спросил он с едкой ухмылкой.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что если бы ты знал об этом, то не стал бы сидеть в такой лачуге. — А теперь полезай под кровать и вытащи сумку, — приказал пиццерийщик. — Но только медленно и без шуток.

— А ты сам какое имеешь отношение ко всему этому? — с нарочитой небрежностью спросил О'Хара. — Ты продавец? Или просто еще один посредник в этой операции?

— Хватит болтать, пошевеливайся! — огрызнулся парень. — Посредник, если тебя это очень интересует. Как, впрочем, и мой друг, которого ты застрелил на привокзальной площади. Он был для меня как родной брат. — О'Хара промолчал, а потом опустился на пол и полез под

кровать. — Одну руку держи на затылке, — приказал парень из пиццерии.

— Как скажешь, — согласился О'Хара и протянул правую руку по направлению к сумке, а левую положил на затылок. Ему было очень нелегко, но он все же дотянулся до сумки, ощущая под ребрами ствол пистолета.

— Ну что, ты достал ее? — осведомился доставщик пиццы, тыча пистолет ему под бок. — Только не вздумай дергаться.

— Да, достал, — недовольно проворчал О'Хара, — успокойся. Мы же оба профессионалы, не так ли?

— Да, по крайней мере один из нас, — ухмыльнулся пиццерийщик.

В этот момент О'Хара вынул руку из-под кровати и дважды выстрелил парню в грудь. Тот замертво рухнул на пол.

О'Хара быстро вылез из-под кровати и ловким движением руки ощупал внутренние карманы налетчика. Как он и ожидал, документов при нем не было. Не оказалось даже бумажника.

Он пошел на кухню, снял трубку и быстро набрал номер телефона соответствующей организации. Эти парни знают, что нужно делать в таких случаях. Они быстро приедут, уберут тело и даже очистят от крови ковер. А пока можно немного перекусить.

Он открыл коробку с пиццей и жадно вцепился в нее зубами. «Первый кусок всегда самый вкусный», — подумал О'Хара, тщательно пережевывая пиццу. Только после этого в его затуманенном сознании стали возникать вопросы, на которые нужно было хоть как-то ответить. Кто послал этого парня в форме доставщика пиццы? Кто знал о местонахождении Туриста? Кто хотел убить его и завладеть важной информацией?

И наконец, самый важный вопрос: как он может использовать эту ситуацию в будущем? Разумеется, для своей же пользы.

Конечно, возникает еще один неизбежный вопрос: есть ли у него это самое будущее?

— Ну и чем ты сейчас занимаешься, О'Хара?

— Да так, разными вещами, — уклончиво ответил я. — Ты же знаешь меня, Сьюзен, я всегда нахожу для себя работу. Кстати, что показала последняя экспертиза причин смерти покойного Коннора Брауна?

После двух дней ожидания в своей временной квартире сегодня вечером я наконец-то дождался от Сьюзен звонка. Как раз сегодня на ее стол лег отчет о результатах повторного анализа причин смерти Коннора Брауна. Сьюзен сразу же огорошила меня сообщением, что более тщательное исследование дало практически те же результаты, что и предыдущее. Браун умер от сердечного приступа, и никаких посторонних воздействий при этом не обнаружено. Ничего. Пусто. Ноль.

— А они нашли что-нибудь такое, чего не заметили во время первого вскрытия? — поинтересовался я.

— Только очень запущенную язву. Разумеется, в этом нет ничего удивительного, учитывая, что Коннор работал в сфере финансов и умер от сердечного приступа в возрасте сорока лет.

— Да уж, действительно. И больше ничего?

— Ты имеешь в виду повреждения, которые образовались в результате падения трупа в яму? — язвительно спросила она.

— Черт возьми, это тебе доложил тот патологоанатом из лаборатории?

— Нет, это сделал тот самый коп, которого до сих пор наизнанку выворачивает благодаря тебе.

Я улыбнулся, оживив в памяти ту незабываемую картину.

— Возникла трудная ситуация, и кто-то должен был помочь рабочим.

— Разумеется, кто-то посторонний, а не ты сам?

— Послушай, этот кретин оскорбил меня своим равнодушием к моим шуткам.

— Все ясно.

— Итак, я полагаю, настало время позвонить Норе.

— Я уже думала об этом. Может, тебе стоит немного приврать насчет результатов повторного исследования и посмотреть, не начнет ли она паниковать.

— Если бы это был кто-нибудь другой, я бы согласился, но мы имеем дело с Норой. Такого рода информация вызовет у нее серьезные подозрения, а то и заставит залечь на дно.

— Ты уверен в этом?

— Во всяком случае, она станет более доверчивой и покладистой, если узнает, что у нее все идет превосходно.

— И она будет уверена в том, что денежки плывут к ней?

— Конечно. Пусть думает, что скоро она станет богаче на один и девять десятых миллиона.

— Тогда я тоже буду чувствовать себя превосходно.

— Мы оба будем наслаждаться этим чувством.

— Стало быть, тебе надо ускорить работу, — посоветовала Сьюзен. — Как говорится в таких случаях: на идущий по почте чек можно купить только время.

— Для меня это не проблема. Крейг Рейнолдс уже успел неплохо поладить с ней, а сейчас, когда она узнает от него такую приятную новость, все будет намного проще.

— Только не забывай одну вещь, — предупредила меня Сьюзен, у которой в запасе всегда была еще «одна вещь».

— Что именно? Откуда у тебя сегодня еще «одна вещь»?

— Пока ты будешь всеми силами усыплять ее бдительность, постарайся не переусердствовать и не утратить свою.

Я решил не терять ни минуты и, как только закончил говорить со Сьюзен, сразу же набрал номер мобильного телефона Нора. Она не ответила, и тогда я оставил ей сообщение, в котором не преминул упомянуть о хорошей новости.

Нора, по всей видимости, тоже решила не терять ни минуты и тотчас же перезвонила мне.

— Я готова выслушать хорошую новость, — сказала она вместо приветствия. — Это имеет отношение к... — Ее голос неожиданно дрогнул и затих.

— Да, речь идет о результатах повторного вскрытия, — спокойно сказал я и выдержал паузу. — Не знаю, может быть, словосочетание «хорошая новость» не совсем подходит для данного момента, но, полагаю, вам будет приятно узнать, что эти результаты полностью подтвердили заключение первого вскрытия. — Нора надолго замолчала. — Нора, вы слушаете меня?

— Да, слушаю, — тихо сказала она и снова на некоторое время умолкла. — Да, вы правы, «хорошая новость» — это не слишком подходящее словосочетание для описания всего того ужаса, который я пережила в последнее время.

— А как насчет чувства облегчения?

— Пожалуй, это звучит более точно, — ответила она срывающимся голосом. — Теперь Коннор может упокоиться с миром, — добавила она и тихо заплакала.

Я не мог не признать, что Нора сделала это с величайшим мастерством и неподдельной искренностью. После нескольких всхлипываний Нора попросила прощения за минутную слабость.

— Не стоит извиняться, — успокоил я ее. — Я знаю, как тяжело вам переносить столь тяжелую утрату. Впрочем, может быть, и не знаю до конца.

— Просто я до сих пор не могу выбросить из головы ужасную мысль о том, что тело несчастного Коннора было снова подвергнуто такому тяжкому испытанию.

— Да, для меня это тоже стало самым неприятным испытанием за всю мою карьеру.

— Вы хотите сказать, что присутствовали при эксгумации?

Правда делает человека свободным.

— Да, присутствовал.

— А как насчет того парня, который устроил весь этот кошмар?

— Вы имеете в виду психопата О'Хару?

— Да, чутье подсказывает мне, что он получает огромное удовольствие от подобных акций.

— Возможно, — задумчиво сказал я и тут же добавил: — Но он все еще отсиживается в Чикаго. Если между нами, то он не из тех людей, кто готов марать свои руки при каждом удобном случае. А хорошая новость — думаю, теперь мы все же имеем право использовать именно эти слова — заключается в том, что О'Хара наконец-то решил закончить свое расследование и закрыть дело.

— Значит, если я правильно вас поняла, он уже избавился от подозрений?

— Нет, вряд ли он избавился от них до конца. Думаю, он по-прежнему будет подозревать всех, кто попадет в его поле зрения, однако в данном случае, как мне кажется, он принял факты такими, какие они есть на самом деле. А это значит, что компания «Сентениан уан» готова выполнять все свои обязательства и выплатить вам один миллион девятьсот тысяч долларов и ни на цент меньше.

— Когда это произойдет?

— Знаете, здесь есть некоторые формальности, бумаги и все такое, но думаю, что смогу

сообщить вам более точно примерно через неделю. Надеюсь, это нормально для вас?

— Более чем нормально. А что я должна сделать за это время? Заполнить какие-то бумаги?

— Да, вы должны подписать специальную форму на получение денег, но это можно сделать даже после того, как вы получите их на руки. Но есть еще одно дело, которое вам придется совершить.

— Что еще за дело? — насторожилась она.

— Нора, позвольте мне пригласить вас на ужин. Думаю, это самое малое, что я могу для вас сделать за все те неприятности, которые я вам причинил.

— Ну, в такой жертве с вашей стороны нет никакой необходимости. Кроме того, все эти неприятности причинили мне не вы, а другие люди. А вы были очень добры ко мне. Я серьезно, Крейг.

— Знаете, вы, наверное, правы, — сказал я со смехом. — И все же, если бы вы назвали хоть какое-то приличное блюдо, которое я могу заказать для вас за счет фирмы, это было бы прекрасно.

— Да будет так, — согласилась она и тоже рассмеялась. Смех этот был непринужденным, подчеркивающим ее облегчение и беззаботность.

Мне он показался добрым знаком, свидетельством того, что ее настороженность скоро исчезнет.

В полдень Сьюзен вошла в ресторан «Анджело» — один из старейших и самых популярных в районе Маленькой Италии и к тому же расположенный неподалеку от здания ФБР. Доктор Доналд Маркюз уже ждал ее за столиком в самом дальнем конце зала.

— Сьюзен, какая честь для меня! — обрадовался он. — Даже представить себе не могу, что вытащил тебя из твоего офиса.

Сьюзен мило улыбнулась. Доналд Маркюз всегда знал, как с помощью незатейливого юмора сделать так, чтобы она чувствовала себя в своей тарелке. Он был специалистом в области криминальной психиатрии и часто работал на ФБР, и она иногда встречалась с ним в течение полугода после распада семьи.

— Кстати сказать, у тебя прекрасная прическа, — сказал он, глядя на ее короткую стрижку. Она недавно стала красить волосы в коричневый цвет, который заметно старил ее, делал какой-то уж слишком солидной.

— Это исключительно в целях получения дополнительной информации, — отшутилась она. — Вообще говоря, мне на подобные замечания наплевать, но разве в наши дни они не называются сексистскими?

Доктор недоуменно пожал плечами.

— У меня есть своя теория по данному поводу. Если женщины могут предъявлять какие-то претензии на этот счет, то, стало быть, подобное право должно быть и у мужчин. Правда, я не уверен, что моя теория выдержит испытание конкретными примерами.

— Думаю, что нет, — улыбнулась Сьюзен. — Она слишком логична.

Они заказали себе обед, немного поговорили о текущих делах, вспомнили последние модные веяния в Нью-Йорке, а потом Сьюзен обеспокоенно посмотрела на часы.

— Может быть, хватит пустой болтовни? — угадал ее мысли Маркюз с неизменной улыбкой на губах. — Что на самом деле привело тебя сюда?

В течение нескольких минут Сьюзен рассказала психиатру почти все, что знала о темной стороне деятельности Норы Синклер, а потом попросила его заполнить по возможности все белые пятна, которые остались в ее биографии. Иначе говоря, она хотела знать, что могло подтолкнуть Нору на серийные убийства и иметь наброски ее психологического портрета.

По обыкновению, Сьюзен тщательно конспектировала все, что говорил ей доктор Маркюз. После этого разговора она самым тщательным образом изучит эти записи и, возможно, поделится своими выводами с О'Харой.

Согласно теории Маркюза, Нора Синклер могла относиться к категории так называемых черных вдов, которые систематически убивают своих мужей, возлюбленных и просто сексуальных партнеров, но делают это не ради денег или иной выгоды, а исключительно по каким-то моральным соображениям, придуманным самими убийцами.

Но скорее всего, по словам Маркюза, Нора Синклер относится к другой группе серийных убийц — которые совершают свои преступления ради материальной выгоды. Для таких женщин любое убийство — просто своеобразный бизнес, не более того, а главным мотивом всегда является определенный доход.

— Почти все серийные убийцы женского пола убивают людей ради денег, — заключил доктор Маркюз со знанием дела.

Далее он рассказал Сьюзен о том, что Нора, по всей видимости, считает, будто мужчины не заслуживают доверия. Не исключено, что когда-то она подверглась насилию с их стороны, но еще более вероятно, что нечто подобное испытала ее мать, а дочь все это видела собственными

глазами, и в ее душе зародился страх перед подобным унижением.

— Может быть, Нора подверглась насилию в детские годы, — продолжал доктор Маркюз. — Во всяком случае, именно к такому выводу пришли бы мои многочисленные коллеги. Что же до меня лично, то я вовсе не склонен доверять столь простым ответам на сложные проблемы. — Доктор Маркюз наконец-то закончил свою речь и выжидающе посмотрел на Сьюзен. — Похоже, эта женщина достала тебя своими выходками. Раньше у тебя не было пристрастия к серийным убийцам.

Сьюзен оторвалась от блокнота и посмотрела на доктора.

— Она очень опасна, Доналд. Мне плевать, кто там насильничал ее в детстве, но сейчас она красива, обаятельна и достаточно жестока, чтобы хладнокровно убивать ни в чем не повинных людей. И к тому же явно не собирается останавливаться на достигнутом.

Телефон в Уэстчестере зазвонил на следующее утро часов в семь. Нора быстро взяла трубку, думая, что это звонит Крейг, чтобы окончательно договориться о предстоящем ужине в ресторане.

Однако она ошиблась.

— Нора, это вы?

— Да, а кто это?

— Элизабет, — послышался ответ. — Элизабет Браун.

Черт возьми! Сестра Коннора звонила из Санта-Барбары, и Нору охватило дурное предчувствие из-за того, что не узнала ее голос. А ведь Нора была гостьей в доме Элизабет.

Однако ее обеспокоенность длилась недолго. Элизабет была вполне деликатной, а ее мягкий вкрадчивый голос подсказывал, что ничего страшного сообщить Норе она не может.

— Я все последнее время почему-то волновалась за вас, — слащавым голосом произнесла она в трубку. — У вас все в порядке?

Нора ехидно ухмыльнулась:

— Да, Элизабет, все нормально, спасибо. Я признательна вам за то, что вас интересует моя судьба. Знаете, поначалу я чувствовала себя очень одиноко в этом огромном доме, но сейчас все нормально. Кстати сказать, я не собираюсь более злоупотреблять вашим гостеприимством. А реализацией мебели я уже занялась.

— О, я надеюсь, вы не считаете, что я позвонила именно из-за этого, — пролепетала она. — Пожалуйста, выбросьте все из головы и не думайте, что мне что-то надо от вас.

— Правда?

— Конечно, — быстро ответила Элизабет. — Кроме того, у меня сейчас все равно нет времени, чтобы вплотную заняться продажей дома, даже если бы я хотела этого.

— Значит, вы слишком заняты на работе?

— Да, сейчас по моему проекту сооружаются два дома и еще один проект готовится к сдаче.

— Значит, вы приближаетесь к вершинам творческого успеха?

— Хотелось бы надеяться на это, — грустно вздохнула Элизабет. — Однако на самом деле я просто делаю давно известные вещи, а на более серьезные исследования у меня просто нет времени. Впрочем, возможно, это самый лучший способ сохранить спокойствие и подумать о моем бедном брате Конноре.

— Понятно, — протянула Нора. — Я сама недавно взяла себе еще трех клиентов, хотя не знаю, как удастся справиться с таким объемом дополнительной работы.

В течение нескольких минут они беззаботно болтали о своих делах, причем разговор был абсолютно дружеским и непринужденным, а все слова лились свободно и вполне искренно.

— Знаешь, меня постоянно гложет чувство стыда, — неожиданно сказала Элизабет.

— Из-за чего?

— Из-за тех обстоятельств, которые вынудили нас познакомиться друг с другом. А ведь на самом деле между нами так много общего.

— Да, ты права, мы действительно очень похожи.

— Может быть, твои поездки рано или поздно приведут тебя в наши края, и тогда мы могли бы поужинать вместе и поболтать о том о сем. Или я приеду в Нью-Йорк.

— Это было бы здорово, — согласилась Нора. — Мы могли бы договориться о встрече.

«Но только в твоих мечтах, Лиззи».

За несколько минут до половины первого я подъехал к дому Коннора Брауна. Именно так я называл его все это время — дом Коннора Брауна. Не успел я остановиться, как из дома вышла Нора и направилась ко мне.

Она была одета в легкое летнее платье без рукавов с большими красными и зелеными цветами. Оно подчеркивало красоту ее загорелого тела, а уж о ногах и говорить нечего. Нора сразу же уселась в мою машину и игриво заявила, что ужасно проголодалась.

— Значит, здесь два умирающих от голода человека, — заключил я.

Мы направились в небольшой город Чаппакуа, где остановились возле ресторана «Королевский сад». Разумеется, это было не слишком шикарное заведение, но его деревянный интерьер в сочетании с белыми скатертями на столиках придавал ему вид вполне достойного загородного ресторана. Мы заняли столик на двоих в самом дальнем конце зала.

Зал оказался заполнен местными бизнесменами и скучающими женщинами, занятыми своим традиционным ленчем. Поскольку я был одет как бизнесмен, а Нора — как скучающая женщина, мы прекрасно дополняли обе половины завсегдатаев ресторана. Правда, Нора оказалась настолько привлекательнее остальных женщин, что почти все мужчины повернули головы в ее сторону, когда мы вошли в зал.

Официант не заставил себя долго ждать.

— Принести вам что-нибудь выпить? — сразу же предложил он.

Нора наклонилась ко мне через стол:

— Вы не станете возражать, если мы закажем немного, вина?

— Ну, это будет зависеть от его количества, — ответил я, хитро улыбаясь в ответ. А когда получил взамен ее очаровательную улыбку, сразу же добавил: — Нет, конечно, я не стану нарушать общепринятых правил.

— Прекрасно, — сказала она и протянула мне винную карту.

— Нет, этот выбор должен быть за вами, — учтиво отказался я.

— Ну, если вы настаиваете.

— Вы хотите немного подумать? — деликатно спросил официант.

— Нет, в этом нет необходимости, — спокойноотреагировала Нора. Она пододвинула к себе карту и быстро пробежала взглядом ассортимент. Ее палец остановился где-то посреди длинного списка. — «Шатонеф-дю-Пап», — торжественно объявила она, а я мгновенно прикинул, что на выбор вина у нее ушло не более шести секунд.

— Женщина, которая знает, чего хочет от жизни, — констатировал я, когда официант удалился от нас.

Нора пожала плечами:

— По крайней мере в отношении вина.

— Я подразумевал более общие устремления.

Она с любопытством посмотрела на меня:

— Что вы имеете в виду?

— К примеру, вашу карьеру. У меня сложилось впечатление, что вы с раннего детства уже знали, что станете декоратором.

— Это не так.

— Вы хотите сказать, что не меняли то и дело обстановку в своей детской комнате?

Нора весело рассмеялась, давая понять, что ей нравится этот непринужденный разговор.

— Ну ладно, вы правы. — И она тут же перевела стрелки на меня: — А как вы сами? Вы

тоже с детства знали, чем хотите заняться в этой жизни?

— Нет, я просто продавал лимонад и никогда не мечтал стать страховым агентом.

— Именно потому я и задала вам этот вопрос, — заметила Нора. — Поймите меня правильно, но по отношению к вам у меня сложилось совсем противоположное мнение. Мне почему-то кажется, что вы должны заниматься совсем другими делами.

— Какими именно? Можете привести пример? Мне вообще очень интересно, Нора, каким вы видите меня. Чем я должен заниматься, по вашему мнению?

— Не знаю. Чем-то...

— Более интересным?

— Я не это имела в виду..

— Нет, именно это, — прервал я ее. — И я нормально отношусь к вашему мнению. Вы меня ничуть не обидели.

— И не стоит обижаться, — быстро сказала она. — Если честно, то вы могли бы счесть это за комплимент.

Я громко засмеялся:

— А теперь вы пытаетесь просто-напросто отшутиться.

— Нет, я вполне серьезно. В вас есть какая-то внутренняя сила, убежденность в своей правоте, можно сказать. Кроме того, вы довольно веселый человек.

Подошедший в этот момент официант с нашим вином избавил меня от необходимости быстро найти ответ на ее замечание. Пока он откупоривал бутылку, мы с Норой обменялись многозначительными взглядами. Мне стало интересно, не заигрывает ли она со мной?

Официант налил нам вина. Нора сделала глоток и блаженно закрыла глаза. Вино явно было в ее вкусе. А когда официант ушел, Нора предложила неожиданный тост:

— За Крейга Рейнолдса, который в течение всего этого сурового испытания был невероятно добр и великодушен ко мне.

Я скромно поблагодарил ее, и мы чокнулись бокалами, не спуская друг с друга глаз.

Я даже представить себе не мог, что для меня в этот момент началось самое что ни на есть испытание.

Посетители в деловых костюмах вскоре покинули ресторан, а вслед за ними ушли и беззаботные женщины, пришедшие перекусить. Из всех, кто появился здесь в обеденное время, остались лишь два человека — Нора и я. На нашем столике уже побывали французские салаты, жареный лосось и множество других вкусных блюд, которые мы поглощали с беззаботностью никуда не спешащих людей. И все это мы запивали прекрасным французским вином «Шатоннеф-дю-Пап», третья бутылка которого была уже почти пустой.

Должен сразу признаться, что такое количество вина вовсе не входило в мои планы, тем более в обеденное время. Но, как только мы приступили к трапезе, все мои планы полетели вверх тормашками, и их пришлось срочно менять. В конце концов, алкоголь играет роль сыворотки правды. Действительно, как можно узнать хоть что-нибудь из тайной жизни Норы Синклер? Только под воздействием этой сыворотки. Чем дольше мы болтали с ней, тем больше было у меня шансов узнать о ней нечто интересное. И эту нехитрую мысль я повторял себе множество раз.

Но в конце концов я обратил внимание на официантов, которые усердно наводили порядок, вытирали столы и готовились к ужину. Возле стойки бара лениво подметал пол парень, который обычно провожал посетителей к автобусной остановке. Я повернулся к Норе:

— Знаете, существует грань между спешкой и медлительностью. Мне кажется, мы уже давно перешли ее.

Она огляделась вокруг, словно пытаясь понять, что я имею в виду.

— Да, вы правы, — сказала Нора, смущенно улыбаясь. — Думаю, нам лучше убраться отсюда, пока этот парень не выдворил нас взащей своей огромной метлой.

Я подозвал рукой заждавшегося официанта, который облегченно вздохнул и опрометью подскочил к нам. Я расплатился с ним и оставил при этом тридцать процентов чаевых, надеясь в душе, что полностью компенсировал ему все неудобства, связанные с нашим весьма затянувшимся обедом. Я чувствовал себя изрядно подвыпившим и ожидал такого же эффекта от Норы, которая была намного стройнее и изящнее, чем я. Однако она держалась молодцом.

— Почему бы нам не прогуляться немного? — предложил я, когда мы вышли на улицу.

Она поддержала меня, чему я несказанно обрадовался. Одно дело — пить на работе и совсем другое — садиться за руль машины в таком состоянии. Я знал, что небольшая прогулка на свежем воздухе пойдет мне на пользу.

— Может быть, мы увидим здесь Клинтонов? — неожиданно заявила Нора. — Они живут как раз на этой улице.

Но меня не вдохновила такая перспектива. Мы медленно шли по тротуару вдоль небольших магазинов и складских помещений. Увидев в витрине одного из магазинов под названием «Серебряная игла» красивую вышивку, я остановился и задумался.

— Это напомнило мне о моей матери, — сказал я после небольшой паузы. — Она до сих пор любит вышивать и вязать.

— А что именно она предпочитает вязать? — деликатно спросила Нора, которая, к моему удивлению, оказалась очень хорошей слушательницей. Мне почему-то казалось, что она может слушать только себя.

— Самые обычные вещи — шарфы, свитера, кофты. Я часто вспоминаю один рождественский вечер, когда я учился в старших классах школы. Она связала два свитера — красный и голубой — и подарила мне на Рождество.

— Очень мило с ее стороны.

— Да, но вы не знаете моей матери, — сказал я и высоко поднял вверх палец. — На рождественский ужин я решил надеть красный свитер, и знаете, что она мне сказала? «Почему ты надел этот свитер? Тебе не нравится голубой?»

Нора шутливо толкнула меня в плечо:

— Вы все это придумали?

Да, она угадала.

— Нет, это чистая правда, — ответил я, и мы пошли дальше. — А чем занимается ваша мать? Она любит вязать?

Нора нервно поежилась и опустила глаза.

— Моя мать... Она умерла несколько лет назад.

— Простите.

— Ничего. Она была очень добра ко мне.

Мы продолжали идти, но уже в полном молчании.

Я сокрушенно покачал головой:

— Видите, что я наделал?

— Что?

— Мы прекрасно проводили время, но я все испортил.

— Какая глупость! — отмахнулась Нора. — Все по-прежнему прекрасно, и вы ничего не испортили. Скажу вам откровенно, что сегодня — самые лучшие часы в моей жизни за последние годы. У меня давно уже не было такого настроения.

— Вы говорите это, чтобы сгладить неловкую ситуацию.

— Ничего подобного! — решительно возразила она. — Именно вы подняли мне настроение хорошей новостью и приятной беседой. Надеюсь, вы можете себе представить, что последние пару недель были для меня настоящим кошмаром. А потом вдруг появились вы, и все наладилось.

— Да, за исключением того момента, когда я чуть было не сделал этот кошмар еще более невыносимым.

— Да, но только поначалу. А потом оказалось, что ваше появление отразилось на мне самым благоприятным образом.

Я постарался не заметить легкой иронии в ее последних словах, тем более что именно в этот момент мы остановились на довольно оживленном перекрестке в ожидании зеленого света. Вечернее солнце уже почти полностью скрылось за высокими деревьями, и повеяло долгожданной прохладой. Нора скрестила руки на груди и даже слегка поежилась. И вдруг она показалась мне совершенно беззащитной.

— Возьмите, — неожиданно для себя предложил я и набросил на ее плечи свой пиджак.

Нора благодарно посмотрела на меня, и в этот момент наши руки на мгновение соприкоснулись. Загорелся разрешающий знак светофора, но мы продолжали стоять на тротуаре как вкопанные, глядя друг на друга.

— Мне очень хочется, чтобы этот вечер никогда не кончался, — тихо сказала она и, наклонившись ко мне, перешла на шепот: — Давайте пойдём куда-нибудь.

Не нужно быть Джакомо Казановой, чтобы понять, что она имела в виду, говоря — «давайте пойдём куда-нибудь». Ясно, что Нора имела в виду не чашечку кофе в каком-нибудь кафе, чтобы освежить наши головы.

Нет, с этим все было понятно, и только одна вещь беспокоила меня в этот момент: как должен поступить Джонни О'Хара?

В течение всего вечера я с удовольствием отдавался легкому флирту, нисколько не задумываясь о возможных последствиях. Собственно говоря, этот флирт изначально был частью моего плана. Однако сейчас наши отношения стали уж слишком теплыми, а флирт неожиданно обрел опасные для меня формы.

Могла ли она по-настоящему увлечься мной? Разумеется, Нора видела перед собой не меня, а Крейга Рейнолдса, страхового агента. Может быть, причиной ее увлечения стало большое количество выпитого вина. А может, за ее предложением стояло нечто большее, нечто такое, чего я в данный момент просто не видел. Ясно было только то, что причиной такого ее поведения могло быть что угодно, но только не деньги. Она прекрасно знала, что статус страхового агента не дает никакой возможности признать меня богатым человеком. Даже самые преуспевающие люди в страховом бизнесе не могли сравниться с Коннором Брауном — финансовым магнатом и управляющим огромным фондом. Кроме того, Нора видела, где я живу под именем Крейга, видела мой «БМВ» далеко не последней марки и мои костюмы, в которые я вырядился перед встречей с ней. И тем не менее она сделала столь неожиданное предложение, на которое теперь надо дать достойный ответ.

«Давайте пойдём куда-нибудь».

Какое-то время я стоял молча на пересечении главных улиц в самом центре городка Чиппакуа, уставившись в ее зеленые глаза и лихорадочно соображая, что делать дальше. В моей душе тоже имелся перекресток, от которого можно было направиться в любую сторону.

— Идите за мной, — наконец-то решился я, и мы пошли назад к ресторану, где я оставил свою машину. Подойдя к ней, я открыл для Норы дверцу и жестом пригласил на место рядом с водителем.

— Куда вы собираетесь везти меня? — поинтересовалась она.

— Увидите.

Я обошел вокруг «БМВ», сел за руль, мы пристегнулись ремнями безопасности, и я медленно тронулся с места, поглядывая в зеркало заднего обзора, чтобы не столкнуться с другой машиной на парковке. Вскоре мы выехали на дорогу, и я прибавил скорость.

Только через миллю или около того Нора догадалась, куда мы едем.

— Вы везете меня домой? — удивилась она.

Я медленно кивнул и повернулся к ней:

— Очень сожалею об этом.

— Я тоже, хотя вы, конечно, правы. Это все от вина. Мне даже неловко как-то.

Всем своим видом и голосом я давал ей понять, что это решение пришло ко мне легко, как нечто само собой разумеющееся, однако дело обстояло не совсем так. Нора была очень красивой женщиной, и мысль о том, что она сделала мне столь странное предложение, бередила душу, пробуждая совершенно естественные желания. Мне пришлось напрячь всю свою недюжинную силу воли, чтобы напомнить себе, зачем и почему я оказался с ней в этот чудный вечер.

Было бы глупо полагать, что между нами может возникнуть какое-то серьезное чувство. До сих пор я твердо считал, что Нора готова на что угодно, но только не на искренние и глубокие отношения. Но сейчас от моей прежней уверенности не осталось и следа.

Мы проделали остаток пути в полном молчании, и вскоре я повернул к дому Коннора. За все это время я только один раз посмотрел в ее сторону и мгновенно заметил, что подол ее платья задрался, обнажив изящные загорелые ноги. Они завораживали меня своей невыразимой красотой и напоминали о том, чего я лишаясь по собственной воле.

Я вырулил на площадку перед домом и остановил машину. Только здесь Нора решила снять меня с крючка и оставить в покое.

— Я все понимаю, — тихо сказала она. — Вероятно, это был бы не лучший поступок для нас обоих. При данных обстоятельствах он выглядел бы довольно странно, если не сказать предосудительно.

— Вот именно.

— Спасибо за ужин, — грустно улыбнулась она. — И за чудесный вечер.

С этими словами Нора резко наклонилась ко мне и поцеловала в щеку. Я мгновенно ощутил прикосновение ее мягких волос, почувствовал приятный запах ее дорогого парфюма, в котором отчетливо выделялся запах цитрусовых.

— Я... гм... — начал было я, но неожиданно закашлялся. — Я позвоню вам, когда будут готовы все бумаги, необходимые для получения страховки.

— Хорошо, Крейг. Вы очень добры ко мне, а сегодня были просто великолепны.

Нора вышла из машины и медленно направилась вверх по ступенькам крыльца. «Неужели навсегда?» — мелькнула у меня грустная мысль. Я молча наблюдал за тем, как она вынула из сумочки ключи, стала неторопливо отпирать парадную дверь. На какое-то мгновение я отвернулся в сторону, чтобы настроить радиоприемник на нужную частоту, а когда посмотрел на дом, то увидел, что Нора все еще возится с замком.

Я опустил стекло:

— Что случилось?

Она повернулась ко мне и грустно покачала головой.

— Этот чертов ключ почему-то застрял в замке. Мне сегодня явно не везет.

— Подождите минутку.

Я вышел из машины, подошел к двери и увидел, что ключ действительно торчит наполовину из замка. Однако он не застрял в нем, а легко вошел внутрь, как только я повернул его. Повернувшись назад с торжествующим видом, я вдруг увидел, что Нора стоит в нескольких дюймах от меня.

— Ты мой герой, — тихо сказала она и неожиданно прижалась ко мне всем телом. Я ощутил ее сильные ноги, слегка выпуклый живот и упругую грудь. И все это излучало жар, противостоять которому просто не было сил. Она обняла меня за шею, пригнула к себе и стала нежно целовать мою нижнюю губу. — Я сказала неправду, — прошептала она. — На самом деле я не думаю, что это была плохая идея.

И тут вся моя сила воли оказалась во власти инстинкта.

Я поцеловал ее в ответ.

Мы единой волной ввалились в прихожую, сметая все на своем пути. Я толкнул ногой дверь, и она с шумом захлопнулась. «Что же ты делаешь, О'Хара?»

Еще было время остановиться, одуматься, уйти из этого дома. Для этого следовало сделать только одно — перестать целовать Нору. Но я уже не мог остановиться. Она была такой теплой, такой мягкой в моих руках. Ее тело и волосы источали приятный запах, а сверкающие зеленые глаза оказались так близко от меня.

Нора взяла мою руку, прижала ее к своим ногам, а потом начала поднимать ее вверх по внутренней стороне бедер. Ее дыхание стало прерывистым, а когда мои пальцы коснулись шелковистой ткани узких трусиков, она еще сильнее прижалась ко мне и начала ритмично покачивать бедрами в такт движениям моей руки. Раздались звуки, напоминающие стон. Мне показалось, что этот стон был настоящим, искренним. Ну зачем ей обманывать меня?

Через минуту на пол упала моя рубашка, а вслед за ней полетели брюки. Мы перестали целоваться только на минутку, пока Нора снимала через голову платье.

— Трахни меня, — тихо сказала она прерывистым голосом. Но эти грубые слова в ее устах прозвучали на редкость сексуально и неотразимо.

Нора повалила меня на пол и уселась сверху, широко расставив ноги. Еще мгновение, и она умело направила меня в свою плоть. Даже в пылу безудержной страсти я не мог не отметить забавную вещь: «Она трахнула тебя, О'Хара».

Это было незабываемое мгновение. Все кружилось у меня перед глазами, и даже комната поплыла куда-то вверх. Впрочем, это была не комната, а огромный мраморный холл дома Коннора Брауна, того самого Коннора, которого Нора, по всей видимости, отправила на тот свет. Более нелепую ситуацию даже трудно себе представить.

Надо что-то придумать. Но все мысли путались в затуманенной голове, а потом рядом со мной вдруг прозвенел звонок. Мне хватило доли секунды, чтобы сообразить, что это мой мобильный телефон. Боже мой, я сразу же догадался — звонит Сьюзен! Она решила проверить, как у меня дела, и попала в самую точку.

— И не думай даже брать его, — предупредила меня Нора, не останавливаясь ни на секунду.

Это предупреждение показалось мне излишним, так как ничего подобного у меня и в мыслях не было. Звонки прекратились в тот самый момент, когда мы уже почти достигли высшего блаженства. Мы двигались ритмично, словно давно знали друг друга. Сначала Нора была на мне, потом она ловко переместилась под меня, после этого она встала на колени, изогнув гибкую спину. Наконец огромное помещение холла огласилось нашими синхронными криками, известившими, что мы оба достигли оргазма.

В течение пары минут, если не больше, мы молча лежали на спине, уставившись в мраморный потолок, стараясь хоть немного прийти в себя.

Наконец я повернул к ней голову:

— Значит, ключ застрял в двери?

— Ну ты же сам открыл ее, разве не так?

Я неожиданно для себя громко расхохотался. Нора последовала моему примеру. Она прекрасно смеялась, и ее смех был такой искренний, неподдельный и заразительный, что я невольно захохотал еще громче.

— Ты голоден? — спросила она, когда мы немного успокоились. — Что ты предпочитаешь — стейк или омлет с соусом?

— Значит, ты еще и готовить умеешь?

— Принимаю твои слова как согласие. Если хочешь, можешь принять душ. Он в гостевой комнате. Вверх по лестнице, а потом сразу направо.

— Это было бы прекрасно.

Она повернулась на бок и поцеловала меня.

— Не так прекрасно, как мне было с тобой, Крейг Рейнолдс.

Я вышел из ванны и протер запотевшее зеркало тыльной стороной ладони. Посмотрев на свое отражение в зеркале, я сокрушенно покачал головой. «Ну что ж, О'Хара, ты своего добился. Ты сделал это».

Работа под прикрытием всегда требует от человека определенного пространства для маневра, но то, что произошло со мной, выходило за всякие разумные рамки. Конечно, я пренебрег некоторыми профессиональными обязанностями и ограничениями, и, к сожалению, они не относились к той категории поступков, за которые обычно дают медаль в здании Гувера в Вашингтоне.

Кроме того, с этого момента моя операция неизбежно приобретала очень опасный для меня характер.

— Крейг, что ты там делаешь?

Голос Норы донесся с первого этажа, и я тотчас же открыл дверь ванной.

— Душ был очень кстати, все прекрасно, я сейчас спускаюсь.

— Не задерживайся, твой омлет будет готов через пару минут.

Я зачесал волосы назад, оделся и спустился вниз по лестнице на кухню, где меня ждала Нора. Это было прекрасное зрелище. Она суежилась на кухне в лифчике и кружевных трусиках, мило улыбаясь и просто очаровывая своим прекрасным телом.

Я обратил внимание, что еда приготовлена только для одного человека.

— А ты не поужинаешь со мной? — удивленно спросил я.

— Нет, я уже успела перекусить, пока готовила, — сказала она и подняла вверх бутылку с минеральной водой. — Кроме того, у меня диета, которая позволяет мне сохранить талию.

— Думаю, тебе не о чем беспокоиться. Твоя талия не пострадала бы от обыкновенного омлета.

Я уселся за стол и стал пристально следить за тем, как она возится у плиты. Точнее сказать, я не следил, а просто-напросто таращил на нее глаза. Сзади она казалась мне столь же стройной и изящной, как и спереди. Трудно было представить, что женщина с такой осиной талией может проявлять беспокойство относительно своей формы.

— Так что ты там сказала насчет своей талии?

«Успокойся, О'Хара», — приказал я себе.

Однако успокоиться я уже не мог. Меня охватило странное чувство — что-то подобное я уже видел в своей жизни. Да, это был мой давний приятель, офицер полиции, который занимался борьбой с распространением наркотиков. Он действительно являлся хорошим парнем и отличным полицейским, пока не допустил одну фатальную ошибку. Однажды он решил попробовать изъятый товар и в конце концов сам стал наркоманом. Этот случай всегда у меня перед глазами.

Даже после душа я не мог не ощущать на своей коже завораживающий запах Норы. Я чувствовал ее тело и очаровательный привкус ее поцелуя. И меня преследовала только одна мысль — как продлить это несказанное блаженство. Разумеется, я понимал всю пагубность подобного желанья, но ничего не мог с собой поделать.

— Все готово, — торжественно объявила она.

Я уставился на огромное блюдо, которое она поставила передо мной.

— Выглядит очень аппетитно, — сказал я, чувствуя приступ голода, объяснить который можно было только тем, что произошло недавно в холле. — Я взял вилку и откусил кусок омлета. — Превосходно.

Нора горделиво вскинула голову:

— Надеюсь, ты говоришь правду?

— Кто, я?

— Да, ты, Крейг Рейнолдс, — сказала она и, наклонившись вперед, провела рукой по моим волосам. — Что будешь пить? Пиво или что-нибудь покрепче?

— Нет, немного минеральной воды. — Сейчас лишняя доза алкоголя была совсем ни к чему.

Нора подошла к буфету и взяла оттуда чистый стакан, а я тем временем уплетал приготовленный ею омлет. Он действительно показался мне очень вкусным.

— Ты останешься со мной на ночь? — спросила она, ставя на стол чистый стакан. — Пожалуйста, останься.

Это предложение удивило меня, хотя на самом деле не должно было показаться странным. Я огляделся вокруг, словно пытаюсь понять, в каком месте оказался. Интерьер этого дома действительно поражал воображение. Все здесь было сделано со вкусом и с большой затратой денег. Все предметы оформлены под старину, а мебель куплена в самых дорогих салонах — «Викинг», «Тролсен», «Миэль», «Гаггиа». Это были самые лучшие бренды в мире.

Нора поймала мой взгляд и посмотрела в сторону холла. Ее платье все еще лежало на мраморном полу.

— Мне кажется, слишком поздно думать о последствиях, — тихо сказала она.

Да, Нора говорила правду, и я готов был согласиться с ней, если бы не жуткий приступ боли в животе.

— Что с тобой? — спросила Нора.

— Не знаю, — ответил я. — Почему-то я чувствую себя так, будто...

«Будто в следующую минуту загажу всю кухню своей блевотиной».

Я сорвался со стула и опрометью бросился в ванную, с трудом сдерживая приступ тошноты. Там я сунул голову в унитаз и вырвал все содержимое желудка, включая омлет и остатки непереваренного обеда.

— Крейг, с тобой все в порядке? — снова поинтересовалась Нора из-за двери.

Как бы не так. Я чувствовал себя ужасно и не мог понять, что со мной происходит. Меня просто выворачивало наизнанку, все поплыло перед глазами, и единственная мысль, которая вертелась в моей затуманенной голове, заключалась в том, чтобы весь этот кошмар побыстрее закончился. Если бы тот коп с кладбища видел меня в данную минуту...

— Крейг? — снова послышался голос Норы. — Ты меня пугаешь.

Я был слишком занят в тот момент, чтобы ответить ей, и вообще плохо воспринимал ее слова. Меня охватила такая слабость, что я с трудом держался на ногах.

— Может, тебе принести что-нибудь? — спросила она.

Я обхватил обеими руками холодный фарфоровый унитаз и с ужасом думал о том, что эта напасть никогда не пройдет. От такой мысли мне стало еще хуже.

— Крейг, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь.

И в эту минуту произошло чудо. Приступ тошноты прошел так же быстро, как и начался. Это было странно, но я чуть не запрыгал от радости.

— Все нормально, — сказал я ей и облегченно вздохнул. — Сейчас все хорошо. Выйду через минуту.

Я медленно поднялся на ноги, подошел к раковине, прополоскал рот и плеснул в лицо немного холодной воды. После этого я посмотрел на себя в зеркало и подумал, что это могло быть только пищевое отравление.

И в то же самое время меня неожиданно посетила другая мысль. Я пострадал от посетившего меня ранее чувства беспокойства и тревоги, что у меня ничего не получится с Норой в постели.

«Господи, О'Хара, возьми себя в руки».

Я вернулся на кухню, где меня с нетерпением ждала встревоженная Нора.

— Ты ужасно напугал меня, — сказала она.

— Извини. Это было что-то странное и непонятное. — Я с трудом находил слова, чтобы описать свои ощущения. — Возможно, это было испорченное яйцо.

— Вполне возможно. Я чувствую себя ужасно виноватой. Крейг, скажи честно, тебе сейчас лучше?

Я молча кивнул.

— Точно? Только не строй из себя героя.

— Да.

— Мне просто стыдно перед тобой, — продолжала тараторить Нора. — Ты больше никогда не будешь есть то, что я приготовлю.

— Не говори глупости, ты ни в чем не виновата. — Ее нижняя губа изогнулась в форме дуги, а по выражению лица было видно, что она напугана и обижена. Я подошел к ней поближе и обнял за плечи. — Я бы поцеловал тебя, но...

Она с трудом выдавила из себя улыбку.

— Конечно, я могла бы найти тебе новую зубную щетку, но только при одном условии.

— Каким именно?

— Что ты останешься со мной на ночь, — опять-таки неожиданно предложила Нора. — Умоляю тебя, пожалуйста!

Возможно, если бы она не стояла передо мной в одних ажурных трусиках и таком же ажурном бюстгальтере и я не обнимал бы ее в этот момент, я бы нашел в себе силы сказать «нет». Вполне возможно, хотя и очень сомнительно.

— Хорошо, с моей стороны тоже будет одно условие.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. И я, конечно, согласна.

Это означало, что ночью мы будем спать с ней как можно дальше от спальни хозяина дома.

Впрочем, спали мы не так уж и много, и я постоянно напоминал себе, что это будет последняя ночь с Норой. С завтрашнего утра все пойдет как прежде. Я постараюсь найти другой способ общения с ней, не прибегая к интимной связи.

Но в глубине души я прекрасно понимал, что со мной происходит: я оказался у нее на крючке.

Мы проснулись следующим утром от громкого и слишком настойчивого звонка в дверь.

Нора быстро вскочила с постели и удивленно огляделась.

— Кто это может быть в такую рань?

Я посмотрел на часы.

— Черт возьми!

— Что?

— Не так уж и рано. Почти половина десятого.

Она отреагировала на мои слова игривой ухмылкой, которая каким-то странным образом получилась у нее скромной и сексуальной одновременно.

— Мне кажется, мы действительно утомили друг друга за эту ночь.

— Тебе, конечно, весело, а я еще час назад должен был быть на работе.

— Не волнуйся, я напишу тебе объяснительную записку.

Звонок в дверь снова расколол утреннюю тишину. На этот раз он прозвучал еще более настойчиво и требовательно, чем-то напоминая завывание ветра в дымовой трубе во время урагана.

— Кто бы он ни был, — раздраженно сказала Нора, — я сейчас избавлюсь от этого наглеца. — Она встала с постели и подошла к окну, еще больше очаровывая меня своей неотразимой наготой. — Вот проклятие, я и забыла совсем, — вздохнула она, заглядывая во двор сквозь штору.

— Что ты забыла?

— Это Харриет.

Разумеется, я не знал, кто такая Харриет, но в данный момент это не имело никакого значения. Мне ужасно не хотелось, чтобы кто-то мешал нам в такую минуту.

— Неужели ты не можешь послать ее ко всем чертям?

— Не могу, к сожалению. Она часто оказывает мне полезные услуги.

— А если она увидит меня здесь с тобой?

— Этого не будет. Я попросила ее осмотреть мебель и оценить ее на предмет возможной продажи в магазине. Это не потребует много времени. Она быстро все посмотрит. А я сделаю так, чтобы Харриет не зашла в эту комнату.

Конечно, Джону О'Харе можно было наплевать на все это, а вот Крейг Рейнолдс давно уже должен быть на рабочем месте.

— Нора, я опоздал на работу, и у меня могут быть неприятности. В этом доме есть выход, через который я мог бы незаметно улизнуть?

— Она уже заметила твою машину и поэтому будет крайне удивлена, не увидев ее через некоторое время. Она непременно спросит меня об этом. Думаю, нам обоим не нужны лишние расспросы.

Я набрал полную грудь воздуха, а потом с шумом выпустил его.

— И сколько времени займет этот осмотр?

— Я же сказала, что все пройдет очень быстро. — Нора открыла окно и высунула голову. — Извини, Харриет, я сейчас спущусь! — закричала она вниз. — У тебя сегодня чудесная шляпа. — С этими словами Нора быстро повернулась и запрыгнула ко мне на кровать. — А теперь насчет твоей работы, — весело сказала она, просовывая руку под одеяло. — Скажу честно, мне не нравится эта идея.

— Серьезно?

— Абсолютно серьезно. Ты должен что-то придумать, чтобы мы могли еще немного потешиться. Как ты считаешь?

Совершенно не важно, что я ответил ей в этот момент. Рука Норы под одеялом уже получила всю информацию о том, что я думал на сей счет.

— Ну что ж, полагаю, я могу взять отгул.

— И правильно.

— И что мы будем с тобой делать?

Нора посмотрела на ту часть простыни, которая прикрывала меня ниже пояса.

— Что будем делать? Я скажу тебе позже.

Она соскочила с кровати и направилась к двери, приковывая к себе мое внимание.

— погоди, ты не можешь оставить меня в таком состоянии! — взмолился я.

— Да мне самой этого не хочется, но Харриет уже давно ждет меня внизу, а мне еще надо что-то накинуть на себя. — Она снова посмотрела на вздыбившуюся простыню и игриво улыбнулась. — Не оставляй эту мысль до моего возвращения, — сказала Нора.

Я лежал в постели и смотрел в потолок, ни на минуту не оставляя эту мысль. Судя по всему, я находился в комнате горничной или нянечки, и данное помещение было намного лучше, чем моя собственная спальня. Через некоторое время я начал строить планы относительно сегодняшнего дня и напряженно обдумывал, куда бы мы могли отправиться. А больше всего меня волновала мысль о том, как теперь строить свои отношения с Норой и что они на самом деле собой представляют.

Вне всяких сомнений, она прекрасно знала, как можно получить то, что ей нужно. Вопрос заключался лишь в одном: что ей надо именно от меня? И что нужно мне от нее? Доказать, что она не виновна?

Я постоянно напоминал себе, что должен любой ценой распутать данное дело и наконец-то понять, имеет ли Нора хоть какое-то отношение к загадочной смерти Коннора Брауна и к не менее загадочному исчезновению его денег. Именно в этом и заключалась моя работа.

Я закрыл глаза и открыл их только тогда, когда зазвонил мой мобильный телефон. Вскочив с постели, я как ошпаренный бросился к стулу, на котором висели мои брюки и пиджак. Я понимал, что это Сюзен, и не мог отфутболить ее второй раз подряд. Она знала, что я никогда не расстанусь с телефоном и всегда нахожусь в пределах досягаемости.

— Алло?

— Почему ты шепчешь? — вместо приветствия спросила она.

— Я на турнире по гольфу.

— Ха-ха. А если честно, ты где сейчас?

— В библиотеке.

— Этому я верю еще меньше.

— И тем не менее это так, — сказал я тихим голосом. — Повышаю свои познания в области страхового бизнеса.

— Зачем?

— Нора задает мне массу сложных вопросов. Эта женщина очень умна и любопытна, но я пока не понял: она проверяет меня или просто удовлетворяет свою любознательность. Как бы то ни было, я должен лучше знать эту сферу деятельности, чтобы не попасть впросак.

— Когда ты видел ее в последний раз?

Чутье подсказало мне: если я объявлю, что провел с Норой всю ночь, это будет не лучший ответ на данный вопрос.

— Вчера, — сказал я после небольшой паузы. — Крейг Рейнолдс пригласил ее пообедать в ресторан, чтобы извиниться за все те ужасные переживания, которые она испытала по вине Джона О'Хары.

— Хороший ход, хитрый. Ты наверняка сообщил ей, что скоро она сможет получить причитающиеся ей деньги, не правда ли?

— Да, и она восприняла мои слова с огромным облегчением. Именно тогда-то она и стала задавать мне всякие каверзные вопросы.

— Ты считаешь, что у нее могли появиться какие-то подозрения?

— По ней это трудно сказать.

— Ты должен заставить ее пойти на откровенность.

В этот момент я судорожно сглотнул.

— У меня есть одна мысль. Что, если Крейг Рейнолдс, пользуясь весьма удачной беседой во время обеда, пригласит ее на ужин?

— Ты имеешь в виду что-то вроде свидания?

— Ну, я не стал бы называть такую встречу свиданием, поскольку ее жених совсем недавно умер. Но, с другой стороны, это действительно было бы что-то вроде того. Ты же сама сказала, что ее надо вызвать на откровенность и выудить у нее как можно больше.

— Даже не знаю, что сказать, — растерялась Сьюзен.

— Вот и я тоже не знаю.

— А если она ответит отказом?

Я весело рассмеялся:

— Ты недооцениваешь привлекательность О'Хары.

— Вряд ли, иначе я не поручила бы это дело именно тебе. Но ты же сам сказал, что Нора не из тех людей, кто польстится на бедного страхового агента.

Я прикусил язык.

— Откровенно говоря, мне кажется, что тебя больше беспокоит, если Нора согласится.

— Да, конечно, меня это беспокоит, — быстро отреагировала Сьюзен, — но ты все же прав насчет свидания. Думаю, что это очень удачное решение.

Я уже хотел выразить свое согласие с ней, но в этот момент в коридоре послышались женские голоса. Нора и Харриет приближались ко мне, оживленно обмениваясь мнениями насчет мебели.

— Черт возьми!

— Что случилось?

— Должен прервать наш разговор, — тихо сказал я. — Тут сотрудница библиотеки уже косо поглядывает на меня.

— Ладно, занимайся своими делами. Но только будь осторожен, О'Хара, договорились?

— Ты права, похоже, что с этой библиотекаршей с толстым задом действительно надо быть поосторожней.

— Очень смешно.

Я выключил телефон, забрался под одеяло и снова уставился в потолок. Мне было очень неприятно лгать Сьюзен, но другого выхода я не находил. Она часто спрашивала меня, не подозревает ли Нора в чем-то Крейга Рейнолдса, а теперь настал черед задать похожий вопрос в отношении Сьюзен. Интересно, она догадалась, что я ей наврал?

Очень может быть. Сьюзен никогда не отличалась особой доверчивостью к людям. Именно поэтому она и стала боссом.

Нора вернулась ко мне вся сияющая и преисполненная неиссякаемой бодрости. Противиться ей в этот момент было практически невозможно. Она сразу же запрыгнула ко мне на кровать и стала осыпать поцелуями мою грудь, шею, щеки, губы. При этом Нора томно закатывала глаза и весело смеялась.

— Ты ждал меня?

— С нетерпением. Как дела у Харриет?

— Чудесно. Я же говорила, что это не отнимет у нас слишком много времени. Все прошло нормально, а сейчас ты даже представить себе не можешь, как мне хорошо.

— Могу, ведь именно мне пришлось сидеть взаперти в этой комнате, а не тебе.

— О, бедняжка, — прошептала она, дразня меня. — Тебе нужен глоток свежего воздуха. А это еще один серьезный повод не ходить сегодня на работу.

— Ты все еще настаиваешь на этом?

— Да!

Я кивнул в сторону висевшей на стуле одежды:

— Ладно, но скажи честно, ты готова провести пару дней с человеком в таком жутком костюме?

Она равнодушно пожала плечами:

— Я сама сняла с тебя этот костюм и ничего не буду иметь против, если ты снова его наденешь.

Мы приняли душ, привели себя в порядок, оделись и вскоре уселись в ее шикарный автомобиль.

— Итак, куда мы едем? — поинтересовался я.

Нора надела темные очки и повернулась ко мне:

— Я сама обо всем позабочусь.

Первым делом она поехала в самый шикарный супермаркет под названием «Вилларинас», славившийся гастрономическими изысками. Я, естественно, вел себя так, словно не раз бывал в этом заведении. А когда мы вошли внутрь, она спросила, есть ли на свете какое-нибудь блюдо, которое я еще не пробовал.

— Кроме, разумеется, моего омлета, — добавила она с грустной ухмылкой.

— Я не очень люблю сардины, а все остальное сойдет за милую душу.

Нора решила устроить небольшой праздник желудка — купила разнообразные сыры, жареный перец, всевозможные салаты с макаронами, оливки, копченое мясо и французские булочки. Я выразил желание заплатить за все это пиршество, но она сразу же полезла в свой бумажник.

Нашей следующей остановкой стал магазин крепких спиртных напитков.

— А что, если мы сегодня попробуем белое вино? — поинтересовалась она. — Лично я предпочла бы «Пино Гриджио».

После этого она еще взяла бутылку дорогого «Тиффенбруннера», из чего я сделал вывод, что мы заговорились, как на пикник. Я еще больше укрепился в этой мысли, когда Нора открыла багажник и показала мне толстое шерстяное одеяло. Судя по всему, она бросила его туда, пока я принимал душ.

Мои подозрения относительно пикника окончательно подтвердились, когда Нора свернула с шоссе и направилась к озеру Покантико. На его живописном берегу мы нашли уютное местечко со свежей травой и наслаждались полным одиночеством, если, конечно, не считать

замечательный вид на поместье Рокфеллера, которое располагалось на противоположном берегу вместе с многочисленными пристройками, причалом, конюшнями и прочими атрибутами настоящего дворцового хозяйства.

— Ну что, тебе нравится сие чудное место? — спросила Нора, когда мы уселись на расстеленное одеяло.

Мне действительно нравился этот пикник, но больше всего мне нравилось то, что именно здесь в такой непринужденной обстановке можно было попытаться выведать у нее хоть что-то относительно смерти Коннора Брауна. Кроме того, меня интересовал факт тайного перевода его денег на другие счета.

Пытаясь определить степень ее владения компьютерной техникой, я как бы невзначай упомянул в разговоре о своих брандмауэрах^[10], встроенных в мою новую веб-программу, которой я довольно часто пользовался в своем офисе.

Когда Нора кивнула, я пристально посмотрел на нее и сказал:

— Подумать только, еще год назад я считал, что брандмауэр — это что-то, напоминающее асбест.

— Я тоже, — рассмеялась она. — Даже сейчас я знаю об этом в основном от одного из своих бывших клиентов. Он неплохо разбирается в компьютерах и считается знатоком Интернета.

— Наверное, это один из тех новых миллионеров, сделавших бабки на интернет-технологиях? Господи, что они делают с такими огромными деньжищами?

Нора скорчила веселую гримасу.

— К счастью для меня, эти люди часто перестраивают свои жилища и нуждаются в моих услугах. Ты даже представить не можешь, сколько денег они тратят на оформление интерьера.

— Честно говоря, не могу. Но могу без особого труда представить, какие бешеные налоги они платят.

— Да, конечно, — согласилась со мной Нора и тут же добавила: — Однако такие люди, как правило, знают все возможные способы их минимизации.

— Ты имеешь в виду какие-то лазейки?

Она пристально посмотрела на меня:

— Да, можно и так сказать.

В ее глазах промелькнуло что-то похожее на настороженность, если не сказать подозрение. Этого было вполне достаточно, чтобы я оставил все попытки продолжить разговор на данную тему. В течение оставшегося времени я играл роль самодовольного парня, который вместо работы всю наслаждается пикником с прекрасной женщиной, которую не всегда понимает.

«Иди домой, О'Хара, беги отсюда поскорее, идиот».

Однако я этого не сделал. После пикника мы посмотрели какой-то фильм в кинотеатре в Плезентуилле. Мы пошли туда по инициативе Норы.

— Я обожаю Хичкока, Крейг, и знаешь почему? Потому что он остроумен и прекрасно знает все темные стороны человеческой жизни. Это все равно что посмотреть два сеанса за один раз.

Ко времени окончания фильма мы так натрескались попкорна, что решили пропустить ужин в ресторане «Айрон хорс», который был запланирован Норой в качестве одного из наших мероприятий. Мы долго стояли на городской стоянке, будто школьники старших классов, не знающие толком, как закончить свое первое свидание.

Впрочем, такое чувство было у меня, а не у Норы.

— Давай поедem к тебе домой, — неожиданно предложила она.

Я долго смотрел на нее, не зная, что ответить. Нора уже видела «мой дом» и имела о нем вполне определенное представление. Может быть, она просто пошутила, чтобы проверить мою реакцию? Или она действительно решила узнать, как я живу?

— Ко мне домой? — неуверенно переспросил я.

— Да, если ты не против, конечно.

— Конечно, не против, — соврал я. — Но должен сразу предупредить тебя, что мое жилище может показаться тебе совсем не таким, каким ты себе его представляешь.

— А каким я себе его представляю? Неужели это нечто необычное?

— Нет, оно, скажем так, слишком далеко от того, к чему ты привыкла.

Нора пристально посмотрела мне в глаза:

— Крейг, ты мне нравишься, а на все остальное мне ровным счетом наплевать. Речь сейчас идет только о нас с тобой, не более того. Ты понял меня?

— Понял.

— Я могу доверять тебе? Мне бы очень этого хотелось.

— Да, конечно, ты можешь полностью доверять мне, ведь я же твой страховой агент, в конце концов.

После этого мы сели в машину и поехали ко мне. Как и ожидалось, Нора даже глазом не повела, когда мы подъехали к дому. Мы медленно поднялись в квартиру, держась за руки.

— Должен предупредить, что моя домработница объявила забастовку, — пошутил я с грустной ухмылкой. — Заявила, что не может работать в таких нечеловеческих условиях.

Нора молча оглядела мои более чем скромные апартаменты.

— Ничего страшного я здесь не вижу, — подытожила она. — Меня даже радует то обстоятельство, что здесь не бывает посторонних женщин. Мне здесь нравится.

Я предложил ей пива, и она охотно согласилась. Мы направились на кухню, где я вручил ей холодную банку пива, не зная, как сгладить негативное впечатление от убогого убранства этого помещения.

Она сделала несколько глотков, а потом положила на стол свою сумочку и огляделась вокруг.

— Может, ты мне покажешь свою квартиру?

— Ты уже видишь ее, — пошутил я.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет спальни?

Я еще раз напомнил себе, что вся эта странная история должна закончиться именно сейчас, причем без промедления. Конечно, если бы я был способен на это, то мы сейчас не сидели бы в

моей кухне, а расстались бы куда как раньше. Следовало сказать ей что-нибудь сразу после фильма, сослаться на какие-то обстоятельства или просто заявить, что наши отношения надо хорошенько обдумать и не доводить их до абсурда.

Вместо этого мы направились в мою спальню, где снова стали целоваться, пока не оказались в постели. И только под одеялом я с грустью подумал, что теперь я действительно похож на «агента под прикрытием».

А с другой стороны, я все тешил себя надеждой, что смогу вовремя остановиться и в конце концов обратить эти отношения себе на пользу.

— Как тебе удалось залезть в сумку Норы без ее ведома? — спросила Сьюзен.

Так и хотелось сказать: «Понимаешь, Сьюзен, после того как мы с Норой долгое время занимались совершенно безумным сексом в моей холостяцкой спальне, она крепко уснула, а я тем временем пробрался на кухню и исследовал содержимое ее сумочки».

Однако я этого не сказал.

— У меня есть свои методы работы, — уклончиво ответил я. — Разве не поэтому ты выбрала именно меня для такого деликатного дела?

— Я выбрала тебя потому, О'Хара, что у тебя богатый послужной список опытного сыщика и к тому же ты был доступен для меня в тот момент.

Этот разговор состоялся на следующий день, когда я сидел в своем офисе и отчитывался по телефону о проделанной работе. Я коротко рассказал о своем свидании с Норой, о пикнике, о фильме и так далее, кроме, разумеется, интимных подробностей.

Сьюзен не преминула выразить беспокойство по поводу того, что я могу вызвать у Норы подозрение или просто-напросто спугнуть ее. Как только я убедил Сьюзен, что для подобного беспокойства нет никаких оснований, она сразу же переключилась на сумочку Норы.

— Так как, ты говоришь, зовут этого специалиста по темным делам?

— Стивен Кепплер.

— И он работает адвокатом по налогам в Нью-Йорке?

— Да, так написано в его визитной карточке.

— Когда ты собираешься побеседовать с ним?

— Не знаю. Дело в том, что я уже звонил ему, и мне сказали, что он в отпуске до следующей недели.

— Конечно, он может просто не знать, о чем идет речь.

— Или ему известно все до мельчайших подробностей. Ты же знаешь, что я оптимист по натуре.

— Он может также заявить, что не имеет права раскрывать секреты своих клиентов.

— Вероятно, он так и сделает.

— Ну и что ты будешь делать дальше?

— Я уже сказал, что у меня есть свои методы работы.

— Я знаю, и именно это пугает меня, — вздохнула Сьюзен. — Не забывай, что с адвокатами надо быть предельно осторожным. Ты можешь не поверить, но некоторые из них действительно разбираются в законах.

— Хотелось бы посмотреть на таких умников.

— Держи меня в курсе дела, понял?

— Я всегда так делаю.

Закончив разговор со Сьюзен, я пододвинул стул на прежнее место и глубоко вздохнул. Я чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог справиться с охватившим меня беспокойством. Мой компьютер был уже включен, и я запустил его каблук башмака. Экран монитора замигал и засветился голубым светом. Я пододвинулся поближе, быстро нашел файл с данными на Нору и стал рассматривать фотографии, которые я сделал цифровой камерой возле дома Коннора Брауна после похорон.

В конце концов я остановился на последнем снимке и стал внимательно рассматривать его. На нем были изображены Нора и сестра Коннора Элизабет. Они стояли на ступеньках крыльца и о чем-то беседовали. Нора одета во все черное, а ее глаза прикрыты теми же самыми черными

очками, в которых она была со мной на пикнике. Элизабет Браун выглядела почти такой же красивой, как и Нора.

Я наклонился вперед и вперился в фотографию, словно пытаюсь разгадать ее тайный смысл. На первый взгляд не было ничего странного в поведении этих двух женщин. Но чутье подсказывало мне — что-то здесь не так, восприятие противоречит реальности. Либо Норе действительно нечего скрывать, либо она просто гениально дурачит всех окружающих, включая полицию, друзей и даже Элизабет Браун. Боже мой, неужели Нора действительно может вот так спокойно стоять и беседовать с сестрой человека, которого она совсем недавно убила? И это дает ей возможность так уверенно убеждать окружающих в своей невинности и правоте? Я не мог ответить на все эти вопросы, что делало Нору еще более опасной, чем казалось ранее.

Сейчас я точно знал только одно: я не могу дожидаться очередной встречи с ней.

Я закрыл файл и подумал, что теряю контроль над собой. Надо что-то делать. Я понимал, что оказался слишком близко от опасного пламени, жар которого уже почти физически ощущал всеми фибрами души. Надо во что бы то ни стало отойти подальше и успокоиться. Хотя бы на несколько дней.

В этот момент мне в голову пришла интересная мысль.

Недолго думая я снова позвонил Сьюзен и познакомил ее со своими планами на ближайшее время.

— Мне нужно срочно получить пару выходных дней.

Нора вышла из лифта на восьмом этаже психиатрической клиники «Пайн вудс», выпила остатки минеральной воды и швырнула пустую бутылку в урну. По обыкновению, она зашла в комнату дежурных медсестер и с удивлением обнаружила, что там никого нет — ни Эмили, ни Пэтси. Какое ужасное, однако, имя у этой молоденькой девушки!

— Эй, есть кто-нибудь? — позвала она, но в ответ получила лишь гулкое эхо.

Какое-то время Нора растерянно оглядывалась по сторонам, а потом решила направиться прямо в палату матери. В конце концов, ее тут давно уже все знают, и нет никакой необходимости регистрироваться в журнале посещений.

— Здравствуй, мама.

Оливия Синклер повернула голову к дочери, которая остановилась на пороге.

— Здравствуй, — тихо ответила она с привычно натянутой улыбкой на губах.

Нора подошла к кровати, поцеловала мать в щеку и пододвинула стул.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Ты же знаешь, я люблю читать.

— Знаю, мама, — сказала Нора и, положив сумочку на пол, вынула из большого пакета последний роман Патрисии Корнуэлл^[11]. — Вот, на этот раз я не забыла принести тебе книгу.

Оливия взяла книгу, медленно провела ладонью по суперобложке и затем провела указательным пальцем по крупным буквам заголовка.

— Мама, ты сегодня выглядишь намного лучше. Ты представляешь, как ты напугала меня в прошлый раз?

Нора видела, что все внимание матери приковано к красочной обложке. «Конечно, она ничего не понимает», — подумала Нора, с грустью глядя на мать. Она выстроила вокруг себя такие толстые стены, что пробить их практически невозможно. Обычно этот печальный факт всегда расстраивал Нору и доставлял глубокую душевную боль, однако сейчас она почувствовала даже некоторое облегчение. С первого дня этой страшной болезни, которая поразила мать много лет назад, Нора опасалась, что невольно станет причиной обострения недуга. Встречи с дочерью могли вызвать у нее слезы, эмоции, внезапные приступы отчаяния — все это могло окончательно добить старую женщину.

Но сейчас ее мать наконец-то успокоилась и стала вести себя так, словно она не имела к тем давним странным событиям абсолютно никакого отношения. А изменения в лучшую сторону произошли после приступа, который до смерти напугал Нору. Причем Нора подозревала: этот приступ спровоцировала именно она, что, как ни странно, могло благотворно отразиться на здоровье матери.

— Надеюсь, мама, тебе понравится эта книга. В следующий раз ты расскажешь мне о прочитанном, хорошо?

— Ты же знаешь, я люблю читать, — снова повторила мать.

Нора грустно улыбнулась. Оставшееся время она рассказывала матери какие-то смешные истории и всеми силами старалась вызвать у нее только положительные эмоции. Иногда мать бросала на нее рассеянный взгляд, но в большинстве случаев тупо смотрела на экран выключенного телевизора и молчала.

— Ну ладно, мама, мне пора, — сказала Нора примерно через час.

Оливия молча взяла с тумбочки пластиковую чашку. Она была пуста.

— Ты хочешь воды, мама? — спросила Нора. Мать кивнула, и Нора встала, чтобы налить в чашку воды из графина. — Ой, здесь нет воды, — сказала она и направилась к двери. — Я сейчас

вернусь, мама.

Оливия снова молча кивнула. Затем она выждала немного, услышала звук текущей из крана воды в туалете и просунула руку под кровать, где хранила недавно написанное письмо. В нем было все, что она хотела рассказать дочери, но очень долго не решалась. И только сейчас она почувствовала, что настало время рассказать Норе всю правду.

Оливия встала с постели, опустила на пол босые ноги, наклонилась к раскрытой сумочке Норы и опустила в нее письмо. Сейчас, после стольких лет молчания, ей это показалось таким простым и легким, будто она бросила бумагу в урну.

— Ах, вот вы где!

Эмили вздрогнула от неожиданности и посмотрела на Нору, которая застыла на пороге комнаты для дежурных медсестер. Эмили не слышала, как она вошла, так как была слишком поглощена чтением книги.

— А, Нора, привет.

— Я не видела вас, когда час назад приходила сюда.

— Да, извини, дорогая, я была в ванной комнате и ничего не слышала. Сегодня я одна дежурю.

— А что случилось с той девушкой, которую вы обучали недавно?

— Ты имеешь в виду Пэтси? Она позвонила и сказала, что немного приболела. — Эмили кивнула на лежавшую перед ней раскрытую книгу. — Слава Богу, что сегодня довольно спокойный день.

— А что вы читаете?

Эмили повернула к ней обложку книги.

— "Время милосердия" Джеффри Уокера.

Нора усмехнулась:

— Неплохой писатель.

— Самый лучший из всех.

— И к тому же написано крупным шрифтом, что совсем не вредно для глаз.

Эмили внимательно посмотрела на Нору. Эта красивая женщина сегодня была совсем не такой испуганной, как в прошлый раз, когда ее мать испытала очередной приступ.

— Похоже, твой визит к матери прошел сегодня более чем удачно. Как она себя чувствует?

— Спасибо, все нормально. — Нора сделала паузу и убрала волосы за уши. — Кстати, я должна извиниться перед вами за свое поведение в прошлое посещение. Понимаете, для меня это был эмоциональный шок, от которого я просто потеряла голову. А вы, напротив, вели себя весьма достойно и прекрасно справились со своими обязанностями. Большое спасибо вам, Эмили.

— Не стоит благодарности. Именно для этого я и сижу здесь.

— Да, я очень рада, что в тот день здесь дежурили именно вы. — Нора еще раз взглянула на книжку. — Знаете что? Как только выйдет еще одна книга этого автора, я принесу вам ее с его автографом.

— Правда?

— Конечно. Я неплохо знаю мистера Уокера и даже какое-то время работала вместе с ним.

Эмили даже зарделась от удовольствия:

— Боже мой, это будет хорошая плата за тот день. Даже не за день, а за всю неделю!

— Это самая малость, что я могу для вас сделать, — сказала Нора, ответив ей такой же милой улыбкой. — Для чего же еще существуют настоящие друзья?

Эмили понимала, что это скорее всего самая обыкновенная, ничего не значащая фраза, но ей все равно было приятно слышать такие слова. А Нора тем временем помахала ей рукой на прощание и вышла из комнаты для медперсонала.

Эмили долго смотрела, как Нора вышла в коридор, а потом нажала кнопку лифта. Когда Нора спустилась, она снова принялась за книгу, а когда внизу хлопнула дверь, Эмили вдруг увидела сумочку Норы, которую та оставила на столике для посетителей. Какое-то время Эмили ждала, что Нора осознает потерю и вернется, но этого не случилось. Тогда она позвонила

дежурному и попросила передать Норе, что ее сумочка осталась в комнате старшей медсестры.

После чего она снова приступила к чтению, но краешком глаза все же заметила, что сумочка была открытой.

Илейн и Эллисон не могли поверить своим ушам. Они еще никогда в жизни не слышали, чтобы Нора так расхваливала мужчину. По крайней мере с того момента, когда она похоронила внезапно скончавшегося первого мужа Тома.

И тем не менее именно об этом Нора рассказывала им почти весь вечер, пока они ужинали в своем любимом ресторане в районе Сохо. Собственно говоря, она даже не рассказывала об этом человеке, а беспрестанно восхищалась им, что было совершенно на нее не похоже.

— Знаете, — говорила Нора, — в нем есть какая-то удивительная внутренняя энергия и та спокойная уверенность в себе, которая мне больше всего нравится в мужчинах. На первый взгляд он кажется совершенно обычным человеком, но при этом в нем есть нечто особенное, неповторимое.

— Вау, кто бы мог подумать, что какой-то страховой агент может оказаться таким сексуальным? — пошутила Илейн.

— Только не я, — смеясь, ответила Нора. — Но знаете, этот Крейг похож на кого угодно, только не на страхового агента.

— Кстати, а как он одевается? — поинтересовалась Эллисон, давая волю своему профессиональному чутью.

— Вполне нормально, — пожала плечами Нора. — Приличный костюм, но не бог весть что. Он предпочитает расстегнутый воротничок и никогда не носит галстук.

— Ну ладно, давай перейдем к самому главному, — сказала Илейн, нетерпеливо взмахнув рукой. — А как твой парень в постели?

Эллисон закатила глаза:

— Илейн!

— А что? Мы всегда делимся друг с другом такими подробностями.

— Да, но они только недавно познакомились. Почему ты вообще решила, что у них уже был секс? — Эллисон повернулась к Норе и скромно улыбнулась.

— У нас уже был секс.

Илейн и Эллисон мгновенно подались вперед и выжидающе уставились на подругу.

— И что? — почти одновременно спросили они.

Нора выдержала приличествующую паузу, медленно сделала глоток коктейля и поставила стакан на стол.

— Конечно, я могла бы сказать, что в постели он тоже хорош, но это было бы неправдой. В постели он просто великолепен, неподражаем.

Все трое зашлись от хохота, как девочки-подростки.

— Я так завидую тебе, — мечтательно сказала Илейн. Нора вдруг стала серьезной и, казалось, даже сама удивилась этому.

— Знаете, с ним я никогда не чувствую себя одинокой. Если честно, я давно уже не ощущала ничего подобного. Я думаю... мне кажется, что мы с ним одного поля ягоды.

Илейн повернулась к Эллисон:

— Может, мы с тобой просто искали не в том месте? В этом мегаполисе миллионы одиноких мужчин, а она нашла своего мистера Супермена в каком-то захудалом пригороде.

— Кстати, ты так и не сказала нам, что ты делала в этом захолустье? — спросила Эллисон.

— Я поехала в антикварный мебельный магазин в Чиппакуа, а Крейг искал там старые рыболовные удочки, которые коллекционирует много лет. Вот мы и познакомились.

— А все остальное уже история? — рассмеялась Эллисон.

— Она подцепила его как раз на такую старую удочку, — добавила Илейн. — Я же сказала, что завидую ей!

На самом деле Илейн не завидовала Норе, и та прекрасно знала об этом. Илейн просто счастлива, что ее лучшая подруга наконец-то нашла достойного мужчину, с которым чувствовала себя счастливой, вот и все. И Эллисон тоже радовалась за Нору: ведь она встретила человека, который доставил ей столько удовольствия.

— Итак, когда же мы удостоимся чести познакомиться с этим чудесным Крейгом? — спросила Эллисон.

— Да, — поддержала ее Илейн, — когда ты познакомишь нас с этим мистером Невероятным?

После ужина Нора вернулась в свое жилище с единственной мыслью в голове — Крейг. Все эти разговоры с подругами насчет секса с ним только раззадорили ее. Хотя бы голос его услышать. Быстро переодевшись в пижаму, она забралась в постель и набрала его номер телефона.

Он снял трубку только после пятого гудка.

— Я разбудила тебя?

— Нет. Просто я читал в другой комнате.

— Что-нибудь интересное?

— К сожалению, нет. Это все мои рабочие дела.

— Какая тоска!

— Еще бы. Именно поэтому я безумно рад твоему звонку.

— Ты соскучился по мне?

— Даже больше, чем ты можешь себе представить.

— Я тоже, — тихо сказала она. — Как бы мне хотелось сейчас оказаться рядом с тобой. У меня такое чувство, что если бы я была рядом, ты бы не стал читать какую-то ерунду.

— Правда? А что бы я стал делать?

— Обнимать меня.

— А еще что?

Нора выдохнула в трубку:

— Целовать.

— Что именно я стал бы целовать?

— Губы.

— Сильно или мягко?

— Сначала мягко, а потом сильно.

— А где были бы мои руки?

— На самых интересных местах.

— Где именно?

— На моей груди для начала.

— Хмммм, — протянул он. — Неплохое начало, насколько я помню. А где еще?

— На моих бедрах.

— Оооо, это прекрасно.

— погоди... твои руки гладят мои бедра, медленно поднимаются вверх, дразнят меня.

— Мне это еще больше нравится.

Нора прикусила нижнюю губу.

— Мне тоже, — томно прошептала она.

— Ты чувствуешь меня, — так же страстно прошептал он.

— Да.

— Чувствуешь, как я вхожу в тебя? — Щелк. — Что это? — удивленно спросил он.

— Черт возьми, это вторая линия!

— Плюнь на нее.

Нора посмотрела на определитель номера.

— Не могу, это одна из моих лучших подруг. Не клади трубку, ладно? Мы с ней ужинали недавно, и, если сейчас я не отвечу, она будет волноваться.

Нора переключилась на другую линию:

— Илейн?
— Надеюсь, ты еще не спала? — спросила та.
— Нет, мне сейчас не до сна.
— Постой, а почему ты так глубоко дышишь?
— Разговариваю по первой линии.
— Ты хочешь сказать... Крейг?

— Да.
— И я позвонила как раз в разгар вашего разговора?
— Ничего страшного.
— Извини, дорогая, не надо было мне отвечать.

— Все нормально.
— Я просто хотела еще раз сказать, что очень рада за тебя. А сейчас возвращайся к тому, чем вы там занимались.

— Непременно.
— Ооочень завидую тебе.

Щелк.

— Ты слушаешь меня? — спросила Нора.

— Да, — последовал ответ.

— Итак, на чем мы остановились?

— Мы остановились на том, после чего я теперь вряд ли смогу уснуть.

— Я тоже. Завтра я собираюсь отправиться по делам в мебельный магазин.

Нора долго ждала от него ответа, но в трубке была тишина. Почему он замолчал?

— Я завтра не могу, — наконец-то ответил он.

— Почему?

— Мне нужно срочно поехать в Чикаго, где находится наш главный офис. Именно потому я сейчас и читаю всю эту чушь.

— А какие там у тебя могут быть срочные дела? Ты не можешь послать их ко всем чертям?

— Не могу. Там будет семинар, на котором мне нужно выступить с докладом.

— О, какая жалость, — недовольно проворчала Нора.

— Я вернусь через пару дней.

— А ты можешь позвонить мне из Чикаго?

— Конечно. Может быть, мы продолжим с того момента, на котором только что остановились.

— Может быть, если ты будешь хорошим мальчиком.

— О да, я буду очень хорошим мальчиком. Можешь не волноваться на этот счет.

Однако Нора действительно волновалась. Причем всю ночь напролет. Она сказала Илейн, что не сможет уснуть в эту ночь, и не ошиблась в своих прогнозах. Ее терзала одна мысль, которая никак не давала ей покоя: что на самом деле думает о ней Крейг и не обманывает ли он ее. Он как-то странно сказал об этом семинаре. Именно такое же чувство испытала она во время их первой встречи: что-то в нем было не так.

Нора проснулась на рассвете, быстро надела потертые джинсы и старую майку, а на голову напялила такую же старую бейсбольную кепку. При этом никакого душа и никакой косметики, поскольку времени было в обрез. Она спустилась вниз, села в «мерседес-бенц» с открытым верхом и помчалась по пустынным улицам в Брайерклиф-Мэнор, где находился дом Коннора.

Там она оставила в гараже «мерседес» и пересела в покрытый толстым слоем пыли «ягуар» зеленого цвета. Она любила этот автомобиль так же, как и «мерседес», но самое главное, что в этой машине Крейг ее не узнает.

Минут через двадцать Нора остановилась на обочине дороги неподалеку от дома Крейга. Зажав между колен большой стакан кофе «Старбакс», она стала внимательно следить за входной дверью. Во время ее первого визита к этому дому она еще не знала, чего ей следовало ждать, но сейчас все было по-другому. Он сказал, что ровно в полдень должен вылететь из города в Чикаго. Значит, скоро Крейг выйдет из дома.

Около десяти часов утра дверь дома распахнулась, и появился Крейг в ярко-желтой майке, спортивной куртке и джинсах. Он выглядел вполне по-дорожному, да и время было подходящим. Именно сейчас нужно отправляться в аэропорт, чтобы не опоздать на самолет. К тому же в его руке был небольшой чемодан на колесиках.

Нора облегченно вздохнула.

Крейг сел в свой черный «буммер» и пригладил рукой мокрые от душа волосы. Он действительно был хорош в это утро, и Нора вдруг почувствовала, что страшно соскучилась по нему. Жаль, что он покидает ее в такой момент.

Черный «буммер» сдал назад, развернулся и направился в ее сторону. Нора быстро нырнула под рулевое колесо, чтобы Крейг не заметил ее. Тем более что зеленый «ягуар» был единственной машиной на обочине, если не считать старый фургон в другом конце улицы.

Она проследовала за ним несколько миль, пока наконец-то не убедилась, что он действительно направляется в аэропорт. Значит, все нормально и нет никаких оснований для беспокойства. Даже лучше, чем нормально. Он позвонит ей из Чикаго сегодня вечером, и она скажет Крейгу, что безумно соскучилась по нему и с нетерпением ждет встречи. Тем более что это чистая правда. Она даже может сказать, что испытала самый настоящий телефонный оргазм.

Нора улыбнулась при этой мысли. «Что со мной происходит, черт возьми?» — подумала она с удивлением.

Нора проехала за Крейгом еще примерно сто ярдов, хотя в этом уже не было никакой необходимости. И так ясно, что он направляется в аэропорт. Она хорошо знала этот маршрут и не могла ошибиться. «Лучше быть параноиком, чем потом сожалеть о своей глупости», — вспомнила Нора одну из своих любимых мантр, но при этом подумала, что на сей раз она явно переборщила по части осторожности. У нее и раньше были сомнения насчет Крейга, но все они заканчивались ничем. Вот и сейчас уже нет никакого смысла гнаться за ним.

Не было бы никакого смысла, если бы в этот момент он не включил сигнал поворота.

Нора знала, что к аэропорту ведет несколько дорог, но эта, к сожалению, вела совсем в другую сторону. Когда Крейг показал поворот, Нора сразу же догадалась, что у него на уме совсем другой пункт назначения.

Конечно, Нора не хотела делать преждевременных заключений, надеясь в душе на так называемую «добрую» ложь. Может быть, он удивит ее каким-нибудь приятным сюрпризом, только и всего.

Через несколько миль, когда Нора увидела дорожный знак с надписью «Гринвич, штат Коннектикут», она вдруг вспомнила, что неподалеку, в городке Беттерридж, находится ее любимый магазин ювелирных изделий. Она даже представила себе, как Крейг покупает в нем маленькую коробочку, перевязанную красивой красной лентой, а потом доверительно сообщает, что специально придумал поездку в Чикаго, чтобы сделать ей маленький подарок. Это была бы приятная ложь.

Но вскоре Гринвич промелькнул мимо и исчез в дорожной пыли. А вместе с ним улетучилась и последняя надежда Норы. Она по-прежнему старалась не спешить с выводами, но уже с трудом сдерживала надвигающийся приступ гнева и разочарования. А еще душевной боли и много других смешанных эмоций, от которых даже мурашки по коже шли.

Между тем Крейг свернул в небольшой городок Риверсайд, и Нора поняла по манере его вождения, что эта дорога была для него знакомой. Почему? Что он тут делал раньше?

Крейг проехал почти через весь город и свернул на какую-то тупиковую улочку. Нора притормозила на повороте и огляделась. Все домики здесь были небольшими, но при этом вполне ухоженными и уютными, весьма далекими от той квартиры, которую он занимал в Уэстчестере.

«Итак, — подумала она, собравшись с мыслями, — что он делает в этом захолустном городке в штате Коннектикут? Зачем взял с собой чемодан и почему наврал мне с три короба?»

Где-то посреди этой улочки черный «БМВ» остановился рядом с красным почтовым ящиком. Крейг вышел из машины, потянулся, размял затекшие ноги и зашагал к крыльцу белого дома с зелеными деревянными ставнями, выстроенного в старом колониальном стиле.

Нора напрягла зрение, чтобы получше рассмотреть все происходящее. Не успел он постучать в дверь, как она широко распахнулась и на крыльцо выбежали два маленьких мальчика. Они что-то радостно кричали и повисли на его руках, а он крепко обнял и поцеловал каждого из них. Крейг мог быть для них дядей или даже старшим братом, но Нора точно знала, что так может вести себя только любящий отец.

«Значит, Крейг... женат?»

Нора посмотрела на дверь, ожидая увидеть там еще кого-нибудь. И точно, в следующую минуту на крыльце появилась женщина, но Нора сразу же сообразила, что это вряд ли могла быть миссис Рейнолдс. Скорее она походила на бабушку иностранного происхождения. Надо думать, это няня тех двух мальчиков.

Через минуту Нора увидела то, чего боялась больше всего. На втором этаже распахнулось окно, и в нем показалась еще одна женщина — довольно красивая по меркам провинциального городка. Она приветливо помахала Крейгу рукой, а выражение ее лица не оставляло никаких сомнений в том, кто она такая.

Его жена.

Нора откинулась на спинку сиденья и вспомнила все грязные ругательства, которые только существуют на белом свете.

— Подонок долбаный, мерзкий лжец, дерьмо собачье, засранец вонючий!

Она продолжала следить за ним до тех пор, пока он не исчез за дверью вместе с детьми. В голову лезли самые дурные мысли, которые надо было во что бы то ни стало привести в порядок. Почему он живет в какой-то задрипанной квартире в Уэстчестере, если у него есть неплохой дом в штате Коннектикут?

Не успела она как следует обдумать этот вопрос, как дверь белого дома снова отворилась, и на крыльце появился Крейг с большим рюкзаком, а вслед за ним его детишки с рюкзаками поменьше. Они радостно кричали и хлопали в ладоши, направляясь к черному автомобилю. Значит, они куда-то едут. Но куда?

Нора посмотрела в дальний конец улицы и вдруг поняла, что там тупик. Стало быть, Крейг должен ехать в ее сторону и может обратить внимание на зеленый «ягуар», который уже видел утром неподалеку от своего дома.

Недолго думая она развернулась и скрылась на соседней улочке, лихорадочно соображая, что делать дальше. Собственно говоря, теперь ей было наплевать, куда именно направится Крейг со своими детьми. Самое главное — нет никакого семинара в Чикаго, в чем он так долго убеждал ее. Что еще можно сказать о человеке, который обманывает женщину насчет своей семьи и жены? Ничего.

В конце концов она решила, что торчать здесь больше нет смысла. Пора возвращаться домой и ждать звонка от Крейга. Интересно, что он наплетет ей в следующий раз?

Нора хотела уже выехать на шоссе, но вдруг передумала и решила бросить последний взгляд на симпатичный белый домик Крейга. У нее возникло странное чувство, будто глаза ее подвели, и она решила еще раз убедиться — действительно ли все происходит именно так, а не иначе? Может быть, это вовсе не Крейг Рейнолдс, а кто-то другой?

Она повернула на узкую улочку, подъехала к белому дому и вдруг резко затормозила, уставившись на красный почтовый ящик. На этот раз Норе действительно было впору не поверить своим глазам.

На почтовом ящике крупными буквами было написано имя владельца дома: «О'ХАРА».

Нора мчалась обратно в Уэстчестер, снедаемая горьким чувством ярости, гнева и досады. От этого предательства у нее даже сердце прихватило. Она с трудом следила за дорогой и никак не могла собраться с мыслями. Больше всего ей досаждали вопросы, на которые она не могла найти более или менее вразумительные ответы, что порождало у нее обостренное чувство опасности. Почему во всем этом деле замешан О'Хара? Существуют ли на самом деле представленное им страховое агентство и причитающиеся ей деньги по страховому полису? И что может означать интимная близость с ним? Какая роль здесь отведена сексу? Единственное, что она понимала хорошо, — ее самым наглым образом обманули, обвели вокруг пальца, причем сделал это мастер своего дела.

«Ну что, дорогая, приятно ощущать себя жертвой настоящего профессионала?»

Вернувшись в Уэстчестер, она влетела в дом и стала крушить все на своем пути. Дорогие вещи мгновенно оказались на полу, а многие — так просто разлетелись вдребезги. Она опрокинула стол, смела со стены какие-то картины, а потом схватила дорогую вазу и грохнула ее об пол. Вскоре все помещение было усеяно осколками стекла и керамики.

Только после этого Нора немного успокоилась и обессиленно побрела на кухню, где выпила почти полбутылки водки и все время что-то бормотала про себя. Она неистово жаждала реванша, согревалась желанием отомстить предателю, но при этом понимала, что план мщения нужно разрабатывать без спешки, на свежую голову. К полудню она совершенно лишилась сил и отключилась на диване в гостиной.

Нора спала вплоть до следующего утра, а потом долго мучилась от страшного похмелья. Но даже в таком состоянии она не могла забыть то, что заставило ее напиться накануне вечером.

Выпив чашку крепкого черного кофе, Нора так и не обрела прежнего спокойствия. От кофе исходил дурманящий запах лесных орехов, и этот запах вновь напомнил ей о Крейге. Именно такой кофе они пили во время их знакомства. Впрочем, никакого Крейга теперь нет и в помине и никогда больше не будет.

Гнетущее похмелье постепенно исчезало, и она со временем снова вернулась к тем проклятым вопросам, которые терзали ее душу вчера вечером. И первый из них: почему О'Хара представился ей в качестве совершенно другого человека? «Забудь про страховую полис, — говорила она себе. — Лучше подумай, существует ли на самом деле страховая компания „Сентениан уан“?»

После того как она проследила за Крейгом и собственными глазами увидела офис местного отделения, таких сомнений у нее не возникало. Однако теперь все ее прежние подозрения возродились с новой силой. Недолго думая она схватила трубку и, дозвонившись до телефонной станции в Чикаго, спросила номер телефона страховой компании «Сентениан уан».

— Запишите, пожалуйста, — быстро ответила оператор. Этот ответ Нору несколько не удивил. Она записала номер, а потом сразу же набрала его.

— Доброе утро, — послышался в трубке приятный женский голос. — Компания «Сентениан уан», страхование жизни.

— Доброе утро, скажите, пожалуйста, могу ли я поговорить с Джоном О'Харой?

— Извините, но мистер О'Хара сейчас в отъезде.

— А вы не могли бы сообщить мне номер его голосовой почты?

— К сожалению, система голосовой почты сейчас не работает, — ответила женщина.

— Очень удобно.

— Простите?

— Нет, ничего.

— Если хотите, я могу передать ему ваше сообщение.

— Нет, не стоит, — сказала Нора и хотела было положить трубку. — Простите, а как вас зовут?

— Сьюзен.

— Знаете, Сьюзен, у меня есть к вам еще один вопрос. Скажите, пожалуйста, Крейг Рейнолдс все еще работает в вашей компании?

— Подождите минутку, мне надо посмотреть в справочнике. Как вы сказали, Рейнолдс?

— Да.

— Ах да, вот он. Да, мистер Рейнолдс работает в одном из наших местных офисов в Нью-Йорке. Брайерклиф-Мэнор, если быть точной. Хотите записать его номер?

— Разумеется.

Нора быстро записала номер телефона.

— Спасибо, Сьюзен.

— Не стоит, мисс... — Она сделала паузу. — Простите, как, вы сказали, вас зовут?

— Я этого не говорила. — Нора положила трубку. После этого она порылась в сумочке, отыскала там визитку Крейга и сверила номера телефонов. Конечно, все совпадает. — Ну ты умен, О'Хара, — пробормотала она, доставая ключи от машины.

«Однако медовый месяц на этом закончился».

Часть четвертая
Пока смерть не разлучит нас

В течение всего пути в Брайерклиф-Мэнор Нора нажимала пальцем на кнопку «поиск» в своем радиоприемнике, перепрыгивая с одной радиостанции на другую и тщетно пытаясь найти подходящую музыку. Но на всех станциях был либо какой-то идиотский рэп, либо не менее идиотская попса, от которой хотелось выть. В конце концов она оставила эти бесполезные попытки и предалась размышлениям о той ситуации, которая сложилась в результате загадочного поведения О'Хары. Она даже заерзала от волнения при мысли о предстоящем разговоре с ним.

А когда неожиданно зазвенел ее мобильный телефон, она просто подпрыгнула от возбуждения. Это он.

Сначала Нора сама хотела позвонить ему сразу, когда увидела его имя на почтовом ящике, и сказать ему пару ласковых слов насчет того, что ей все известно о его тайной жизни. Но потом она передумала. Этот мерзкий О'Хара так просто от нее не отделается.

Нора посмотрела на определитель номера. В лучах яркого солнца она ничего толком не разобрала, но была абсолютно уверена в том, что это он.

— Алло?

— Где ты была?

По тембру голоса и нескрываемому раздражению она поняла, что это Джефффри. Нора так и не ответила на его звонок пару дней назад.

— Извини, дорогой, я все время собиралась позвонить тебе, но так и не смогла. Можешь побить меня за это.

Его голос мгновенно потеплел.

— Господи, я уже начал беспокоиться. Я даже представить себе не мог, где ты находишься все это время.

Нора поняла, что сейчас нужно привести какое-то оправдание, причем самое что ни на есть серьезное.

— Во всем виновата моя новая клиентка, которая неожиданно свалилась на мою голову. Ну ты помнишь, наверное, та самая, что грозила сжечь меня, если я не пойду с ней выбирать материал.

— Ну как же я могу забыть это, — возмутился Джефффри, — ведь именно из-за нее я не видел тебя все выходные!

Нора благоразумно промолчала.

— О нет, только не говори, что ты опять не приедешь ко мне из-за нее!

— Я попытаюсь как-нибудь избавиться от ее опеки.

— Что она требует на этот раз?

— Она хочет, чтобы я посетила ее дом в Восточном Хэмптоне и посмотрела на ее новую оранжерею. На самом деле она очень хороший человек и к тому же очень щедрая клиентка.

— Нора, сегодня уже пятница! — взмолился Джефффри. — Когда ты будешь знать, чем все это кончится?

«Он сейчас почти ненормальный, — подумала она. — Он называет меня Норой только тогда, когда ужасно расстроен».

— Я позвоню тебе сегодня вечером, — ответила она после небольшой паузы. — Поверь, я сама не в восторге от того, что мне придется провести с ней все выходные. Я ужасно соскучилась по тебе и с нетерпением жду встречи.

— Если честно, дорогая, в твоём голосе я слышу какое-то беспокойство. У тебя все в

порядке?

— Да, все прекрасно, — ответила Нора, мгновенно вспомнив подлого О'Хару. — Просто иногда люди становятся навязчивыми и безумно раздражают. Впрочем, ты сам знаешь об этом.

— Выходит, у тебя есть еще более серьезный повод приехать к человеку, который сглаживает все шероховатости в твоей жизни, — резонно заметил Джеффри. — Значит, ты позвонишь мне сегодня? Я люблю тебя.

Нора согласилась с ним, повторила, что тоже любит его, и положила трубку. С одной стороны, она была рада, что всегда может рассчитывать на помощь и поддержку Джеффри, а с другой — он иногда оказывался слишком настойчивым и раздражал ее своими непомерными притязаниями. А ей с каждым днем становилось все труднее скрывать от него свою ложь. Но так или иначе, она никак не могла навестить его в ближайшие выходные, не разобравшись предварительно со всей этой странной историей, в которую втянул ее О'Хара. Надо было во что бы то ни стало выяснить, что он задумал и чем его темные комбинации грозят лично ей.

Через минуту она свернула на автомобильную стоянку, с трудом отыскала свободное место, заглушила двигатель, вышла из машины и посмотрела на фасад здания, украшенный на уровне второго этажа яркой надписью: «Сентениан уан. Страхование жизни».

Она медленно прочитала название компании, словно опасаясь пропустить хоть одну букву. Она не намерена принимать на веру всякую туфту.

«Больше этого не будет, О'Хара».

— Добрый день, чем могу помочь?

Нора сквозь темные очки уставилась на молодую симпатичную женщину, сидевшую за небольшим столом: лет двадцать пять, умные глаза. Слишком умна и образованна для такой работы.

— Я бы хотела поговорить с Крейгом Рейнолдсом. Он сейчас здесь?

Она видела, как молодая женщина слегка замялась, а в глазах промелькнула некоторая растерянность.

— Извините, мистера Рейнолдса сейчас здесь нет.

Нора посмотрела на часы:

— Он обедает? Может быть, он в ресторане «Амалфи»?

— Нет, он уехал по делам на весь день.

— А вы не знаете, когда он вернется?

— Думаю, в понедельник, — сказала молодая женщина. — Он назначил вам встречу? Может быть, мне записать вас на встречу с ним?

— Нет, Крейг сказал, что я могу заехать к нему просто так. Но вы действительно можете мне помочь. Я хотела бы получить копию страхового полиса.

В глазах молодой женщины снова промелькнуло замешательство, но только на мгновение. Во всем остальном она вела себя превосходно.

— Это ваш полис?

— Нет, но я его законная наследница.

— Понятно, — сказала женщина и покачала головой. — Очень сожалею, но я уполномочена выдавать копию страхового полиса только законным владельцам.

Нора посмотрела на небольшую табличку на столе.

— Вас зовут Молли?

— Да.

— Понимаете, Молли, сделать это практически невозможно, поскольку законный владелец полиса неожиданно умер.

— О Боже мой, я очень сожалею.

— Я тоже. Он был моим женихом.

Молодая женщина немного подумала, а потом улыбнулась, словно узнала Нору.

— Вы миссис Синклер, не так ли?

— Как вы узнали?

Молли посмотрела куда-то мимо Норы, будто оценивая размеры своего офиса.

— Я хорошо знакома с вашим делом, так как оно имеет отношение к двум людям. Еще раз извините, что напомнила вам о смерти жениха.

Нора сняла очки и пристально уставилась ей в глаза.

— В таком случае, надеюсь, вас не затруднит выдать мне на руки копию страхового полиса?

Молли растерянно заморгала ресницами, а потом расплылась в улыбке:

— Разумеется, если, конечно, я найду этот полис в кабинете мистера Рейнолдса.

Когда она вышла из кабинета и направилась в соседнюю комнату, Нора внимательно огляделась вокруг. Офис был небольшой и вполне создавал ощущение настоящего, а не подставного. На столе лежала стопка файлов, отпечатанных текстов и еще каких-то бумаг. И вместе с тем ее не покидало чувство: что-то здесь не так. И прежде всего — сама Молли. Конечно, сотрудница офиса должна знать, что в нем происходит, но Молли производила

впечатление человека, который знает намного больше, но слишком хитрит.

Молли вернулась в офис с пустыми руками.

— Должна извиниться перед вами, миссис Синклер, — сказала она, пожав плечами, — но я не смогла там найти этот страховой полис.

Нора постучала пальцем по лбу:

— Знаете что? Я только сейчас вспомнила. Крейг как-то сказал мне, что страховой полис хранится в главном офисе компании, в Хартфорде.

— Правда? — удивилась Молли. — Ну тогда все понятно.

Какое-то время Нора пристально изучала Молли. Эта молодая женщина слишком много импровизирует. Очевидно, ее босс не потрудился сообщить ей, что главный офис компании «Сентениан уан» находится в Чикаго.

Нора снова надела очки.

— Ну что ж, ничего страшного, подожду до понедельника, когда вернется Крейг.

— Я передам ему, что вы приходили.

«В этом нет никаких сомнений, Молли».

Нора вернулась к машине и сразу же достала мобильный телефон. Этот О'Хара доставил ей массу неприятных волнений, но сейчас, казалось, наступило временное облегчение. Она быстро набрала номер Джеффри и стала с нетерпением ждать ответа. Сейчас все надо делать быстро, так как дорога каждая минута. Надо во что бы то ни стало закончить все важные дела и связать все концы в один тугий узел.

— Алло?

— У меня хорошие новости, дорогой, — пропела Нора.

— Ты освободилась?

— Да, и готова провести с тобой предстоящие выходные.

— Фантастика! — обрадовался Джеффри. — Я просто умираю от желания поскорее увидеть тебя.

В тот вечер, когда мы втроем медленно продвигались в сторону строго охраняемой спортивной зоны, было очень тихо. Этот поход был задуман заранее, и все должно быть прекрасно, просто превосходно.

— Папа, а у нас не будет здесь проблем?

Я посмотрел на Макса, младшего из моих мальчиков. В возрасте шести лет он только начинал понимать какие-то правила и пытался разобраться в них. А на самом деле разбираться в сложившейся ситуации нужно было не ему, а его отцу. Правда, совсем в другой ситуации.

— Нет, мы получили специальное разрешение на посещение этого места сегодня вечером.

— Да, тупица, — не преминул уколоть его Джон-младший. — Папа не повел бы нас сюда, если бы не получил разрешения. Правда, папа?

В свои девять лет Джон-младший уже успел освоить приятную обязанность быть старшим братом и пользовался этим при каждом удобном случае.

— Успокойся, Джон, — осадил я его. — Макс задал хороший и очень умный вопрос, на который имеет право получить ответ.

— Да! — обрадовался Макс. — Умный вопрос!

Я улыбнулся и ускорил шаг.

— Живее, ребята, мы уже почти у цели.

Во время всех предыдущих наших походов я старался показать им Медвежью гору или тропу индейцев Мохок, а однажды даже повез их на целую неделю в национальный парк Йеллоустоун. Однако на этот раз я решил сделать для них куда более приятный сюрприз. У меня имелась только одна ночь, и я был преисполнен решимости сделать ее незабываемой для своих мальчишек.

Когда мы подошли к концу дороги, я с торжествующим видом повернулся к сыновьям:

— Ну что, парни, как вы думаете, что мы будем делать дальше?

Макс и Джон уставились на меня широко раскрытыми глазами. Они даже дар речи потеряли от такой неожиданности. А я с нескрываемым удовольствием наслаждался произведенным впечатлением. В нашем районе было очень мало спортивных площадок, не говоря уже о настоящем стадионе. А я, кстати сказать, выбрал один из самых лучших.

— Добро пожаловать на стадион «Янки»!

Они тут же бросили на землю рюкзаки и побежали на поле. Уже настал вечер, и вокруг стояла мертвая тишина. Здесь не было ни единой души, кроме нас. Дерек Джетер и вся его команда находились сейчас на Западном побережье, и весь этот прекрасный стадион оказался в нашем полном распоряжении. Это был «Дом, который построил Рут»^[12]!

«Ты только не забудь запереть ворота, когда будешь уходить», — сказал мой друг, когда я обратился к нему со своей небольшой просьбой. Он был неглупым человеком и вовсе не хотел иметь в качестве недоброжелателя агента ФБР.

Я снял с плеча свой огромный рюкзак и вынул оттуда все припасенное ранее спортивное снаряжение — перчатки, бейсбольные биты, кепки, майки и примерно с дюжину мячей.

— Ну ладно, кто из вас хочет сделать первый удар?

— Я, я, я! — закричал старший.

— Я, я, я! — эхом повторил за ним младший.

Мы играли до тех пор, пока солнце не скрылось за высокими щитами электронного табло, а сами мы просто валились с ног от усталости.

— Папа, мы что, действительно останемся здесь на ночь? — недоверчиво спросил Макс, с

трудом скрывая волнение.

— Ну конечно же! — мгновенно ответил Джон, продолжая наскоки на младшего брата. — Вот кретин, папа же сказал тебе!

— Да, действительно, — попытался успокоить я их. — Эту ночь мы проведем здесь, на стадионе. — Я подошел к лежавшему на земле рюкзаку и вынул оттуда свернутую палатку. — Так, ребята, где мы ее поставим?

При этом я одной рукой показал на центр поля, а другой — в противоположную сторону, где находились ворота.

— Знаешь что? — первым отозвался Макс. — Давай пойдем на компромисс и выберем третий вариант. Именно так играла моя любимая команда «Янки», когда я был еще маленьким.

— Да, я тоже, — неожиданно поддержал его Джон. — Дорожка "А"!

Мы стали быстро устанавливать палатку. Честно говоря, палатку устанавливал я один, а Джон и Макс бегали вокруг, поднимая огромное количество пыли. Они все еще находились под впечатлением от недавней игры, а для меня было несказанным удовольствием наблюдать за ними. Может быть, именно это помогло мне наконец-то выстроить систему приоритетов в соответствии с новыми обстоятельствами.

Они обнимались и целовались в фойе огромного дома Джеффри, как парочка возбужденных от избытка чувств подростков. Нора только что приехала к нему и не могла удержаться от привычного ритуала.

— Как это здорово! — сказал Джеффри, прижимая женщину к себе и нежно поглаживая ее волосы. — Я даже мечтать не мог, что ты приедешь ко мне на все выходные! Какая прелесть!

— Не надо иронизировать, — одернула его Нора. — Я прекрасно понимаю, что своим приездом отрываю тебя от последнего романа. Я же знаю, что тебе осталось совсем немного, чтобы закончить его.

— На самом деле до завершения еще далеко.

Нора с удивлением смотрела на него, пока он не расплылся в улыбке.

— Значит, ты закончил его?

— Да, вчера, после всеобщих бдений. Я должен был хоть как-то реализовать ту энергию, которая накопилась от долгой разлуки с тобой.

— Вот видишь? — игриво сказала она и ткнула его кулаком в грудь. — Я должна как можно чаще оставлять тебя в подвешенном состоянии.

— Забавно, что ты говоришь об этом.

— Что ты имеешь в виду?

— Твои слова о подвешенном состоянии. Понимаешь, я изменил концовку романа, теперь именно так умирает мой главный герой.

— Правда? Дай мне почитать.

— Непременно, но прежде я хочу кое-что показать тебе. Пойдем со мной.

— Да, господин, — шутливо ответила Нора. — Хоть на край света.

Он взял ее за руку и повел вверх по лестнице. Они миновали библиотеку и подошли к спальне.

— Если ты хочешь показать мне нечто такое, о чем я сейчас думаю, — пошутила Нора, — то я это уже видела.

Джеффри весело рассмеялся:

— У тебя только одно на уме!

Перед дверью спальни он остановился и повернулся к ней.

— А сейчас закрой глаза, — загадочно прошептал Джеффри.

Нора выполнила его просьбу и послушно вошла вслед за ним в спальню.

— Ну а теперь можешь открыть глаза, — торжественно объявил он.

Нора так и сделала и обомлела от неожиданности.

— Боже мой!

На каминной доске стоял огромный портрет, на котором была изображена она, Нора. Портрет, написанный маслом, производил грандиозное впечатление.

— Ну как?

— Прекрасно! — восхищенно отозвалась она, не успев подумать, что ее слова могут быть расценены как нескромность. Ведь это был ее портрет. — То есть я хочу сказать...

— Нет, это действительно прекрасно. — Не дав ей закончить фразу, он обнял Нору сзади за талию, привлек к себе и положил голову на ее голову. — Иначе и быть не могло.

Какое-то время Нора молча смотрела на портрет, а потом неожиданно прослезилась от избытка чувств. Джеффри действительно любил ее, и этот портрет всецело выражал всю глубину его чувств к ней.

— Это самый настоящий холст, а не брезент какой-нибудь. — Он повернулся назад и бросил быстрый взгляд на огромную кровать. — Ну а теперь, поскольку мы все равно пришли сюда...

Нора повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Ты действительно хорошо знаешь, как затащить женщину в постель.

Джеффри даже покраснел от удовольствия.

— Еще бы мне не знать.

— Мне это нравится.

— А мне нравишься ты.

Они медленно раздевали друг друга, продолжая целоваться и шаг за шагом приближаясь к кровати. Наконец он подхватил ее на руки, как пушинку, и осторожно положил на белоснежное покрывало. После чего Джеффри какое-то время смотрел на ее тело, словно желая насладиться этим прекрасным зрелищем. А Нора великодушно позволила ему любоваться собой, так как он всегда был добр к ней и заслужил столь высокую награду.

Сначала они занимались любовью медленно, без спешки, а потом полностью утратили контроль над собой и отдавались друг другу с безумной страстью. Их ноги и руки переплелись в едином порыве, пока наконец любовники не достигли оргазма. По крайней мере Джеффри, а Нора просто хорошо сыграла свою роль, во всяком случае, не хуже, чем Мэг Райан из фильма «Когда Гарри встретил Салли».

После этого они целую минуту лежали неподвижно, не говоря ни слова и не отпуская друг друга. Наконец Джеффри глубоко вздохнул и повернулся на бок.

— Я ужасно проголодался, — тихо сказал он. — А ты?

Она приподняла голову вместе с подушкой, и ее взгляд уперся в портрет у противоположной стены. Нора долго смотрела в собственные глаза на портрете и думала о том, есть ли еще на белом свете такой человек, как она.

— Да, — наконец ответила Нора мягким голосом. — Я тоже проголодалась.

Нора стояла над большой кухонной плитой фирмы «Викинг», верхняя часть которой была покрыта отполированным до блеска листом нержавеющей стали. Когда Джеффри вошел на кухню, Нора вела себя как во сне.

— Да, ты была права, — сказал он. — Душ действительно подействовал на меня освежающе.

— Вот видишь, я же говорила тебе, — улыбнулась она. — Нора лучше знает.

Он подошел к ней сзади и обхватил за плечи обеими руками.

— Ты уверена, что я здесь ничем не могу тебе помочь?

— Ничем, дорогой, я сама справлюсь.

Она потянулась за лопаточкой и подумала, что он действительно ничем не может ей помочь. Нора уже приняла окончательное решение, и теперь ничто не остановит ее. Когда он уселся за стол, она в последний раз перевернула на сковородке подрумянившийся омлет. «Назад пути нет. Я должна сделать это. Причем именно сегодня вечером».

— О, я забыл сказать тебе, — вдруг вспомнил Джеффри. — Помнишь того фотографа из журнала? Так вот, он должен приехать к нам в следующие выходные, чтобы сфотографировать нас для статьи.

— Значит, ты окончательно все решил и не собираешься отступить?

— Что ты имеешь в виду? Что я намерен известить весь мир о том, что считаю себя самым счастливым человеком на свете? Да, я решил сообщить, что Джеффри Уокер и Нора Синклер являются благословенной супружеской парой. Знаешь, сейчас я готов предстать перед публикой в качестве счастливого мужа.

Нора натужно засмеялась.

— Что тут смешного? — удивился Джеффри.

— Ты сказал это так, словно предложил для продажи акции на фондовой бирже. Как-то слишком по-деловому.

Нора повернулась к плите и лопаточкой переложила омлет со сковородки на тарелку. А потом еще целую минуту сидела напротив Джеффри и молча наблюдала, как он жадно поглощает один кусок омлета за другим. Джеффри выглядел довольным и счастливым. Впрочем, почему бы и нет?

— Итак, расскажи мне подробнее о своем последнем романе, — попросила она равнодушным голосом. — Там действительно все заканчивается повешением?

Джеффри кивнул:

— Знаешь, мне приходилось описывать смерть на гильотине, поединки на мечах, всевозможные пожары, но при этом я никогда не заканчивал роман виселицей. — Он хотел рассмеяться, но вдруг схватился рукой за горло и издал какой-то сдавленный звук.

Нора сделала вид, что слышала смех.

— Знаешь, Нора, — продолжил он, — нам нужно поговорить...

— Что с тобой, Джеффри?

Он широко открыл глаза, продолжая сдавливать рукой горло.

— Ничего, — с трудом просипел он и натужно закашлялся. — О чем я говорил? Ах да... нам нужно поговорить с тобой насчет...

Он снова остановился и мгновенно побагровел от напряжения. Нора пристально следила за каждым его движением. Конечно, яд уже подействовал, но не так сильно, как должен был. Может быть, она в спешке уменьшила дозу? К этому моменту он уже должен корчиться на полу.

Что-то здесь не так.

— О чем я говорил? — снова переспросил Джеффри внезапно осипшим голосом, но с трудом закончил эту фразу. Все его тело задергалось и начало сползать со стула. Еще через мгновение Джеффри стал повторять одни и те же слова, напоминая старый испорченный проигрыватель с постоянно заедающей пластинкой. — Мы должны поговорить с тобой... должны поговорить... должны поговорить... медовый месяц...

В конце концов он схватился обеими руками за живот, застонал от боли и беспомощно устался на Нору налитыми кровью глазами.

Она встала со стула, подошла к раковине, набрала стакан холодной воды, а потом, закрывая руки спиной, высыпала в него огромную дозу простигмина. Ее бывший муж Том, работавший кардиологом, называл это средство простым словом «наскок». В сочетании с хлор-хинин-фосфатом, который она подмешала Джеффри в омлет, данное средство ускорит процесс удушья и быстро приведет к остановке сердца. Причем все эти препараты в считанные минуты растворятся в организме без остатка.

— Вот, выпей, — решительно предложила она Джеффри, протягивая стакан.

Он закашлялся и посмотрел на нее, уже чувствуя себя не в состоянии сфокусировать зрение на одном предмете.

— Что... это?

— Выпей, — настойчиво повторила Нора. — Это тебе поможет.

Плоп. Плоп. Пшик. Пшик.

Он отчаянно ломал голову, тщетно пытаясь связать концы с концами и собрать воедино разрозненные кусочки этой загадки. И она вдруг стала его личным делом, делом О'Хары-Туриста. И все так или иначе было связано с той таинственной дискетой, которую он захватил перед зданием Центрального вокзала. А на ней список имен, адреса, банковские счета, огромные суммы денег.

Да еще тот парень из пиццерии, который пытался пристрелить его.

Но кто стоит за всем этим? Обыкновенный продавец или шантажист? А может быть, это его собственные люди?

И чего им всем надо? Интересно, они знают, что он скопировал файл, или просто подозревают его в этом?

«Они не верят мне, а я не верю им». В общем, дожили. Неужели сейчас во всем мире так происходит?

Как бы то ни было, все свободное время, включая, разумеется, и тот счастливый день, который он провел со своими ребятами на стадионе «Янки», О'Хара продолжал изучать список имен, тщетно пытаясь вникнуть в существо дела. К сожалению, он был далеко не гением в подобных вопросах.

Ясным представлялось только то, что люди из этого списка незаконно хранили свои деньги на оффшорных банковских счетах.

И не просто деньги, а более миллиарда долларов.

Он уже пытался связаться с некоторыми банками, указанными в этом списке, но все без толку. Он даже позвонил по домашним телефонам некоторым лицам из того же списка, но с таким же успехом. Да и что он хотел услышать от них? Что они признаются в незаконных финансовых махинациях?

В тот поздний воскресный вечер он просматривал последний номер газеты «Нью-Йорк таймс», чтобы как следует подготовиться к очередному разговору с Норой Синклер, как вдруг ему в глаза бросились знакомые имена. Вот это удача! Наконец-то! Три, четыре, пять, девять, одиннадцать фамилий из того самого таинственного списка. И все они принимали участие в светской вечеринке в ресторане «Уолдорф-Астория».

И ему показалось, что он многое понял. По крайней мере то, почему его решили убрать. Хотя бы потому, что он в принципе мог что-то знать о той дискете.

А он действительно знал о ней.

О'Хара знал об этом деле намного больше, чем хотел.

«Давай, О'Хара, топай, шевелись, делай что-нибудь». Сьюзен хочет арестовать ее, а это означает, что мне нужно поторапливаться, и, вероятно, босс не станет возражать, если я нарушу некоторые правила. В конце концов, это всего лишь мое личное понимание проблемы и способов ее решения.

Сидя на стуле перед Стивеном Кепплером, я не мог не отметить про себя некоторые особенности его внешнего облика. Во-первых, адвокат был лысым и старательно зачесывал на лысину остатки волос с затылка, что еще больше подчеркивало их дефицит на его башке. Во-вторых, этот налоговый юрист, который бросился спасать Нору, заметно нервничал.

Конечно, многие люди начинают невольно нервничать, сталкиваясь с агентом ФБР, причем большинство из них без всяких на то серьезных причин.

Я быстро покончил с обычным для такого случая предварительным разговором и подsunул ему под нос фотографию, которую вынул из бокового кармана пиджака. Это был один из тех памятных снимков, которые я сделал цифровой камерой в Уэстчестере.

— Вы узнаете эту женщину? — спросил я, постукивая пальцем по фотографии.

Он наклонился над столом и быстро ответил:

— Нет, я ее не знаю.

Я пододвинул фотографию поближе, чтобы он мог лучше разглядеть ее:

— Посмотрите внимательнее, пожалуйста.

Он взял в руку снимок и попытался сыграть роль человека, внимательно изучающего предложенный ему объект. При этом он хмурился, сдвигал брови, что-то мычал и в конце концов пожал плечами и покачал головой.

— Нет, не могу ее припомнить, хотя должен заметить, что это весьма симпатичная особа.

Стивен Кепплер вернул мне фото, а я старательно потер подбородок.

— Очень странно, — проворчал я.

— Почему?

— Странно, что такая симпатичная особа оставила вам свою визитную карточку, а вы ее не знаете.

Адвокат нервно заерзал на стуле.

— Возможно, кто-то другой дал ее этой женщине.

— Ну что ж, вполне возможно, — рассудительно произнес я, — только мне все равно непонятно, почему она сказала, что знакома с вами.

Кепплер передернулся, одной рукой провел по зачесанным назад волосам, а другой стал судорожно поправлять галстук. Его нервные движения были настолько красноречивыми, что не требовали абсолютно никаких комментариев.

— Позвольте мне еще раз взглянуть на эту фотографию, — нашелся он, протягивая ко мне руку.

Я охотно передал снимок адвокату, с интересом ожидая очередного классического спектакля с ужасно плохим исполнением. И я не ошибся.

— Ах да, подождите минутку! — воскликнул юрист, сдвигая брови. — По-моему, я действительно где-то видел ее! — Он постучал пальцем по фотографии. — Да, да, Симпсон, Синглтон?..

— Синклер, — подсказал я.

— Да, конечно, Оливия Синклер.

— На самом деле она не Оливия, а Нора.

Он покачал головой:

— Нет, я точно знаю, что ее зовут Оливия.

И это сказал человек, который минуту назад утверждал, что вообще не знает данную женщину.

— В таком случае я могу предположить, что она ваша клиентка? — спросил я. — При этом очень симпатичная. Я удивлен, что вы не запомнили ее с первого раза.

— Да, я выполнял для нее определенный заказ.

— Какой именно?

— Агент О'Хара, вы должны понимать, что я не могу разглашать подобные сведения.

— Нет, можете.

— Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Неужели? Я понял только, что вы отрицали знакомство с клиенткой, которая проходит по моему делу. А еще я понял, что вы солгали федеральному агенту.

— Может, мне напомнить, что вы имеете дело с адвокатом?

— Может, мне напомнить вам, что я могу вернуться сюда через час с ордером на обыск и перевернуть тут у вас все вверх дном?

Я уставился на Кепплера, ожидая, что он наконец-то поймет, о чем идет речь, но вместо этого он набросился на меня с упреками:

— Ваши угрозы могут сработать в определенных кругах, но только не здесь, — прорычал он, упрямо выдвинув подбородок. — А я всегда сохраняю тайну своих клиентов. Мне больше не о чем разговаривать с вами.

Я медленно встал со стула.

— Вы правы, — сказал я, тяжело вздохнув, — вы должны хранить тайны своих клиентов, а я просто потерял контроль над собой. Приношу свои извинения. — Я полез в карман пиджака. — Вот моя визитная карточка. Если вы передумаете, если вам вдруг понадобится протекция полиции или что-нибудь в этом роде, позвоните в мой офис.

Его лицо исказилось от страха.

— Протекция полиции? Вы хотите сказать, что эта женщина представляет опасность для общества? Оливия Синклер? А за что, собственно говоря, ее ищут?

— Боюсь, что не могу предоставить вам всю информацию на этот счет, мистер Кепплер. Но могу предположить, что если она доверила вам свой бизнес, значит, у нее были особые основания доверять вам, разве не так?

Его голос неожиданно поднялся на целую октаву.

— Погодите минутку! — закричал он. — Где сейчас эта Оливия Синклер? Я хочу сказать: вы преследуете ее, не так ли?

— В том-то и дело, — спокойно отреагировал я. — Мы следили за ней долгое время, но сейчас понятия не имеем, где она может скрываться. Мистер Кепплер, я не могу рассказать вам обо всех ее делах, но должен сообщить, что речь идет об убийстве, причем, вполне возможно, не об одном.

Для адвоката этого было более чем достаточно. Он задрожал от страха, а потом, с трудом выговаривая слова, попросил меня присесть.

— С удовольствием, — ответил я.

Книга Джеффри была закрыта раз и навсегда, его банковский счет очищен, и не наблюдалось абсолютно никаких признаков того, что власти имеют на этот счет какие-либо подозрения. Фотограф из нью-йоркского журнала не получил свои долгожданные снимки, а интервью с писателем так и не увидело свет. Учитывая все вышесказанное, Нора имела все основания быть довольной тем, как идут дела в Бостоне. Однако как только она вернулась на Манхэттен и вошла в свою квартиру в районе Сохо, она вдруг почувствовала, что на самом деле все не так уж и хорошо.

И главной причиной ее беспокойства был О'Хара.

Немного поразмыслив, Нора взяла мобильный телефон и набрала знакомый номер. Конечно, она должна быть предельно осторожной и ни в коем случае не проболтаться, что знает о нем больше, чем ей положено.

— Алло? — послышался в трубке голос О'Хары.

«Так, так, — подумала Нора, — значит, этот плохой мальчик уже дома, раз сам ответил на мой звонок».

— Это мой телефонный секс-партнер? — игриво спросила она.

О'Хара захихикал, узнав ее голос:

— Мама, это ты?

Нора сделала вид, что ей не понравилась его шутка.

— Как это вульгарно.

— А я хотел повеселить тебя.

— Итак, мистер Крейг Рейнолдс, почему ты не позвонил мне из Чикаго? Был слишком занят?

— Я знаю, что виноват. Извини. Все это время я был на семинаре.

— Да уж, это должен быть грандиозный семинар, — ехидно заметила она. — Ну и как он прошел? Тебе удалось произвести впечатление на начальство?

— Ты даже представить себе не можешь, — уклончиво ответил он.

Нора с трудом подавила смех. «Я могу представить даже нечто гораздо большее, Джон О'Хара».

— Послушай, — продолжал он. — Я искуплю свою вину.

— Непременно. Что ты делаешь сегодня вечером?

— То же самое, что и всегда, — работаю.

— А мне показалось, что ты ради этого ездил в Чикаго.

— Ты не поверишь, но мне приходится писать отчет об этом семинаре, и я сейчас по уши занят...

— Чепуха! — бесцеремонно прервала его Нора. — Я вижу тебя в эту минуту. Ты смотришь телевизор, что-то вроде бейсбольного матча, если не ошибаюсь.

В трубке воцарилась мертвая тишина.

— Что за черт...

— Выгляни в окно, Крейг, — снова не дала договорить ему Нора. — Видишь красный «бенц»? Видишь прекрасную девушку на переднем сиденье? Она машет тебе рукой. Привет, Крейг!

Нора увидела, как в окне квартиры промелькнула фигура О'Хары. Он был растерян и какое-то время не мог подобрать нужные слова.

— И как долго ты там торчишь? — наконец-то спросил он.

— Достаточно, чтобы убедиться в том, что ты врешь мне. Значит, бейсбол? Ты готов променять меня на бейсбольный матч?

— Я просто решил сделать перерыв и отдохнуть от своего отчета, вот и все.

— Ну конечно, кто бы сомневался. И что, Крейг, ты выйдешь ко мне или так и будешь торчать в окне, как статуя?

— А почему бы тебе не подняться ко мне?

— Нет, я бы предпочла немного покататься на машине.

— Куда?

— Это сюрприз. Ладно, бросай свою работу и выходи ко мне.

— Кстати, насчет работы... — неуверенно произнес О'Хара.

— Что случилось?

— Боюсь, что характер наших взаимоотношений стал сказываться на моей работе. С формальной точки зрения, Нора, ты моя клиентка, а это уже нарушение определенных правил.

— А тебе не кажется, дорогой, что сейчас уже слишком поздно думать о подобных формальностях? — О'Хара не нашелся, что ответить, поэтому Нора продолжала напирать на него: — Что за ерунда, Крейг? Ты же знаешь, что мне приятно с тобой, а тебе со мной. Все очень просто, не так ли?

— Я как раз думаю об этом.

— А я думаю о тебе. Не знаю, что с тобой случилось, но сегодня ты не такой, как обычно. Мне очень хочется поболтать с тобой, Крейг.

В трубке снова воцарилась тишина, а потом послышался глубокий вздох:

— Значит, прогулка на машине?

Мне действительно очень не хотелось кататься с Норой при лунном свете, но я все же спустился вниз и уселся рядом с ней. Было уже прохладно, и она опустила верх автомобиля. Все вокруг — дорога, дорожные знаки и все остальное мелькало мимо, как в тумане.

Вскоре Нора свернула с шоссе в сторону от Уэстчестера и помчалась по какой-то неведомой мне проселочной дороге.

«Что я делаю, черт возьми?» Это был самый простой вопрос, который крутился в моей голове, но даже на него я не мог дать более или менее вразумительный ответ.

Ту важную информацию, которую великодушно предоставил мне Стивен Кепплер, адвокат с начесом на лысеющей голове, я уже успел передать Сьюзен. А она, в свою очередь, переправила ее компьютерным мудрецам в ФБР, которые должны проследить финансовые потоки на оффшорные счета Норы Синклер и точно зафиксировать все ее депозиты и трансферты. Включая, разумеется, и те переводы, которые поступили с банковских счетов Коннора Брауна. Проанализировав все поступления до его смерти и после, эксперты смогут выяснить, что там на самом деле произошло. Сьюзен сказала, что этим парням понадобится двадцать четыре часа, в крайнем случае — тридцать шесть, не более того.

А Нора тем временем сидит за рулем автомобиля рядом со мной и еще более прекрасная, более неотразимая и более возбуждающая, чем прежде.

Может быть, это моя последняя встреча с ней?

Может быть, это просто безумие с моей стороны?

Может быть, я все еще тешил себя надеждой, что компьютерщики из ФБР не обнаружат в ее финансовых делах ничего подозрительного, ничего такого, что бросило бы тень на всю ее деятельность? Может, она действительно ни в чем не виновата? Или я действительно хочу помочь ей избежать наказания за убийство?

— Извини, что ты сказала? — спросил я, поворачиваясь к ней.

Она действительно что-то говорила мне, но я не слышал ее слов из-за шума мотора и еще большего шума в голове.

Она удивленно посмотрела на меня:

— Я спросила, неужели ты не рад, что поехал со мной?

— Пока еще не знаю, — откровенно признался я, стараясь перекричать шум двигателя. — Я все еще не знаю, куда мы едем.

— Я же сказала, что это сюрприз.

— Ненавижу сюрпризы.

— Нет, — ухмыльнулась она, — ты не любишь только те сюрпризы, которые не находятся под твоим контролем. Пора бы тебе знать об этом.

Не успел я ответить, как она резко свернула в сторону, даже не притормозив. Шины автомобиля завизжали, а брезентовый верх машины наклонился в сторону. Было такое ощущение, что он вообще может сорваться с крыши и улететь под напором ветра.

Нора запрокинула голову и громко засмеялась.

— Ну что, чуть не помер от страха?! — закричала она мне.

Только красный свет светофора заставил Нору притормозить. После получаса бешеной гонки по безлюдной дороге мы подъехали к небольшому городку Патнэм-Лейк и остановились на перекрестке. Никаких других машин здесь не было. На часах — почти девять, и я старался запомнить каждую деталь нашей поездки.

— Мы уже приехали? — спросил я.

— Почти, — уклончиво ответила Нора. — Не волнуйся, Крейг, тебе там понравится. Расслабься и подожди немного.

Пока она искала по приемнику какую-то музыку, я посмотрел направо и увидел возле бензоколонки некоего старика, который заправлял джип «Чероки». На мгновение наши глаза встретились, и я вдруг подумал, что он чем-то похож на моего отца. «Вещи далеко не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд».

Загорелся зеленый свет, и Нора снова рванула вперед.

— Ты куда-то спешишь?

— Да, я просто сгораю от страсти и ужасно соскучилась по тебе.

Следующие несколько миль мы ехали молча, и только трескучая музыка по радио соревновалась с шумом всех восьми цилиндров мотора. Я долго не мог разобрать, какая песня доносилась из радиоприемника, а потом догадался — «Отель Калифорния». Но по манере Норы вести автомобиль лучше бы это была «Жизнь на скоростной дороге».

Вскоре мы снова повернули.

Дорога была узкой и темной, а вдоль нее я не заметил никаких дорожных знаков. Я поднял голову и посмотрел на небо. Яркую сияющую луну сейчас закрывали кроны высоких деревьев. Складывалось впечатление, что мы очутились в густом темном лесу.

— Давно мечтал побывать в «Диснейленде», — пошутил я.

Она рассмеялась:

— Туда мы отправимся в следующий раз.

— Ты действительно знаешь, куда мы едем?

— А ты что, не доверяешь мне?

— Я просто спросил.

— Понятно. — Она сделала паузу. — Кстати сказать, Я была права.

— Насчет чего?

— Ты действительно не любишь, когда события выходят из-под твоего контроля.

Через минуту мощная дорога закончилась, а мы все продолжали ехать вперед. Дорога стала еще уже, а колеса автомобиля то и дело натывались на комья грязи и каких-то камней. Пока машина подпрыгивала на выбоинах, я все чаще искоса поглядывал на Нору.

— Еще немного, — успокоила она меня с неизменной ухмылкой на губах.

И действительно, примерно через пятьсот ярдов мы наконец-то выехали на небольшую поляну, в конце которой неясно угадывался силуэт небольшого домика, а позади него — то ли озеро, то ли небольшой пруд.

Нора подъехала прямо к крыльцу дома и остановилась.

— Ну скажи, разве не романтично?

— Чей это дом? — спросил я вместо ответа.

— Мой.

Я пристально посмотрел на эту хижину, но сначала ничего не мог разобрать из-за наступившей темноты. Через некоторое время мои глаза привыкли к мраку, а свет

автомобильных фар позволил разглядеть длинную стену из грубо отесанных бревен. Все это сооружение производило впечатление слишком грубо сработанного дачного домика, который, однако, был ухожен и хорошо сохранился. И тем не менее я никак не мог предположить, что в нем может жить такая шикарная женщина, как Нора Синклер.

— Это похоже на сюрприз? — весело спросила она. — По-моему, замечательный сюрприз. Тебе не нравится мой маленький домик на воде?

— Нравится, — признался я. — Что здесь может не понравиться?

Нора выключила мотор, и мы вместе вышли из машины. Это действительно было чудное место, почти совершенное в своей живописности. Но для чего мы здесь, для каких целей?

— Знаешь, я не взял с собой зубную щетку, — сказал я.

— Не волнуйся, я обо всем позаботилась, — усмехнулась она. — Я позаботилась о тебе, Крейг.

Она нажала на кнопку пульта дистанционного управления, и багажник автомобиля дернулся. Все небольшое багажное отделение этой машины было заполнено до предела. Не осталось даже сантиметра свободного места.

— Ты действительно хорошо подготовилась, — заметил я, глядя на огромный вещевой мешок и небольшой дорожный холодильник. «Подготовилась к чему?» — мелькнула у меня мысль.

— Да, здесь есть все для организации позднего ужина на свежем воздухе плюс всякая всячина, включая, разумеется, и зубную щетку для тебя. Ну, чего ты ждешь?

«Обратной дороги», — хотелось мне сказать. Вместо этого я вытащил из багажника вещевой мешок и холодильник и последовал за Норой вверх по старым деревянным ступенькам. Войдя внутрь, я остановился, покачал головой и улыбнулся. С улицы этот дом чем-то напоминал хижину Эйба Линкольна^[13], в которой он провел детские годы, однако внутри жилище было похоже на художественный салон. Впрочем, я мог бы догадаться, что будет внутри.

— Это место принадлежало одному из моих бывших клиентов, который недавно умер, — пояснила Нора, пока мы вынимали из сумки продукты. — Я знала, что он без ума от моего таланта дизайнера, и потому не слишком удивилась, когда он подарил мне этот чудный домик. — Тут она подошла ко мне и обняла обеими руками. Как всегда, она источала великолепный запах и была исключительно привлекательной. — Ну ладно, довольно о прошлом, давай поговорим о будущем. Я имею в виду наше ближайшее будущее. Что мы будем делать сначала — займемся любовью или приготовим ужин?

— Хм, нелегкий вопрос, — признался я.

Разумеется, для меня это был самый трудный вопрос из всех, которые роились в моей голове. А она, похоже, не догадывалась, что я сказал чистую правду: рано или поздно с нашими интимными отношениями надо кончать. «Ты не должен этого делать, О'Хара. Остановись!»

Легче сказать, чем сделать. Ее тело прижалось к моему, все мысли мгновенно смешались в голове, а искушение оказалось настолько великим, что сопротивляться ему просто не было сил.

— Можешь считать меня сумасшедшим, — тихо сказал я, — но я с утра ничего не ел.

— Ладно, ты действительно спятил, поэтому мы сперва поужинаем. Правда, здесь есть одна проблема.

— Какая проблема?

Она повернулась и посмотрела на плиту. Это была старая деревянная плита, которая топилась дровами.

— Надо выйти во двор и принести немного дров. Они сложены позади дома под небольшим навесом. Сделай одолжение.

Я молча взял фонарь с небольшой тумбочки перед дверью и вышел из дома. Вокруг была

такая непроглядная темнота, что даже мой фонарь с трудом пробивал ее. Я человек не робкого десятка и не верю в привидения, но мне стало не по себе, когда я услышал в кустах какое-то движение. Где же этот чертов навес? И что я делаю в такой жуткой темноте?

В конце концов я нашел дрова и взял охапку поленьев, которых, на мой взгляд, должно было хватить на всю ночь. Возвращаясь в дом, я снова увидел похожую на привидение тень. Что бы там ни было, но в этот момент я снова вспомнил того старика на бензоколонке, который чем-то походил на моего отца.

«Вещи не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд».

Я вернулся с охапкой дров и вскоре разжег плиту. После этого спросил Нору, чем еще могу помочь ей.

— Абсолютно ничем, — ответила она и поцеловала меня в щеку. — Теперь я со всем справлюсь сама.

Я оставил Нору на кухне, а сам направился в гостиную, уселся на софу и открыл лежавший рядом журнал. Это был «Филд энд стрим», выпущенный четыре года назад. Когда я прочитал почти половину смертельно скучной статьи о незаконном лове лосося у побережья Ирландии, из кухни послышался голос Норы:

— Ужин подан.

Вернувшись на кухню, я увидел поджаренные морские гребешки с рисом, приправленные специями и зеленым салатом. А перед тарелкой стояла бутылка дорогого вина.

Нора подняла стакан и провозгласила тост:

— За нашу незабываемую ночь.

— За нашу незабываемую ночь, — эхом повторил я.

Мы звонко чокнулись, выпили вино и стали быстро поглощать приготовленное Норой блюдо. Попутно она спросила, что я так увлеченно читал в гостиной, и я ответил, что это была какая-то старая статья про лососей.

— А ты любишь ловить рыбу? — неожиданно спросила она.

— Обожаю, — признался я, немного солгав. Но этот вопрос так напомнил мне мои отношения с Норой, что я решил продолжить тему: — Понимаешь, в чем дело? Когда ты наконец вытаскиваешь на берег огромную рыбину, ту самую, ради которой потратил много сил и времени, то начинаешь просто визжать от восторга. Это мгновение оправдывает все затраты.

— А куда ты обычно едешь на рыбалку?

— Хм, в наших краях есть немало хороших озер и речушек. Можешь мне поверить, здесь действительно можно поймать крупную рыбу. Однако ничто не может сравниться с рыбалкой на островах — на Ямайке, например, Сен-Томасе или Каймановых. Могу предположить, ты не раз бывала в тех местах?

— Бывала. Кстати, совсем недавно я ездила на Каймановы острова.

— Отпуск?

— Нет, кое-какие дела.

— Правда?

— Я занималась интерьером пляжного дома одного крупного финансиста. Это прекрасное место на берегу океана.

— Не сомневаюсь, — сказал я, кивая и проглатывая очередной кусок гребешка. — Кстати, очень вкусное блюдо.

— Я рада, что угодила тебе. — Нора протянула руку и положила ее на мою. — Ну что, тебе нравится здесь со мной?

— Очень.

— Вот и хорошо, а то я немного волновалась, когда ты сказал недавно, что я могла бы стать твоим постоянным клиентом.

— Ну, знаешь, это имеет непосредственное отношение к нам, — глубокомысленно заметил я. — Ведь если бы не внезапная смерть Коннора, мы бы никогда не оказались в этом чудном домике.

— Что верно, то верно. Не стану спорить с этим. Однако... — Ее голос вдруг затих.

— Что ты хотела сказать?

— Что-то такое, чего, вероятно, говорить не следует.

— Все в порядке, — сказал я и демонстративно огляделся вокруг. — Разве здесь есть еще кто-нибудь, кроме нас?

Она едва заметно улыбнулась:

— Мне бы не хотелось показаться бесчувственной, но за долгие годы своей профессиональной работы я узнала одну интересную вещь — на самом деле можно влюбиться не в один, а в несколько домов. Тебе не кажется наивной мысль, что нечто подобное может произойти и между людьми?

Я пристально посмотрел в ее глаза. Что она хотела этим сказать? И что все это значит?

— Нора, ты действительно считаешь, что любишь меня?

Она выдержала мой взгляд.

— Думаю, что да, — тихо сказала Нора. — Думаю, что я действительно влюбилась в тебя. А ты считаешь, что это плохо?

Я слушал ее слова, а думал о другом. В этот момент внутри меня что-то перевернулось, заныло в животе, а все тело пронзила нестерпимая боль.

Вдруг мне стало плохо. Неужели это своеобразная реакция на ее слова? «Возьми себя в руки, О'Хара».

Я вдруг вспомнил, что нечто подобное произошло со мной в доме Коннора, когда она угощала меня омлетом. Как я могу сейчас винить ее за испорченный гребешок? Конечно, я промолчал, надеясь, что скоро все это пройдет. Должно пройти.

Но не прошло.

Вскоре я уже с трудом соображал, что происходит вокруг, не мог произнести ни слова и даже дышать не мог как следует.

Нора сидела на стуле и молча смотрела, как О'Хара сначала дернулся, а потом рухнул вниз, гулко ударившись головой о грубый деревянный пол. Над его правым глазом образовалась глубокая рана, из которой на пол стали стекать капельки крови. Удар был очень сильным, но О'Хара уже не реагировал на него. В этот момент ее недавнего любовника больше беспокоила мысль о том, что происходит внутри него.

Они все вели себя примерно так же.

И все же О'Хара выгодно отличался от них хотя бы тем, что все еще отчаянно боролся за жизнь. Джеффри, Коннор и даже ее бывший муж Том Холлис — все они быстро сдавались и уходили в небытие, а этот все еще трепыхался. Нора понимала, что испытывала к человеку, которого знала под именем Крейг Рейнолдс, самые серьезные чувства. Он был хорошо сложен, красив, остроумен, умел произвести благоприятное впечатление, а по уму не уступал даже ей самой. Словом, он был лучше всех остальных и вызывал у нее искреннюю симпатию, но тем не менее она не могла не расстаться с ним подобным образом. «Все шло именно к этому, — думала она, — и уже ничто не могло остановить естественный ход событий».

А он тем временем корчился на полу, задыхаясь от нехватки воздуха и собственной рвотной массы. В какой-то момент О'Хара даже попытался встать на ноги, но не смог. Сначала Нора подумала, что первоначальная доза была для него слишком малой, но сейчас она видела, что переборщила с ядом.

Нора сделала вид, будто не понимает, что с ним происходит. Ей очень хотелось, чтобы он видел ее сострадание и желание во что бы то ни стало оказать ему помощь.

— Крейг, подожди минутку, сейчас все будет нормально, — пролепетала она. — Сейчас я помогу тебе.

Она поспешила к раковине, наполнила стакан водой, а потом незаметно высыпала в него белый порошок, который незадолго до этого достала из кармана. Вода в стакане вспучилась мелкими пузырьками, как шампанское, а потом успокоилась. Нора повернулась назад и обомлела — О'Хары там не было!

«Куда он запропастился?»

Понятно, что О'Хара не мог далеко уйти. Она сделала несколько шагов и вдруг услышала, как в противоположном конце гостиной хлопнула дверь и щелкнул замок. Значит, он решил спрятаться от нее в ванной комнате. Нора опрометью бросилась к ванной со стаканом в руке:

— Эй, дорогой, как ты себя чувствуешь? Крейг, ты слышишь меня?

Из ванной доносились булькающие звуки, из чего она сделала вывод, что его выворачивало наизнанку. Бедняжка. Впрочем, для нее это хороший знак. Значит, он уже был готов для последней капли. Сейчас главное — убедить его открыть замок.

Она мягко постучала в дверь:

— Милый, я принесла тебе лекарство. Выпей, и все сразу же пройдет. — Он не ответил, и она снова постучала в дверь. — Открой, пожалуйста.

Через пару минут он вдруг ответил ей:

— Как бы не так!

— Крейг,пусти меня, — продолжала упрашивать Нора. — Надо только выпить лекарство, и тебе сразу же станет легче. Это лучшее средство от боли.

— Да пошла ты со своим лекарством!

Нора недовольно поморщилась: «Значит, ты решил поиграть со мной? Ладно, пусть будет так».

— Ты уверен, что не хочешь открыть мне дверь, О'Хара? — Нора напряженно вслушивалась в наступившую за дверью тишину, представляя его перекошенное от удивления лицо. О, как бы ей хотелось видеть его в эту минуту! Насладившись произведенным впечатлением, она решила продолжить игру: — Ведь это твое настоящее имя, разве не так, Джон О'Хара?

Эта фраза наконец-то разорвала мертвую тишину.

— Да! — гневно заорал он из ванной. — Джон О'Хара, агент ФБР.

Теперь уже Нора вытаращила от удивления глаза, но быстро справилась с собой и нарочито громко рассмеялась, чтобы продемонстрировать, что не верит ни единому его слову.

— Правда? Я поражена! Вот видишь, я была права, когда говорила, что такой человек, как ты, не может быть простым страховым агентом. Я думаю...

О'Хара оборвал ее на полуслове набирающим силу голосом:

— Все кончено, Нора. Я знаю о тебе практически все и твердо намерен выжить, чтобы рассказать о твоих преступлениях. Ты убила Коннора из-за его денег, как, впрочем, и своего первого мужа.

— Ты лжешь! — яростно выпалила она.

— Нет, это ты лжешь, Нора. Или сейчас тебя можно назвать Оливией? Как бы там ни было, можешь помахать ручкой всем своим денежкам, которые ты так бережливо припрятала на Каймановых островах. Но ты не волнуйся: там, куда ты скоро отправишься, бесплатное жилье и бесплатная еда.

— Никуда я пока не собираюсь! — продолжала неистовствовать Нора. — Это ты отправишься к праотцам.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ехидно заметил он. — А сейчас извини, мне нужно срочно позвонить кое-куда.

Нора прильнула к двери, пытаясь определить, какой он набирает номер. По тональности звуков она сообразила — девятьсот одиннадцать.

— Ты идиот! — выкрикнула она, громко смеясь. — Ты что, забыл, где мы находимся? Мы вне зоны мобильной связи!

Теперь уже О'Хара ответил ей громким смехом:

— Это ты так думаешь, моя милая.

Я растянулся на холодном полу ванной комнаты, покрытый пятнами крови, блевотиной и еще какой-то густой жидкостью из желудка, которую не видел никогда в жизни. И все же я ощущал себя счастливым, как свинья в собственном дерьме. Не важно, что меня все еще тошнило, выворачивало наизнанку и крючило от боли. Самое главное — я жив.

И к тому же с телефоном.

Я быстро набрал девять-один-один и стал ждать ответа. Спутниковая связь давала мне надежду на спасение. Мне необходимо было дать им правильное местонахождение этой хижины. Услышав женский голос, я сразу же представился.

— Джон О'Хара, агент ФБР, я сейчас...

— Буду застрелен!

Громыхнул выстрел, и мелкие щепки от деревянной двери разлетелись по полу. Пуля просвистела у моего уха и застряла в деревянной стене позади меня. Все произошло мгновенно, но в моем сознании это выглядело как при замедленной съемке.

Пока не прозвучал второй выстрел. На сей раз мне повезло гораздо меньше, чем после первого. Пуля впилась мне в плечо, разворотив там все на свете. Я растерянно посмотрел на дыру в рубашке и увидел, как оттуда фонтаном брызнула кровь. «Черт возьми, она попала в меня!»

Телефон выпал из моей руки, а я замер на какое-то мгновение, не находя в себе сил пошевелиться. Еще чуть-чуть, и она действительно отправила бы меня на тот свет. В этот момент сработал инстинкт самосохранения. Я быстро перевалился на бок и отполз подальше от двери, из зоны поражения.

Прозвучал третий выстрел. Пуля сорвала нижнюю планку двери и врезалась в то самое место, где я только что находился. Если бы я не отполз, она угодила бы прямо в грудь.

— Ну, как тебе это нравится, О'Хара?! — истерично завопила Нора из-за двери. — Это мой самый надежный страховый полис!

Я благоразумно промолчал, понимая, что по голосу она может определить, где я сейчас нахожусь. Мне казалось, что Нора скажет еще что-нибудь, но она молчала. Единственный сдавленный звук исходил сейчас от моего лежавшего на полу спутникового телефона:

— Сэр? Вы слышите меня? Что случилось?

Однако я уже не слушал этот шипящий голос. Сейчас мне было не до телефона. Я медленно подтянул левую ногу и задрал штанину. Конечно, я не взял с собой зубную щетку, но зато прихватил кое-что более важное — маленький девятимиллиметровый пистолет «беретта». Осторожно расстегнув кобуру, я вынул пистолет и проверил, все ли в порядке. Теперь я мог спокойно ждать, когда она попытается ворваться в ванную, чтобы встретиться ее во всеоружии.

«Ну где же ты, Нора, любовь моя?»

В доме стояла гробовая тишина. Даже мой телефон замолчал. Ничего страшного, я назвал им свое имя и место работы, и теперь все зависит от расторопности оператора. А местонахождение можно без особого труда определить по навигационной спутниковой системе. Если эта женщина сообразит, то сразу же сообщит своему начальнику, тот немедленно свяжется с дежурным офицером ФБР, а уж там быстро определяют место происшествия по тем сигналам, которые поступили из встроенного в мой телефон прибора ГСН — глобальной системы навигации и определения местоположения. После этого они свяжутся с ближайшим отделением полиции и дадут соответствующие указания. Все очень просто.

Гораздо сложнее другое — остаться в живых до того момента, когда сюда приедет полиция.

Немного успокоившись, я попытался встать на ноги, но как можно тише. Это оказалось делом непростым, так как все тело пронизала острая боль в плече. Я тихонько подошел к двери и прижался к стене. Одной рукой я крепко держал пистолет, а другой потянулся к дверной ручке. Надо было во что бы то ни стало выяснить, где сейчас Нора. Если она все еще за дверью, то мне придется стрелять на поражение, чего мне очень не хотелось. К счастью, дверь в ванную открывалась наружу, в сторону гостиной.

Три, два, один. Собрав все свои силы, я толкнул здоровым плечом дверь, и она распахнулась. Я выставил вперед руку с пистолетом и осторожно вышел из ванной, готовый к внезапному нападению. Повернув пистолет вправо, влево, я чуть было не выстрелил в свое отражение в зеркале.

Норы в гостиной не оказалось.

Я осторожно подошел к кухне и застыл на мгновение.

— Нора, я тоже вооружен! — крикнул я громко. — Но не хочу убивать тебя!

Ответа не последовало.

Кухня была в двух шагах от меня, и я отчетливо услышал какое-то движение. Точнее, это были легкие шаги и скрип старых половиц. Значит, она находилась там и ждала меня с пистолетом в руке. Я открыл рот, чтобы сказать ей еще пару слов, но не смог этого сделать. Наступила такая слабость во всем теле, что я невольно прислонился к стене и попытался собраться с силами, чтобы удержаться на подкашивающихся ногах и не рухнуть на пол. Только этого сейчас недоставало.

Скрип половиц продолжался, но я не мог определить направление движения Норы. Если она идет ко мне, то это совсем плохо. На всякий случай я поднял руку с пистолетом и с ужасом заметил, как ствол прыгал в дрожащей руке. «Господи, О'Хара, неужели это конец?»

Скрип становился громче, постепенно перерастая в треск. И тут я с ужасом понял, что на самом деле это не шаги Норы, а треск горящего дерева. Запах дыма помог мне сообразить, что происходит.

Я подошел к кухонной двери и заглянул внутрь. Кухня была заполнена дымом, который валил от раскаленной плиты. А на ней стояла объятая пламенем кастрюля с рисом.

В этот момент где-то неподалеку послышался хлопок. Я вздрогнул и резко повернулся на звук. Похоже, что хлопнула входная дверь. Неужели Нора решила оставить меня в покое и удрать?

Я вышел из домика в тот самый момент, когда громко заурчал мотор ее «бенца». Оступившись на первой ступеньке крыльца, я упал и покатился вниз, вскрикивая от нестерпимой боли в плече. Пока я поднимался на ноги, Нора уже выринула на дорогу и обернулась назад. На какое-то мгновение наши глаза встретились.

— Нора, остановись!

— Да, сейчас, О'Хара! Я должна остановиться во имя нашей любви?

Я поднял руку с пистолетом, но она так сильно дрожала, что я никак не мог прицелиться.

— Нора! — закричал я из последних сил.

Но она уже мчалась вдаль по грязной дороге. Я понял, что Нора сейчас исчезнет, и два раза выстрелил ей вдогонку.

А потом все вдруг потемнело у меня в глазах.

Этот сгоревший на плите рис был похож на сухие ароматные листья. Когда я пришел в себя и открыл глаза, то увидел двоих полицейских. Они явно были из местного отделения, и старший из них старательно накладывал бинтовую повязку на мое плечо, в то время как младший коп лет двадцати пяти удивленно таращился на меня, будто не верил своим глазам. В его взгляде ясно читалось, что он думал обо мне в этот момент: «Эй, парень, что с тобой случилось, черт возьми?!»

Однако я первый задал им вопрос:

— Вы задержали ее? — осведомился я слабым голосом.

— Нет, — спокойно ответил старший коп, — ведь мы не в курсе, кого именно нужно было задержать. Единственное, что мы знаем на данный момент, — это ее имя. Что же до всего остального — куда она уехала, какова ее внешность и марка автомобиля, на котором эта баба умчалась, — мы понятия не имеем.

Я медленно объяснил им все, что считал нужным, дал довольно подробное описание Норы, а потом столь же подробно обрисовал автомобиль марки «мерседес-бенц» с открытым верхом. Кроме того, я дал им адрес дома Коннора и добавил при этом, что она вряд ли появится там в ближайшее время. Было бы полным безумием с ее стороны возвращаться в дом, где ее уже могли ждать полицейские.

Младший коп достал рацию и передал кому-то всю полученную информацию и только после этого вызвал для меня «скорую помощь».

— Вообще говоря, они должны быть здесь уже сейчас, — недовольно заметил он. — Мы вызвали их с самого начала.

— Я никогда не был тем человеком, к которому подобные службы приезжают в первую очередь, — проворчал я.

Старший коп тем временем закончил перевязывать мне плечо и облегченно вздохнул.

— Ну вот, все нормально, остальное должны сделать врачи, когда приедут.

Я поблагодарил полицейского, а заодно и его напарника. В этот момент мне в голову пришла мысль, что они чем-то напоминают отца и сына. Я заинтересовался этим обстоятельством и получил утвердительный ответ. Офицеры полиции Уилл и Митч Крэйвенс вполне соответствовали идеальному представлению о полицейской династии в небольшом провинциальном городке.

Я попытался встать на ноги, но они дружно запротестовали и посоветовали мне этого не делать. Я не стал с ними спорить и остался лежать на земле.

— Мне нужен мой телефон, — слабым голосом произнес я.

— Где он? — спросил Митч Крэйвенс. — Я сейчас принесу вам его.

— Где-то в ванной комнате, но прежде вы должны погасить огонь на кухне.

Митч кивнул своему отцу:

— Я сейчас вернусь.

Когда он ушел, я вдруг вспомнил слова Норы о том, что этот домик подарил ей один из ее бывших клиентов.

— Эй, Уилл, может быть, ты и знаешь эту самую Нору Синклер. Ведь это ее дом. Она получила его от какого-то бывшего клиента, который недавно умер.

— Это она сама вам сказала? — По его интонации я сразу понял, какой вопрос последует далее. — Она сообщила вам имя своего бывшего клиента?

— Нет, но у нее были ключи от этого дома.

Уилл покачал головой:

— Этот дом принадлежит парню по имени Дэйв Хэйл. Не знаю точно, был ли он ее клиентом или нет, но смею заверить вас, что Дэйв в полном здравии.

— А ты не знаешь, он богат или нет?

Уилл равнодушно пожал плечами:

— Думаю, что да. Я видел его всего пару раз. Он живет где-то на Манхэттене. А в чем дело? Вы что, полагаете, его жизнь в опасности?

— Думаю, что была до сегодняшнего дня. Сейчас его жизни уже ничего не угрожает.

Митч вернулся из дома с моим телефоном в руке:

— Нашел.

Я взял у него телефон, открыл крышку, но не успел набрать номер, как неожиданно раздался звонок. Сьюзен опять опередила меня.

— Алло?

— Ты трахался не с той девушкой, О'Хара, — слышался знакомый женский голос. — На этот раз ты по уши вляпался в дерьмо...

Голос Норы Синклер оказался настолько спокойным и невозмутимым, что мне впервые стало страшно. В нем не было никакой истерики, никакой растерянности, только зловещие нотки, от которых кровь в жилах стыла.

— Так вот, О'Хара, — продолжала она, — сейчас я нанесу тебе удар в самое сердце, в то место, где ты на самом деле живешь. — Она сделала паузу. — Как называется этот район? Риверсайд, кажется?

Вначале в трубке слышались гудки, а потом она выпала из моей руки. Я с трудом попытался подняться на ноги, но не смог сделать этого самостоятельно, и тогда оба полицейских бросились мне на помощь.

— Что случилось? — первым опомнился Митч.

— Моя семья, — выдавил я. — Она угрожает моей семье.

Они мгновенно все поняли. Конечно, это понял бы любой полицейский, но Уилл и Митч Крэйвенс поняли все очень быстро и так, как надо. Они поняли, что нет смысла ждать машину «скорой помощи», а надо спасать невинных людей. Кроме того, они поняли, что я скорее умру от потери крови, чем буду терять драгоценное время в этом глухом лесу.

Собравшись с силами, я забрался на заднее сиденье их патрульной машины. Митч сел за руль, а его отец стал связываться по радио с полицейским участком в Риверсайде, чтобы местные копы как можно скорее оцепили дом. Я же тем временем пытался дозвониться до своей семьи по телефону.

— Ну где же вы, снимите трубку, — бормотал я себе под нос, вслушиваясь в гудки. Ответа все не было. — Черт возьми! Никто не отвечает!

Наконец-то включился автоответчик, и я оставил срочное сообщение бывшей жене, чтобы она забрала ребят, укрылась у соседей и ждала приезда полиции. А в голове моей тем временем пронеслись самые ужасные мысли и предположения. Где сейчас Нора? Откуда она узнала о моем доме? Успела она добраться туда?

Уилл выключил радиостанцию и повернулся ко мне.

— Полиция Риверсайда будет там с минуты на минуту. — Он кивнул на мой телефон. — А вам не удалось дозвониться до них?

— Нет, — угрюмо буркнул я.

— У них есть мобильник?

— Как раз пытаюсь дозвониться.

Я набрал номер, но в ответ получил лишь голосовую почту. Мне ничего не оставалось делать, как оставить сообщение: «Это Джон, все немедленно уходите из дома! Если же вас нет в доме, то даже не приближайтесь к нему».

Откинувшись на спинку сиденья, я громко застонал. Все мои попытки взять себя в руки и выбросить из головы дурные мысли успеха не имели. У меня даже в глазах потемнело от ужасных предчувствий.

— Быстрее, парни!

Однако мы и так уже мчались со скоростью более восьмидесяти миль в час. Вскоре мы пересекли границу штата Коннектикут и свернули на юг — по направлению к Риверсайду. Когда чувство беспомощности вконец одолело меня, в голову вдруг пришла отчаянная мысль — позвонить Норе. Может быть, именно этого звонка она ждет сейчас от меня. Может быть, ее угроза на самом деле представляет собой хитроумную попытку напугать меня, вытрясти всю душу, и не более того. Вот сейчас я позвоню ей, и она злорадно рассмеется, удовлетворившись моим страхом за судьбу близких. Может быть, Нора скажет, что Риверсайд — всего лишь шутка, а на самом деле она едет совершенно в противоположном направлении.

Если бы это так и было.

Я набрал ее номер и стал ждать ответа. После десятого гудка я понял, что все надежды на благополучный исход дела обречены на провал. Нора не отвечала.

В этот момент сухо крикнула полицейская радиостанция. Копы из Риверсайда сообщили, что они уже возле дома, дверь заперта, в отдельных комнатах горит свет, но ничего подозрительного патрульный поблизости не заметил.

Я посмотрел на часы: десять минут десятого. В это время моя семья обычно дома, так как дети укладываются спать в девять часов.

Уилл включил передатчик.

— И никаких признаков насильственного вторжения или взлома?

— Никаких, — последовал ответ.

— А вы проверили у соседей? — спросил Митч, притормаживая патрульную машину перед резким поворотом.

— Вероятно, она пошла с детьми к Пикотсам, — предположил я. — Майк и Марги Пикотсы — наши старые друзья, которые живут как раз напротив нашего дома.

— Мы все проверим, — пообещал патрульный. — А вы где сейчас находитесь?

— В десяти минутах езды от Риверсайда, — ответил Митч.

— Агент О'Хара, вы тоже там? — спросил патрульный.

— Да, здесь.

— Если вы не против, я бы хотел сорвать дверной замок и войти в дом, чтобы убедиться, что там действительно никого нет. Вы позволите?

— Разумеется, — быстро ответил я. — Можете сделать это с помощью топора.

— Понял.

Его голос пропал в треске и шуме.

Я поймал взгляд Митча в зеркале.

— Знаю, знаю, — улыбнулся тот, — я и так выжимаю из нее все, что можно.

Митч гнал машину с такой бешеной скоростью, что вместо десяти минут потратил на дорогу только пять. Мы подъехали к моему дому и остановились в пятидесяти футах от него. Вся улица была освещена огнями полицейской патрульной машины, а темноту ночи то и дело прорезали красные и синие вспышки проблесковых маячков. Неподдалеку стояла группа соседей, наблюдавших за происходящим и не скрывавших своего удивления по поводу того, что творилось возле дома Джона О'Хары.

К счастью, ничего страшного там не происходило. Я выскочил из машины и бросился в дом, где в прихожей наткнулся на четырех полицейских. Они только что закончили осмотр дома.

— Пусто, — сказал мне один из них.

Я вошел на кухню. В раковине находилась груда грязной посуды. Значит, они успели поужинать. Я проверил телефон, который висел на стене рядом с холодильником, но на автоответчике было только мое сообщение.

Все полицейские, включая Митча и Уилла, собрались в моем кабинете, и я вскоре присоединился к ним.

— Нам нужен план действий, — сказал я, — но мне ничего хорошего в голову не приходит. Я вообще сейчас далеко не в лучшей форме.

Первым отреагировал темноволосый офицер по имени Николо. Он сообщил, что ориентировка на красный «мерседес» Норы уже разослана во все три соседних штата. Предупреждены также все постовые службы и полицейские подразделения в местном аэропорту. Когда он сказал, что собирается превратить этот дом в своеобразный командный пункт, меня вдруг осенило. Надо осмотреть гараж и выяснить, не пропал ли мини-фургон. Я уже собрался это сделать, как вдруг послышался общий вздох облегчения. Я повернулся в сторону двери и понял, в чем его причина.

На пороге комнаты стояли Макс, Джон и их мать. Увидев полицейских, они застыли от удивления и даже потеряли дар речи. У ребят в руках были конусы мороженого «Баскин-Робинс». А после того как они увидели, в каком состоянии находился я, у них даже глаза на лоб полезли. Я бросился к ним, крепко обнял всех троих и так разволновался, что даже не услышал телефонный звонок.

Митч Крэйвенс подошел к телефону, но отец остановил его жестом руки. Уилл осторожно снял трубку и нажал на кнопку громкой связи.

— Прекрасно, что у меня уже есть своя аудитория, — послышался сдержанный голос Норы. Полицейские переглянулись, словно желая убедиться, что она не преувеличивает насчет аудитории, потом напряженно посмотрели на меня. Однако на этот раз Нора звонила не мне.

— Я знаю, что вы там, миссис О'Хара, — продолжала Нора тем же спокойным тоном. — Я просто хочу сообщить вам некоторые интересные подробности. Я много раз трахалась с вашим мужем. А вот теперь желаю вам приятного вечера.

Послышались гудки. В комнате воцарилась гробовая тишина. Я вздохнули посмотрел жене в глаза. Точнее сказать, бывшей жене, так как мы развелись почти два года назад.

Она горестно покачала головой:

— И ты еще удивляешься, почему мы разошлись с тобой, кобель несчастный!

— Послушай, Фицджералд, я не узнаю тебя без твоего потрепанного рюкзака, — сказал Турист.

— Очень смешно, О'Хара, — ответила она. — Знаешь, я так и не успела поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь возле Центрального вокзала. Так что прими мою благодарность. Думаю, что я и сама справилась бы с ним, но, может быть, и нет.

Турист сидел за одним столиком с той самой симпатичной девушкой, которая была захвачена в качестве заложницы Толстяком возле Центрального вокзала, когда он застрелил его и прихватил чемодан с дискетой. Они сидели в буфете аэропорта Ла-Гуардиа и ждали шантажиста или продавца, который должен был появиться с минуты на минуту. Если, конечно, все пойдет по плану.

— Тебе не кажется, что только полный идиот может явиться сюда? — спросила девушка. — Я имею в виду продавца.

О'Хара отхлебнул кока-колу из огромного бумажного стакана, которую только что купил в «Макдоналдсе».

— Придет, если, конечно, хочет получить обратно свои деньги, в чем я нисколько не сомневаюсь. Два миллиона долларов — хороший повод, чтобы явиться за ними.

Фицджералд нахмурилась и покачала головой.

— Предположим, продавец не рискнет явиться сюда, что мы будем делать тогда? Почему мы должны быть уверены в том, что он бросит все свои планы? Ведь у него могут быть копии? Тебе не кажется, что он может попытаться устранить нас?

— Ты хочешь сказать, что он поступит с нами так же, как мы с ним возле Центрального вокзала? Точнее сказать, не с ним, а с его дружкой?

— Не забывай, что мы имеем дело с отъявленным мерзавцем, который не остановится ни перед чем.

— Думаю, что справлюсь с ним. — И тут О'Хара тихо шепнул ей на ухо: — Он идет. Причем на этот раз он пришел лично. Мы уже неплохо узнали его.

Фицджералд все еще не понимала сути происходящего.

— Почему он пришел? Он что, не знает, что это может быть ловушка?

О'Хара склонился к ней:

— А ты сама спроси его об этом. Клянусь: у него есть хороший ответ.

К их столику быстрым шагом подошел парень лет тридцати в синем деловом костюме, темных очках и с дипломатом в руке. Он молча уселся напротив них и сразу же перешел к делу.

— Надеюсь, на этот раз вы принесли деньги?

О'Хара покачал головой:

— Нет, никаких денег у нас нет. Только ты не дергайся, все вокруг оцеплено нашими людьми. Они внимательно наблюдают за нами и щелкают фотографии для «Ю-Эс-Эй тудэй» и «Тайм». Так что можешь увидеть себя в последнем выпуске новостей.

— Ты совершаешь большую ошибку, мой друг, — сквозь зубы процедил делец. — Тебе конец.

Он попытался встать, но О'Хара усадил его на место.

— Мы так не думаем, — спокойно отреагировал он. — А сейчас слушай меня внимательно, так как речь пойдет о сделке. Ты не получишь денег за те файлы, которые украл, а потом попытался впарить нам. И ты уйдешь отсюда целым и невредимым, но только в том случае, если оставишь здесь свой дипломат и все копии, которые ты сделал. Нам известно, кто ты такой,

агент Вайзелтир. И если ты хоть когда-нибудь попытаешься наехать на нас или рассказать кому-нибудь о нашем разговоре, тебе конец. Мы тебя ликвидируем, о чем я говорю тебе со всей серьезностью. В этом суть сделки. Неплохо, не правда ли? — О'Хара угрюмо уставился на парня в синем костюме по имени Вайзелтир, который работал аналитиком в Квонтико^[14] и воровал секретную информацию о банковских вкладчиках. — Ты понял меня? Ты все понял?

Вайзелтир медленно покачал головой.

— Да, я понял, что вы не хотите, чтобы я предстал перед судом, — тихо сказал он. — Вы просто не можете допустить, чтобы я рассказал об этом на суде.

О'Хара пожал плечами.

— Если ты снова выйдешь на нас, мы тебя прикончим, вот и все. Я хочу, чтобы ты понял именно это. — И тут он резко ударил Вайзелтира в челюсть. Тот с трудом удержался на стуле. — Это тебе в отместку за то, что ты пытался сделать со мной с помощью парня из пиццерии. А сейчас проваливай ко всем чертям. Только оставь свой дипломат.

Вайзелтир встал, потирая рукой покрасневший подбородок, и медленно побрел прочь. Вот и все.

«Нет, еще не все», — подумал О'Хара, глядя ему вслед. Вайзелтир слишком много знает, и нет никакой гарантии, что он не попытается использовать эту информацию в корыстных целях. Турист открыл дипломат, тщательно осмотрел содержимое, повертел в руке флэшку, затем просмотрел подборку материалов из «Нью-Йорк таймс» и лишний раз убедился, что речь идет о сумме, превышающей миллиард. Точнее — миллиард двести тысяч долларов.

Вполне может быть, что лично для него это хорошая новость.

А может быть, и нет.

«Вещи не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд».

— О'Хара!

— Сьюзен, рад тебя видеть.

— Даже при нынешних обстоятельствах?

— При любых обстоятельствах.

Мы направлялись с ней в офис Фрэнка Уолша, расположенный на двенадцатом этаже здания ФБР в самом центре Манхэттена. Мы работали под его начальством, хотя, как правило, в совершенно разных подразделениях, а Фрэнк Уолш контролировал несколько департаментов нью-йоркского отделения ФБР.

— Сьюзен, Джон, — приветливо улыбнулся он, когда мы вошли в его кабинет. Он всегда отличался редким для его профессии добродушием и часто улыбался во весь рот, демонстрируя прекрасные зубы.

Вскоре мы перенесли разговор в конференц-зал.

— Я бы с удовольствием подышал с вами свежим воздухом хотя бы часок, — сказал Уолш, — но сегодня у меня на счету каждая минута. Может быть, поужинаем в «Ниари» через пару дней. Сьюзен, прости, но я не могу пригласить тебя на заседание комиссии.

— Разумеется, — ответила та. Она не считала Фрэнка слишком умным человеком, но мирилась с этим.

— Итак, давай приступим к делу, — сказал Уолш, когда мы вошли в соседнюю комнату. — Члены дисциплинарной комиссии уже собрались и готовы к слушаниям.

Комната была крайне неуютной и неудобной, а ее выкрашенные в тусклый цвет стены будто укоряли приглашенного на разборку: «Как же тебе не стыдно!» Все здесь говорило о том, что провинившегося надо поставить на место.

Я уселся на одиноко стоявший перед членами дисциплинарной комиссии стул и поежился. После той ночи, когда Нора ускользнула от меня, я успел побывать в госпитале, а потом приводил себя в порядок в течение всей следующей недели и немного подлечил раненое плечо. Сейчас мне предстояло ответить за все свои поступки, включая, разумеется, и инцидент в кафе аэропорта Ла-Гардиа. Я знал, что члены дисциплинарной комиссии желали мне добра и дали возможность собраться с мыслями, прежде чем надрать мне задницу.

Фрэнк Уолш начал свой доклад с краткого обзора всей моей предыдущей деятельности. Члены комиссии внимательно слушали, а стоявший перед Фрэнком магнитофон тщательно фиксировал каждое его слово.

— Агент Джон Майкл О'Хара... служил в звании капитана в армии США... работал офицером полицейского департамента Нью-Йорка... дважды награжден... В настоящее время является специальным агентом департамента ФБР по борьбе с терроризмом и состоит в штате отдела по расследованию финансовых операций террористических групп... Провел несколько важных секретных операций...

— Фрэнк? — прервал его Эдвард Уойнтман, весьма солидный мужчина, сидевший в крайнем правом углу стола. Помимо работы в дисциплинарной комиссии он возглавлял отдел по расследованию серийных убийств и прослыл ревностным защитником своих профессиональных прерогатив. — Объясни мне, пожалуйста, как случилось, что расследованием дела Синклер стал заниматься агент О'Хара?

Я с трудом сдержал ухмылку. На самом деле вопрос Уойнтмана означал одно: «Какого черта мне не сообщили об этом деле?»

Фрэнк Уолш насупился. Все прекрасно понимали, что в любой крупной компании, не

говоря уж о правительственном агентстве, левая рука, как правило, не знает, что делает правая. Однако в этом случае подобная несогласованность не могла не вызывать определенные подозрения. Получалось, что правая рука не знала даже то, чем занимается один из ее пальцев.

После непродолжительной паузы Уолш протянул руку и выключил магнитофон. Теперь он почувствовал себя гораздо комфортнее.

— Это целая история, Эд, — сдержанно улыбнулся он. — Мы давно уже сотрудничаем с департаментом по борьбе с терроризмом и Министерством национальной безопасности по проблеме постоянного мониторинга крупных финансовых трансфертов в страну и за границу. — Уойнтман открыл было рот, чтобы сказать что-то вроде: «Что ты имеешь в виду под постоянным мониторингом?» Но Уолш остановил его жестом руки. — К сожалению, Эд, по известным тебе причинам, я ничего не могу добавить к сказанному. — Он замолчал и прокашлялся. — Как бы там ни было, некоторое время назад мы получили информацию о крупном денежном переводе от имени Коннора Брауна из Уэстчестера. Дальнейшее расследование продемонстрировало весьма странное совпадение. Невеста этого парня по имени Нора Синклер была замужем за одним доктором из Нью-Йорка, который умер примерно такой же загадочной смертью. А он был довольно известным кардиологом. Мы облегченно вздохнули, так как стало ясно, что Нора Синклер не имеет никакого отношения к терроризму. Это была хорошая новость для нас. А плохая заключалась в том, что Нора Синклер могла быть причастной к этим двум таинственным смертям. — Уойнтман снова открыл рот с намерением задать все тот же вопрос. Являясь начальником отдела по расследованию серийных убийств, он был абсолютно уверен в том, что данное дело так или иначе должно пройти через него. Однако Уолш снова остановил его. — Проблема в том, Эд, — сказал он, — что мы не могли передать это дело твоему отделу до тех пор, пока не получим доказательства, что Нора Синклер действует по собственному усмотрению и в своих корыстных целях. Вполне могло оказаться, что она является частью какой-то грандиозной операции с целью финансирования террористических групп. Короче говоря, мы поручили это дело агенту О'Харе, поскольку он был хорошо подготовлен к обоим возможным вариантам. В течение четырех лет О'Хара работал тайным агентом полицейского департамента Нью-Йорка и в этом качестве мог быть чрезвычайно полезен для расследования совершенных Норой Синклер убийств, если бы таковые действительно имели место. Кроме того, О'Хара не раз занимался распутыванием различных финансовых махинаций. — Фрэнк Уолш сделал паузу и оглядел присутствующих. — Иначе говоря, он был наиболее подходящей фигурой для этого дела, и нам казалось, что мы можем использовать его умную голову. — После этих слов он недовольно зыркнул на меня и снова включил магнитофон.

Затем все пошло по давно заведенному порядку. В течение часа я отвечал на самые разнообразные вопросы, касающиеся преступной деятельности Норы Синклер, и вынужден был обосновывать каждое свое решение и доказывать правильность каждого своего шага. Причем больше всего членов комиссии интересовало не то, что я сделал, а то, чего я по каким-то причинам не сделал. Они были крайне недовольны моим поведением, считали его неподобающим и всеми силами старались обвинить меня во всех смертных грехах.

Когда все это наконец-то закончилось, Уолш поблагодарил всех за участие, и члены комиссии покинули комнату. Я решил, что могу последовать их примеру, но в самый последний момент Уолш приказал мне остаться.

Нас осталось только трое — Уолш, я и магнитофон. В комнате воцарилась мертвая тишина. В течение двадцати или тридцати секунд Уолш молча смотрел на меня, не произнося ни слова.

— Я должен что-то сказать? — наконец нарушил я гнетущую тишину.

Он покачал головой:

— Нет.

— В таком случае, может, вы должны что-то сказать?

— Думаю, что нет. Но я должен задать тебе один вопрос. — Он откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки и продолжал пялиться на меня. — Ты понимаешь, что я жду звонка сверху?

Ему не удалось сыграть роль ничего не понимающего чиновника.

— Почему вы так считаете?

— Ты понимаешь, что они закопают меня? — спросил он, медленно покачивая головой. — Ты достаточно умен, чтобы понять такую простую вещь.

— Полагаю, это самый худший комплимент из всех, которые мне доводилось слышать от своего начальства.

Он проигнорировал мой сарказм.

— Тебя в буквальном смысле поймали со спущенными штанами, но мое чутье подсказывает, что ты каким-то образом успел прикрыть свою задницу.

Я предпочел не отвечать сразу же на этот вопрос. Мне хотелось узнать, не захочет ли он продолжить свою речь и в конце концов обнаружить источник информации. Но он этого не сделал.

— Вы льстите мне, Фрэнк.

— Не стоит пудрить мне мозги, — поморщился он. — Это написано на твоём лице. — Уолш помолчал и добавил: — Сейчас все кончено, и никто не сможет предъявить тебе каких-то претензий, хотя ты действительно оказался по уши в дерьме.

— Согласен.

Он захлопнул папку с бумагами.

— Ты свободен.

Я встал.

— Только еще одно, О'Хара.

— Что?

— Я знаю все насчет твоих тайных дел. Знаю это с самого начала. Я в курсе всех событий и знаю, что ты тот самый Турист.

Когда я через несколько минут вошел в офис Сьюзен, она стояла у окна, наблюдая за сгущающимися сумерками теплого вечера. Трудно было не отметить символизма этой грустной позы. Она стояла спиной ко мне и даже не повернулась, когда я вошел.

— Ну и как, врезали тебе по первое число? — спросила Сьюзен, не поворачиваясь ко мне.

— Еще как.

— Попробуй оценить это по десятибалльной системе.

— Восемнадцать или девятнадцать.

— Нет, я серьезно.

— Тогда, может быть, баллов девять. Впрочем, все последствия этого разбирательства станут известны только через неделю.

— Через неделю?

— Да, они запретили мне в течение этой недели покидать свой офис. Короче говоря, они пригвоздили меня к рабочему столу.

— А ты чего ожидал?

— Не знаю, но был бы очень признателен тебе, если бы ты не стояла ко мне спиной.

Сьюзен резко повернулась. Она легко заводилась и весьма чувствительно относилась ко всякого рода неожиданностям, но при этом всегда умела держать себя в руках и контролировать свои эмоции. Однако я давно уже научился прочитывать на ее лице признаки разочарования и озабоченности.

— Из-за тебя, Джон, я выгляжу очень плохо.

— Я знаю, — быстро ответил я. Даже, может быть, слишком быстро.

— Нет, ты не понял, мне действительно очень плохо.

Я уставился на носки своих туфель.

— Прости, — выдавил я из себя после мучительно долгой паузы.

— Черт возьми, ты же прекрасно знал, что вся эта информация рано или поздно пройдет через мой департамент. Неужели ты не понимаешь, что нарушаешь определенные правила поведения?

Я благоразумно промолчал. Я неплохо знал Сьюзен и понимал, что она все время пытается вырваться из той системы, в которой оказалась по воле судьбы. Именно этим объясняются ее частые вспышки гнева, разочарование, раздражение и даже нервные срывы. Кроме того, у нее был еще один серьезный мотив, чтобы всеми силами защищать меня. «Черт бы тебя побрал, Джон, — подумал я, — как ты мог оказаться в таком глупом положении?»

И тем не менее я в нем оказался.

Когда наконец-то здание перестало содрогаться от ее упреков, она подвела печальный для меня итог. На свободе остался весьма опасный серийный убийца, и нам предстояло во что бы то ни стало поймать его. К сожалению, донесения наших агентов оставляли нам мало оснований для оптимизма. Даже в вездесущих средствах массовой информации не было ни единой зацепки на этот счет. Казалось, что Нора просто растворилась в воздухе, не оставив абсолютно никаких следов.

— А что сообщают наши люди на Каймановых островах? — робко спросил я.

— Ничего, — грустно отмахнулась Сьюзен. — Они проверили Карибский регион, городок Брайерклиф-Мэнор, ее квартиру здесь, в Нью-Йорке, но никаких следов присутствия Норы Синклер не обнаружено.

— Боже мой, где же она может быть?

— Это вопрос как минимум на шестьдесят четыре тысячи долларов, — сказала Сьюзен, посмотрев на кипу бумаг на ее рабочем столе. На верхнем листе была обозначена сумма, которая была заморожена на счетах Норы Синклер в оффшорных банках. — А если быть более точной, — грустно продолжала она, — то речь может идти о восемнадцати миллионах четырехстах двадцати шести тысячах долларов.

От такой суммы можно было потерять дар речи.

— Весьма впечатляющая картина, — тихо сказал я. — А что насчет ее налогового адвоката Кепплера?

— Того самого, которого ты до смерти напугал?

— Я бы предпочел термин «пригвоздил».

— Как бы там ни было, Нора с тех пор не показывалась в его офисе.

— Может, мне стоит еще раз навеститься к этому парню и...

Она резко прервала меня жестом руки.

— Джон, ты помнишь, что не имеешь права покидать свое рабочее место? И кто знает, что может случиться через пару дней? — Она выдавила из себя слабую улыбку. — Правда, в этом деле есть и светлая сторона — ты можешь вдоволь пообщаться со своими детьми.

Я пожал плечами:

— Это, конечно, хорошо, но я не уверен, что моя бывшая супруга позволит мне общаться с детьми после всего случившегося.

Сьюзен снова повернулась к окну и уставилась на дорогу.

— Знаешь, ты всегда был хорошим отцом, если бы ты был таким же хорошим мужем, мы бы никогда с тобой не расстались.

Я всегда чувствовал себя не в своей тарелке, когда приходилось сидеть на одном месте. А сейчас мне приходилось сидеть в своем офисе неопределенно долгое время. Уже после двух дней заточения в кабинете я начал понимать, что потихоньку схожу с ума. Конечно, у меня была какая-то бумажная работа, но я к ней не прикасался. Все, что я мог делать в тот момент, так это таращить глаза из окна на сероватую дымку центра Нью-Йорка и теряться в догадках — где может укрываться Нора. Все сообщения наших агентов были до безобразия однотипными и скучными — никаких ее следов нигде не обнаружено. Как она могла исчезнуть из нашего поля зрения? Куда она могла запропасться?

А рутина повседневной жизни продолжала сводить меня с ума. Иногда звонил телефон, я что-то отвечал, но в голове все время крутилась одна и та же мысль: где Нора и что нужно делать сейчас? Я постепенно стал впадать в отчаяние, а на моем лице для всех посетителей был один и тот же знак: «Осторожно, содержимое находится под высоким давлением!»

Когда телефон зазвонил в очередной раз, я раздраженно снял трубку и гаркнул:

— О'Хара!

В ответ — молчание.

— Алло?

Тишина.

— Кто говорит?

— Я соскучилась по тебе, — послышался тихий голос. Я чуть было со стула не рухнул.

— Ну что, неужели ты не скажешь мне ни единого слова? — спросила Нора. — Ты соскучился по мне? Я имею в виду не секс, а просто так? Неужели тебе не хочется встретиться со мной?

Я готов был ответить ей и даже открыл рот, но потом вдруг вспомнил, что надо проследить ее звонок и вычислить место, откуда она звонит. Машинально нажав кнопку «запись», я послал сигнал на определение номера и местонахождения абонента.

— Как дела, Нора? — спросил я, глубоко вздохнув.

Она рассмеялась:

— Да брось ты свои штучки! Ты хоть наори на меня, и то лучше будет! Мужчина, которого я неплохо знала все это время, вел себя более прилично.

— Ты имеешь в виду Крейга Рейнолдса?

— Сейчас тебе нет надобности скрываться под личиной туповатого страхового агента.

— Да, Нора, это был вымышленный человек, как, впрочем, и все остальное. В наших отношениях не оказалось ничего настоящего.

— Ты очень хочешь думать, что это так, но ты ошибаешься. На самом деле самая настоящая правда заключается в том, что ты никак не можешь принять единственно правильное решение — убить меня или трахаться со мной.

— Нет, как раз с этим у меня полная ясность, — поспешил я возразить.

— Ну, так говорит твое раненое самолюбие. Кстати, о раненом самолюбии. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень хорошо благодаря тебе.

— Знаешь, О'Хара, могу признаться тебе откровенно, — сказала она дрогнувшим голосом. — Мне больно из-за мысли, что мы никогда больше не встретимся с тобой.

— Я не уверен в этом, — процедил я сквозь плотно сжатые зубы. — Можешь мне поверить, я все равно отыщу тебя во что бы то ни стало.

— Это прозвучало как-то странно, не правда ли? «Можешь мне поверить». Полагаю, своей жене ты не сказал бы такие слова. Боже мой, мне так стыдно, что я невольно разрушила ваш счастливый брачный союз.

— Не беспокойся, — угрюмо ответил я, — ты немного опоздала. Наш счастливый брачный союз распался еще два года назад.

— Правда? Значит, ты сейчас совсем свободен, О'Хара?

Я посмотрел на часы. Наш разговор продолжался уже более минуты. Надо еще немного задержать ее. Я решил сменить тему разговора:

— Нора, как тебе живется без денег?

Она презрительно хмыкнула:

— Я никогда не бываю без денег. Их хоть пруд пруди. Они повсюду, только надо знать, как их получить.

— Значит, все, что ты делала, — это из-за денег?

— Если судить по интонации твоего голоса, деньги — это что-то ужасное. Любая девушка должна заботиться о своем будущем, разве не так?

— То, что ты натворила, мягко говоря, несколько выходит за рамки простого накопления на старость.

— Ладно, если угодно, в моих поступках есть что-то спортивное. Мы все очень сердиты, О'Хара. Большинство женщин обижены на мужчин. Проснись, дорогой, и ты увидишь, что твой бекон уже горит на раскаленной плите.

Я понял, что Нора стала выходить из себя. Может, я затронул какую-то потаенную струну в ее душе. Стало быть, попал в самую точку.

— А что ты имеешь лично против меня, Нора?

— У тебя есть час времени? — вместо ответа спросила она. — Точнее сказать, несколько часов?

— Конечно, у меня есть столько времени, сколько тебе понадобится.

— А вот у меня, к сожалению, нет, — с нарочитой грустью сказала она. — Мне пора.

— Погоди!

— Не могу, О'Хара. Буду видеть тебя в своих снах.

Послышались гудки. Я посмотрел на часы, а потом позвонил нашим операторам, которые должны были проследить этот звонок:

— Надеюсь, вы засекали ее месторасположение?

Долгое молчание в трубке было ответом на мой вопрос.

— Извините, — сказал наконец оператор, — мы не смогли этого сделать.

Я схватил телефонный аппарат вместе с трубкой и швырнул его в стенку. Он разлетелся на мелкие кусочки.

«Буду видеть тебя в своих снах».

Седовласый техник, который пришел в мой офис на следующее утро, чтобы установить новый телефон, долго смотрел на мелкие куски, разбросанные по всему полу. Затем он посмотрел на меня все понимающими глазами и хитро прищурился.

— Значит, он просто свалился со стола на пол?

— Иногда случаются и более странные вещи, — уклончиво ответил я. — Можете мне поверить.

Через несколько минут он подключил новый телефон и вышел из комнаты. А я долго смотрел на новый аппарат, изнывая от безделья и тоски по настоящему делу. Меня все больше одолевало чувство вины за то, что я фактически отстранен от работы и никак не могу хоть чем-то занять себя.

Раздался звонок нового телефона.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, — это снова Нора, решившая продолжить наш разговор. Однако вторая мысль начисто перечеркнула первую. Если судить по характеру нашей недавней беседы, то можно без сомнений сказать, что это был лишь единичный случай и вряд ли стоит рассчитывать на продолжение.

Я снял трубку и убедился, что прав. Это была другая женщина, которая тоже имела серьезные основания для разговора со мной. Конечно, сейчас у меня со Сьюзен сложились далеко не лучшие отношения, но мы оба являлись профессионалами и умели контролировать свои эмоции.

— Есть какие-либо новости из аудиолаборатории? — спросил я, не дожидаясь приветствия с ее стороны. После телефонного разговора с Норой пленку с записью отослали в лабораторию, где специалисты должны были проанализировать все сопутствующие шумы и попытаться определить местонахождение преступника. Впрочем, никакой надежды на успех этого дела у меня не имелось.

— Да, я получила заключение специалистов, — спокойно ответила Сьюзен. — Как и предполагалось, ничего интересного они не обнаружили.

Несмотря на явную неудачу, я сразу насторожился. В голосе Сьюзен прозвучала хорошо знакомая мне интонация. Она все-таки что-то узнала, но, видимо, предпочла не сообщать мне об этом.

— Сьюзен, что происходит?

— Что происходит? — с раздражением переспросила она. — А то, что ты безнадежный глупец, Джон! Ты снова пытаешься причинить мне боль! Ты достал меня своими идиотскими выходками.

— Да, я знаю, Сьюзен, — виновато проворчал я. — Но ты скрываешь от меня что-то другое. Моя интуитивная догадка неожиданно вызвала у нее смех.

— Ты можешь приехать в мой офис как можно скорее?

Двадцать минут спустя мы со Сьюзен мчались на моей машине на север от Нью-Йорка, а еще через час свернули с шоссе на узкую дорогу, которая вела к зданию психиатрической лечебницы «Пайн вудс».

— Думаю, тебе будет интересно увидеть все собственными глазами, — сказала Сьюзен, когда мы вышли из машины и направились к главному зданию лечебницы, которое представляло собой восьмиэтажную кирпичную башню. — Познакомишься с матерью Нора, которая давно уже коротает здесь свои дни.

Я уныло улыбнулся. Мне показалось, что последние слова Сьюзен произнесла с каким-то издевательским удовольствием. Через несколько минут мы оказались в небольшом конференц-зале, предназначенном для посетителей и расположенном на последнем этаже корпуса. Напротив нас сидела пожилая медсестра нужного нам отделения.

Поначалу я никак не мог понять, что с ней происходит — она просто нервничает или боится нас. Как бы там ни было, но эта толстая женщина чувствовала себя не в своей тарелке, что, впрочем, вполне характерно для простых людей, впервые в жизни беседующих с агентами ФБР.

— Агент О'Хара, — сказала Сьюзен официальным тоном, — познакомьтесь с Эмили Барроуз.

Я кивнул и протянул ей руку:

— Очень приятно.

— Полагаю, Эмили расскажет нам много интересного о Норе, — добавила Сьюзен.

Я молча сидел напротив медсестры и с нетерпением ожидал новостей, как ребенок, который ждет подарков накануне Рождества. Она была одета в белые больничные брюки и белую блузку, а свои волосы Эмили затянула в тугий пучок на затылке и перевязала цветной резинкой.

— Ну, в общем, — начала она слегка дрожащим от волнения голосом, — в нашей больнице «Пайн вудс» есть пациентка по имени Оливия Синклер.

Я уже знал об этом.

— А Нора является дочерью этой Оливии, — продолжала Эмили. — По крайней мере мне так кажется, поскольку я только сейчас подумала, что никаких доказательств этого у меня на самом деле нет.

— У меня есть, — вмешалась Сьюзен. — После того как я поговорила с вами по телефону, я запросила сведения из тюремной базы данных.

Я удивленно посмотрел на Сьюзен:

— Из тюремной базы данных?

— Да, Оливия Синклер оказалась в тюрьме, когда Норе было шесть лет.

— За что?

— Убийство, — спокойно ответила Сьюзен.

— Ты серьезно? — не поверил я.

Сьюзен кивнула.

— Я еще не все сказала, О'Хара. Она убила мужа, причем на глазах маленькой дочери. — Сьюзен сделала многозначительную паузу, а потом продолжила: — После нескольких лет тюремного заключения у Оливии Синклер начались проблемы с головой. Она стала терять чувство реальности и вскоре была переведена сюда, в психиатрическую лечебницу «Пайн вудс». — Теперь Сьюзен посмотрела в сторону Эмили. — Между тем Нора вела весьма подвижный образ жизни и так часто меняла место жительства, что мы сейчас просто не в

состоянии проследить ее передвижения. Никакой более или менее подробной информации о ней пока нет. — Эмили оторопело таращила глаза и явно пребывала в шоке от услышанного. — Очень сожалею, — сказала Сьюзен сочувственным голосом, — но должна сообщить вам, что пару лет назад Нора убила своего первого мужа. Более того, есть весьма серьезные основания считать, что это не единственная ее жертва. Похоже, что она таким же образом расправилась и со своим вторым мужем.

— Она была помолвлена с Коннором Брауном и только собиралась стать его женой. — Я не преминул поправить Сьюзен.

— Я имею в виду не Коннора Брауна, а Джефффри Уокера, — спокойно пояснила она.

В этот момент я опешил даже больше, чем сидевшая с нами Эмили.

— Джефффри Уокера? — эхом повторил я.

— Ну, того самого писателя, который сочиняет популярные романы на историческую тему. Точнее сказать, сочинял.

— Да, я помню его, но ты сказала, что Нора и он были...

— Женаты.

— Господи Иисусе! — пробормотал я, пытаясь собраться с мыслями. — В новостях сообщали, что он умер от сердечного приступа. Постой, постой, кажется, он жил где-то в Бостоне.

Сьюзен прикоснулась пальцем к кончику носа.

— Да, это обстоятельство и свело нас с Эмили. — Она обратилась к медсестре: — Продолжайте, Эмили, расскажите все, что знаете. Думаю, агенту О'Харе это пойдет на пользу.

Эмили кивнула, а потом встала и попросила нас следовать за ней.

— Я сама провожу вас и познакомлю с Оливией.

Мы шли по длинному коридору больницы к палате, где находилась Оливия Синклер.

— Однажды я разговаривала с Норой по поводу очередного романа писателя Джеффри Уокера, — сбивчиво тараторила Эмили, — а на следующий день я вдруг узнаю, что он скоропостижно скончался.

Сьюзен и я внимательно слушали ее.

— Конечно, мне и в голову не пришло, что здесь есть какая-то связь. А о том, что у Норы появились серьезные проблемы, я узнала только по телевизору. — Эмили остановилась на полпути, видимо, с целью что-то сообщить нам до того, как мы войдем в палату. — Пару недель назад я совершенно случайно прочитала записку, которую Оливия передала Норе. В этой записке оказалось такое, отчего я чуть с ума не сошла. Там было много интересного насчет Оливии и ее дочери. Вы сами увидите через минуту. — Эмили снова зашагала по коридору, миновала несколько палат, а потом остановилась у одной из дверей. — Здесь ее палата. — Медсестра открыла дверь, и я увидел на кровати очень старую женщину, которая лежала на подушках и читала какую-то книгу. Когда мы все втроем вошли в комнату, она даже глаз не подняла на нас. — Добрый день, Оливия, — сказала Эмили ровным и громким голосом. — К тебе пришли люди, о которых я уже говорила.

Оливия медленно подняла на нас глаза.

— Здравствуйте, — тихо произнесла она. — Я люблю читать.

— Да, Оливия любит читать, — кивнула Эмили и дружелюбно улыбнулась кончиками губ. — Долгое время Оливия дурачила нас насчет своего истинного состояния, — сказала Эмили, повернувшись к нам. — Она всеми силами хотела заставить нас поверить, что ей намного хуже, чем на самом деле. А однажды, когда к ней пришла Нора, устроила нам целый спектакль и попыталась изобразить приступ эпилепсии, чтобы дочь не выболтала что-то такое, чего не следовало знать посторонним. Оливия хорошо знала, что мы записываем на пленку все разговоры наших пациентов с посетителями. Оливия — очень хорошая актриса. Не правда ли, дорогая?

Оливия молча наблюдала за мной и Сьюзен, но при этом внимательно прислушивалась к каждому слову медсестры.

— Думаю, что это так, — кивнула она.

— И тем не менее мы согласились оставить ее в нашей лечебнице, но только в том случае, если она согласится помочь вам.

Оливия вновь кивнула, продолжая таращить глаза на меня и Сьюзен.

— Я помогу вам, — тихо прошептала она. — У меня просто нет другого выбора. — С этими словами она отложила в сторону книгу и, встав с кровати, медленно поплелась к стенному шкафу.

— Во время каждого визита Нора приносила матери новую книгу, — пояснила Эмили, пока Оливия рылась в шкафу. — Хотя на самом деле она была уверена, что мать все равно ничего не читает. — Оливия тем временем вынула из шкафа большую картонную коробку, набитую книгами, конвертами, листами бумаги и прочей всячиной. — А потом Нора вдруг перестала навещать ее, — продолжала Эмили. — Вскоре к нам пришел пакет, адресованный Оливии. Его отправила Нора, а внутри была небольшая записка.

Меня охватило приятное волнение. Пакет. Конечно, теперь мы сможем без труда определить обратный адрес и вычислить местонахождение Норы. А потом я вдруг подумал, что не такая уж она дура, чтобы отправить пакет по почте с указанием точного обратного адреса. Это было бы

слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Эмили сразу же подтвердила мою последнюю мысль.

— Обратного адреса там не было, — сказала она. — Никаких зарубежных почтовых штемпелей или печатей. Только смятая и потертая почтовая марка. — Эмили повернулась к Оливии. — Покажи, пожалуйста, агенту О'Харе записку, которую ты получила от дочери.

Я взял у нее лист бумаги и прочитал вслух:

— "Дорогая мама, прости, что не могу навещать тебя в эти дни. Надеюсь, тебе понравится новая книга. Всегда любящая тебя Нора". — Я прочитал записку еще раз, а потом с недоумением посмотрел на присутствующих: — Ну и что тут особенного?

Сьюзен хитро улыбнулась:

— Есть кое-что, несмотря на крайнюю осторожность Норы. Она все продумала, кроме одного. — Сьюзен выжидающе уставилась на Эмили.

Я тоже ждал от медсестры объяснений.

Эмили многозначительно улыбнулась и рассказала мне то, что и Сьюзен во время их первой беседы.

— Внимательно посмотрите на бумагу, агент О'Хара. Посмотрите ее на свет. Видите там, в нижнем правом углу?..

Я поднял лист бумаги и повернулся к окну. Черт возьми! В нижнем правом углу отчетливо просматривался водяной знак таможни. Я посмотрел на Оливию и увидел, что она стала плакать.

— Нора такая хорошая дочь, так любит меня.

Нора, одетая в бледно-голубое бикини, вышла на террасу и жизнерадостно улыбнулась, окунувшись в жаркое послеполуденное солнце. Она отхлебнула глоток любимой эвианской воды, а затем прижала к щеке запотевшую холодную бутылку. Она еще не устала любоваться живописным побережьем Байе-Лонг и его белоснежными песчаными пляжами, которые постепенно подходили к прозрачной воде Карибского моря и исчезали в его глубине. Все было так прекрасно, что даже самый гениальный дизайнер вроде нее не смог бы придумать ничего лучше.

Поселок Ла-Самана, расположенный на острове Сан-Мартин, давно уже пользовался вполне заслуженной репутацией наиболее спокойного и уединенного места для самых придирчивых туристов. В течение всего дня она бесцельно бродила вдоль чудного бассейна, прикрыв глаза солнцезащитными очками фирмы «Ченел» и производя впечатление преуспевающей леди, изнывающей от скуки и безделья. А вечером она со своим новым другом Джорданом заказывала обед в апартаменты, наслаждалась приятным общением, а потом они шли в спальню и предавались любви.

А иногда, как истинные молодожены, проводящие медовый месяц в этих райских краях, они вообще целыми днями не покидали свою виллу, благо на острове работала служба доставки самых разнообразных дорогих блюд, пригодных как для завтрака, так и для обеда и ужина.

— Дорогая, что ты будешь пить: «Дюваль Леруа» или «Дом Периньон?» — спросил Джордан из спальни.

Выбор, постоянный выбор...

— Выбери сам, дорогой, — деликатно ответила Нора.

Джордан Мауч, крупный магнат из Далласа, много лет занимающийся недвижимостью, с давних пор привык самостоятельно принимать решения и потому с удовольствием взял на себя эту миссию. Именно желание жить собственным умом дало ему возможность сколотить крупный капитал сперва в Скотленде, штат Аризона, а потом и в западном Палм-Бич, что во Флориде. А самое последнее решение, непосредственным образом затрагивающее его личную жизнь, он принял совсем недавно, когда познакомился с Норой Синклер. «Какое счастье, — думал он, — что я встретил Нору и поручил ей обустроить свой дом в Остине. А в качестве благодарности пригласил ее совершить небольшое путешествие на Карибы».

Через некоторое время он снова позвал ее, сообщив, что ужин скоро будет подан.

— Дорогая, надеюсь, ты понимаешь, что следует соответственным образом одеться к ужину?

Она улыбнулась.

На этой неделе они с Джорданом поехали на машине за пределы района Гранд-Кэйс, где находился знаменитый нудистский пляж Ориент-Бэй. Если бы все зависело только от Норы, то она бы предпочла обнажиться полностью и при этом чувствовать себя как дома. Но Джордан оказался совершенно другим человеком. Он наотрез отказался раздеваться, пренебрегая старой традицией острова. Нора даже не пыталась уговорить его, так как поняла, что это бесполезно. Она уже давно пришла к выводу, что очень богатые люди, имеющие огромные банковские счета в заморских оффшорных банках, не очень-то любят снимать с себя одежду на публике. Ей казалось, что эта привычка каким-то странным образом связана с их тайным желанием сохранить свои банковские секреты.

Нора вошла в комнату и набросила на себя один из белоснежных домашних халатов. В нем было так хорошо и уютно. Не долго думая она направилась в спальню, залезла в постель к

Джордану и нежно прижалась к его широкой и мускулистой груди.

Только одна проблема беспокоила ее в эту минуту. Она никак не могла выбросить из головы О'Хару. Нора почти физически ощущала запах его тела, его поцелуи и больше всего его манеру общаться с ней и заниматься сексом. Словом, он так запал ей в душу, что она никак не могла забыть его.

Она всеми силами старалась избавиться от этого наваждения, но ничего не получалось. В результате она не могла толком приспособиться к Джордану или к кому-либо другому как к сексуальному партнеру, а любые мысли об О'Харе причиняли ей невыносимую боль. «Что же со мной происходит, черт возьми! — терзала она себя. — Неужели я действительно влюбилась в него?»

— Нора, вернись на землю, — сказал Джордан, щелкнув пальцами перед ее глазами.

— Прости, дорогой, — виновато потупилась она. — Я просто подумала, как здесь все замечательно.

Он довольно ухмыльнулся:

— Еще один день в земном раю.

Они крепко поцеловались, но многообещающий поцелуй был прерван стуком в дверь. Похоже, что подали ужин.

Джордан поспешно соскочил с кровати и открыл дверь.

— Благодарю вас, — сказал он, когда два человека втолкнули в комнату тележку, наполненную едой. Они были в фирменной одежде — шорты, цветастые рубашки и широкополые шляпы.

Внезапно оба служителя сервиса скинули шляпы.

— Привет, Нора, я же обещал, что мы так или иначе встретимся с тобой, — сказал О'Хара, широко улыбаясь.

— Не смей разговаривать с ней! — выпалила Сьюзен и, мгновенно выхватив пистолет, направила его на оторопевшую от неожиданности Нору. — Все кончено, сучка проклятая! — После этого она повернулась к застывшему в изумлении Джордану. — А вы... вы самый счастливый человек из всех, с которыми она встречалась.

В тот памятный вечер произошла довольно странная и вместе с тем неожиданно приятная вещь — у меня было свободное время, которое я мог провести со Сьюзен. Мы приняли мудрое решение посетить знаменитый пляж Ла-Самана, который оказался очень длинным, широким и необыкновенно белым. В самом конце пляжа мы обнаружили даже остов давным-давно затонувшего судна.

— Почему мы должны доверять этим местным парням? — спросил я ее, когда мы остановились, чтобы позагорать.

— А почему бы и нет? — проворчала она.

Я имел в виду местных жандармов, которые выполняли полицейские функции на острове Сан-Мартин. Они забрали Нору в полицейский участок, где она будет находиться до момента ее экстрадиции в Нью-Йорк после оформления соответствующих документов.

— Не знаю, может, мне так кажется, — пожал я плечами, — но трудно относиться с доверием к полицейским, которые разгуливают по острову в шортах. Они не производят впечатления надежных блюстителей порядка и законности. Ты видела их? Они же какие-то странные, скрытные, будто религиозные фанатики.

Сьюзен повернулась ко мне с видом человека, который увидел перед собой некое странное чудовище.

— Заткнись и пей свое пойло, Джон.

Она была права, как, впрочем, и всегда. Наша работа на этом закончилась, поскольку Нора оказалась в руках полиции. Мы уже связались с Джоном-младшим и Максом и убедились, что дети в полном порядке и вполне ладят с бабушкой и дедушкой, родителями Сьюзен, которые, кажется, все еще любили меня, несмотря ни на что.

Как бы там ни было, но мы со Сьюзен вполне заслужили право посидеть на пляже и немного понежиться под тропическим солнцем. И мы действительно наслаждались этим прекрасным вечером, наблюдая за тем, как солнце клонилось к закату, незаметно скользя по чистому небу, окрашенному нежно-оранжевым цветом. Боже мой, мы даже пошли вместе плавать, чего никогда в жизни не было.

Я поднял свой бокал с коктейлем «Мэй-тэй»:

— За старшую медсестру Эмили Барроуз.

Сьюзен охотно чокнулась со мной бокалом с пиноколадой. Я откинулся на спинку пляжного кресла и глубоко вздохнул. По всему телу разлилось приятное чувство удовлетворения и облегчения. Кроме того, я испытывал некое странное ощущение, которое никак не мог определить. Вероятно, было бы правильно назвать это чувством вины.

Я посмотрел на Сьюзен, которая в эту минуту показалась мне очень милой, красивой и необыкновенно умиротворенной. Я причинил ей столько боли в последнее время, что сейчас был очень рад видеть ее счастливой и беззаботной. Не долго думая я взял ее руку и слегка сжал.

— Прости за все, что я сделал.

Она ответила мне взаимным пожатием.

— Я знаю, что ты сожалеешь об этом, — прошептала Сьюзен.

На чем все и закончилось. Но то был счастливый конец, если таковой вообще можно себе представить. Я сидел с бокалом «Мэй-тэй» в руке, а другой рукой держал женщину, которую всегда любил, но почему-то не признавался себе в этом. А Нора Синклер вскоре окажется за решеткой и пожизненно будет сидеть в тюрьме за все свои преступления.

Ну кто тогда мог знать, что вся эта история еще не закончилась?!

В пятницу на следующее утро меня срочно вызвали в офис Сьюзен, расположенный в Нью-Йорке. Она только что закончила телефонный разговор с Фрэнком Уолшем.

— О'Хара, я даже не знаю, как сказать тебе об этом.

— А в чем, собственно, дело? — усмехнулся я. — Я один сплю в своей постели и сам заправляю кровать.

— Дело не в этом, Джон. Дело в том... что они отказались предъявлять Норе какие-либо обвинения.

Эта новость поразила меня, как удар под дых. Тяжелый, болезненный и совершенно неожиданный удар. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя и полностью осознать смысл сказанного.

— Что это значит? — ошарашенно спросил я. — Что значит отказались предъявлять обвинение?

Сьюзен угрюмо смотрела на меня из-за стола немигающим взглядом. Я видел, что она тоже ужасно расстроена, но держала себя в руках, хотя и не без труда.

А я не мог похвастаться таким хладнокровием и стал нервно ходить по ее кабинету, размахивая руками, осыпая проклятиями все на свете и даже угрожая ужасными карами всем тем, кто вынес это чудовищное решение. Причем решил начать с визита в газету «Нью-Йорк таймс».

— Сядь, Джон, — устало приказала мне Сьюзен.

Но я не мог сидеть.

— Не понимаю, как они могли это сделать? Она же кровожадная убийца! К тому же серийная!

— Я знаю, Джон, — согласилась со мной Сьюзен. — Это страшная змея, психопатка.

— Так почему же они решили отпустить ее?

— Все очень сложно, Джон.

— Сложно? Чушь собачья!

— Согласна с тобой, — сказала она нарочито спокойным тоном. — И если твои истерические вопли хоть как-то помогают тебе успокоиться, ради бога, не возражаю. Но делу этим не поможешь. Мы ничего не можем сделать, Джон, решение принято на самом верху.

Я всегда ненавидел такие минуты, когда она была права, а я ощущал собственное бессилие. Так случилось, например, в то время, когда Сьюзен предупредила меня, что я слишком эгоистичен в своем стремлении во что бы то ни стало спасти наш брак. Я действовал тогда, как бык с налитыми кровью глазами.

Наконец-то я немного успокоился и сел на стул напротив нее.

— Ладно, объясни мне почему?

— Откровенно говоря, если ты хорошенько пораскинешь мозгами, то и сам догадаешься.

Она снова была права. Я с самого начала не мог избавиться от тревожного чувства, что упрятать Нору за решетку будет не так-то просто. Во время суда могли вскрыться подробности моего безобразного поведения, а начальство в нашем Бюро весьма болезненно относится к подобного рода нарушениям и всеми силами стремится скрыть их от общественности.

Однако это не главное. Слишком много пересудов вызвали бы в обществе все те сведения, которые могли обнаружиться во время судебного разбирательства, поскольку слишком многие большие люди были вовлечены в данное дело.

И я это знал лучше, чем кто бы то ни было, так как сам проводил тайную операцию под

кодовым названием «Турист». Частью той операции стал злосчастный файл с именами известных людей и их оффшорными банковскими счетами.

Но и это еще не все. Фрэнк Уолш коснулся сути основной проблемы во время заседания дисциплинарной комиссии, бросив фразу о мониторинге денежных потоков, которые уходят из страны и приходят сюда. Но дело в том, что весь этот «мониторинг» велся, как правило, на незаконных основаниях, однако с негласного разрешения высших чиновников Министерства национальной безопасности, Федерального бюро расследований.

Рациональные доводы? Единственной серьезной опасностью нашей социальной системе являются террористические группы с солидной финансовой базой. Логика борьбы с этим злом очень проста. Остановить денежные потоки — значит остановить деятельность таких террористических групп. А еще лучше — найти их деньги.

А потом найти и самих террористов.

Как правило, финансовая подпитка террористической деятельности осуществляется через оффшорные зоны. Но через те же зоны проходят и иные финансовые потоки, причем большая часть подобных операций проводится незаконно, нелегально. Эта система охватывает самые широкие круги — от простых казино до разнообразных благотворительных обществ, от гигантских корпораций до уличных продавцов. И мы беспрестанно наблюдаем за ними — опять-таки незаконно, — причем особенно пристально в тех случаях, когда речь идет о крупных денежных трансфертах. А когда мы видим, что эти трансферты осуществляются тайно, то просто глаз с них не спускаем. И часто выходим на частные банковские счета, такие, например, как счет Коннора Брауна.

И теперь, если дело Норы Синклер дойдет до суда, то вся система нашего «мониторинга» неизбежно подвергнется огласке и непременно рухнет. Именно этого больше всего опасались там, наверху.

— Значит, на этом все? — уныло спросил я.

— А что еще я могу тебе сказать? — пожалала Сьюзен плечами и презрительно хмыкнула. — Для нашего высшего руководства Нора сейчас представляет меньшее из двух зол. Я имею в виду, что смерть нескольких богатых людей — это ничто по сравнению со всемирной борьбой против терроризма и за демократию. Они намерены отпустить ее на свободу, О'Хара. Насколько я могу судить, она уже на свободе.

Нора объехала на своем красном «бенце» вокруг нижней части Манхэттена и вскоре убедилась, что за ней нет никакой погони. Не было ни представителей прессы, ни полиции — никого. После этого она свернула на скоростное шоссе Уэст-Сайда и помчалась на север, в сторону Уэстчестера, где намеревалась немного отдохнуть и привести себя в порядок.

За пределами города она опустила верх автомобиля и придавила педаль газа до девяноста миль в час. Ветер ласково теребил ее волосы, а на душе было так легко, что хотелось петь и кричать от радости. Она снова свободна, и это чувство опьяняло ее. В течение нескольких дней она наберется сил в доме Коннора, отоспится как следует, наконец-то продаст всю мебель, а потом разработает план дальнейших действий.

«Забавно, — думала она, — может быть, настало время остепениться и осесть? Выйти замуж, например, но по-настоящему и родить одного или двух малышей». Эта мысль показалась ей настолько необычной, что она громко рассмеялась, но все же не отвергла ее окончательно. Иногда случаются и более странные вещи, как, например, ее чудесное избавление от тюрьмы.

Не успела она как следует насладиться пьянящим чувством свободы, как ее красный «бенц» подъехал к дому Коннора, или, как любят выражаться следователи, «месту преступления». Как все это странно и в то же время приятно. А те пять дней, которые она провела в тюрьме на знаменитом острове Райкер, что неподалеку от аэропорта Ла-Гуардиа, еще сильнее подчеркивали необычность ситуации и придавали больше веса ее неожиданному освобождению. Это действительно было чудесное избавление.

Нора вышла из автомобиля, подумала, что ей послышался какой-то неясный звук, а потом вспомнила про Крейга, а точнее, О'Хару. Что он мог значить для нее теперь? Она не могла ответить на этот вопрос, но прекрасно понимала, что он оставил в ее душе довольно глубокий след. Только с ним Нора впервые ощутила тот эмоциональный прилив сил, которого не знала с другими мужчинами.

А сейчас она оказалась над Крейгом. Она его победила.

Нора вошла в дом и сразу же почувствовала затхлый запах слежавшейся пыли и отвратительной пустоты. Но все же этот дом был для нее родным и впечатлял своим уютом и размерами. Впрочем, она пробудет здесь всего лишь несколько дней, не больше, а потом отправится дальше. Конечно, в ее жизни возникли некоторые проблемы, но она с ними наверняка справится.

Она направилась на кухню и широко распахнула огромный холодильник. Какой кошмар! В нос ударил спертый запах сгнивших овощей и заплесневелого сыра!

Нора быстро схватила бутылку любимой минеральной воды «Эвиан» и закрыла дверцу холодильника, боясь задохнуться от этого запаха.

— Какая мерзость! — громко воскликнула она, тщательно вытирая бутылку чистым полотенцем. Открыв ее, она стала жадно поглощать воду и выпила почти полбутылки.

Что теперь? Может, принять ванну? Или освежиться в бассейне? Или попариться в сауне?

Вдруг Норе послышалось некое движение в соседней комнате. Она открыла рот, чтобы окликнуть того, кто мог там находиться. Но из ее уст вырвался только слабый стон, а потом сдавленный крик. И возникла нестерпимая боль в животе!

Нора схватилась обеими руками за живот и едва устояла на быстро слабеющих ногах. «Мой живот горит огнем», — пронеслось у нее в голове, когда она лихорадочно осматривала кухню. Но вокруг не было ни души.

Через минуту боль подкралась к горлу, перехватила дыхание, и Нора стала медленно оседать

на пол. Тогда она попыталась вывернуть наизнанку все содержимое желудка, но это ей не удалось. Все поплыло перед глазами, и она рухнула вниз, уже не ощущая боли от удара головой о твердый пол. Сейчас все ее внимание сосредоточилось на невыносимой боли, которая парализовала тело и мешала дышать. Никогда еще ей не было так плохо и так страшно.

В этот момент Нора вновь услышала слабые звуки, отдаленно напоминающие шаги. Все предметы стали утрачивать свою четкость, но она уже знала, что в доме точно кто-то есть.

Нора очень хотела узнать, кто находится рядом с ней. Она уже не могла разглядеть контуры человека, поскольку все расплылось перед глазами, а тело, как ей казалось, просто распадалось на мелкие кусочки.

— О'Хара? — выдавила она из себя слабым голосом. — Это ты, О'Хара?

Нора из последних сил напрягла зрение: нет, это явно был не О'Хара. А кто же тогда?

Какая-то женщина, блондинка, высокая... Что-то очень знакомое. Не может быть!

Женщина тем временем подошла ближе и наклонилась над Норой.

— Кто ты? — спросила Нора слабеющим голосом, чувствуя, как жар пожирает ее изнутри, лишает сил и сдавливает горло.

Женщина подняла руки и вдруг сняла свою голову. Нет, не голову, а парик.

— Ну как, Нора? — спросила она. — Узнала меня наконец?

У женщины были короткие, песочного цвета волосы... и Нора вдруг вспомнила ее.

— Ты! — с трудом выдохнула она из себя.

— Да, я.

Это была Элизабет Браун, сестра Коннора, или просто Лиззи, как Нора называла ее раньше.

— Я очень долго следила за тобой, Нора. Хотела сама убедиться в достоверности того, что ты натворила. Убийца!

— Помоги мне! — взмолилась Нора шепотом, чувствуя, что смертельный жар уже охватил ее лицо и сжигает все внутри головы. Она и представить себе не могла, что может существовать такая адская боль. — Пожалуйста, помоги мне, — умоляла она заплетающимся языком. — Пожалуйста, Лиззи.

Нора уже не видела лица сестры Коннора, но все еще могла слышать ее слова.

— Ни за что, Нора. Ты сгоришь в аду — в том самом месте, которого ты заслуживаешь.

Кто-то позвонил в полицейский участок городка Брайерклиф-Мэнор и таинственным голосом сообщил: «Я поймала для вас убийцу Коннора Брауна. Она сейчас в его доме. Приезжайте и заберите ее».

Полиция этого городка сразу же позвонила мне в Нью-Йорк, и я через несколько минут выехал в Уэстчестер.

Правда, для того чтобы добраться туда, мне пришлось минут сорок пробираться сквозь автомобильные пробки в Нью-Йорке, а потом еще столько же мчаться по шоссе 9А.

Наконец-то я подъехал к дому Коннора Брауна, где уже находилась дюжина местных полицейских машин с включенными мигалками и столько же полицейских автомобилей штата. Кроме того, там был автофургон «скорой помощи» из Уэстчестерского медицинского центра.

Я сделал глубокий вдох, медленно выпустил воздух, а потом вышел из машины и быстро направился внутрь дома, с трудом унимая охватившую меня дрожь.

В холле я показал дежурному полицейскому свой значок.

— Они сейчас на кухне, — коротко отрапортовал тот, — это прямо...

— Я знаю, где находится кухня, — оборвал я его.

Миновав гостиную и комнату, которую обычно принято именовать столовой, я вдруг осознал, что не готов к этой встрече. Все вокруг меня было до боли знакомым, и оттого на душе становилось еще тяжелее. Я действительно не раз навещал этот дом, но сейчас мне почему-то казалось, что я был здесь не по-настоящему, а как бы во сне.

Судебно-медицинские эксперты уже занимались своими непосредственными обязанностями, а это означало, что следователи завершили свои дела. Я сразу же узнал Стрингера и Шоу из полицейского участка в городке Уайт-Плэйнс. Какое-то время я работал с ними, когда мы разрабатывали план разоблачения Норы с помощью страхового агентства.

Ее тело лежало рядом с кухонным столом. Неподалеку валялась разбитая бутылка из-под минеральной воды, а мелкие осколки рассыпались по всему полу. Судебный фотограф как раз приступил к съемкам, и яркие вспышки фотоаппарата казались мне маленькими взрывами.

— Значит, до нее все-таки кто-то добрался, — сказал Шоу, остановившись рядом со мной. — Она была отравлена. У тебя есть какие-то идеи на этот счет?

Я покачал головой.

— Понятия не имею, — сказал я, — но мне кажется, что здесь не нужно особенно ломать голову над тем, кто это мог сделать.

— То есть она получила по заслугам?

— Да, что-то вроде того.

Я поспешил закончить разговор, чтобы нечаянно не нагрубить Шоу, тем более что он того не заслуживал. Просто эта ситуация не имела к нему непосредственного отношения, а меня задевала до глубины души.

— Дайте мне возможность осмотреть ее, — сказал я, отодвигая в сторону фотографа. Когда тот отошел, я наклонился над Норой.

Казалось вполне очевидным, что она перед смертью испытала адские муки, но ее лицо по-прежнему выглядело прекрасным. Белоснежная блузка Норы была безукоризненно изящной, а на шее тускло поблескивало бриллиантовое кольцо.

Передо мной находилось тело серийного убийцы, но на самом деле мне было очень жаль ее. Я даже почувствовал приступ горечи в горле, словно вот-вот расплачусь. А еще мне почему-то стало жаль себясамого, Сьюзен и моих маленьких детей. Как все это могло случиться, черт

возьми?

Не знаю, сколько времени я разглядывал ее, но когда наконец-то поднялся на ноги, то увидел, что на кухне полно народу и все молча смотрят на меня.

В тот вечер я вернулся на Манхэттен. Всю дорогу в машине громко орало радио, но я его не слышал. Мои мысли были заняты другим. Теперь я знал, что должен сделать. Смерть Норы наконец-то прояснила для меня многие важные вещи. А кроме того, я пришел к выводу, что у нас с ней не было взаимной любви. Мы просто пользовались друг другом, и это имело для обоих самые трагические последствия.

Я завернул в свой офис, но только на минутку, чтобы забрать ту злосчастную дискету. А потом поехал в другой офис, наверх, где сидят большие люди.

— Он примет вас сейчас, — сказала мне секретарша Фрэнк Уолша.

Через минуту я вошел в его кабинет и сел напротив Уолша за огромный дубовый стол.

— Джон, чем обязан такому неожиданному визиту? — спросил он.

— Я должен обговорить с вами некоторые вещи, — решительно сказал я. — Нора Синклер мертва.

Уолш был вроде бы удивлен, но я не знал, искренне ли? Не так уж много событий проходило мимо этого человека, и именно потому ему удалось так долго продержаться начальником манхэттенского отделения ФБР.

— Это значительно упрощает наше положение, — рассудил он. — Как у тебя дела?

— Все нормально, Фрэнк.

Он сцепил свои тонкие ухоженные пальцы.

— Насколько я могу понять, не все так уж хорошо, не правда ли? Что случилось, Джон?

— Мне нужен краткосрочный отпуск с оплатой, Фрэнк. Я слишком много работал — в две смены и с огромным напряжением сил.

Вот теперь он удивился по-настоящему, если его вообще можно хоть чем-то удивить.

— Вау, — наконец-то произнес он, — Джон, у тебя есть еще что-нибудь ко мне, прежде чем я откажу тебе в этой просьбе?

— Я сделал копию, — сказал я после некоторых колебаний и положил ему на стол белый конверт.

— Может, ты сам скажешь, что там внутри?

— Там содержимое того самого чемоданчика, Фрэнк, из-за которого заварилась вся эта каша. Конечно, там были еще какие-то вещи, но я полагаю, их туда положили для того, чтобы заполнить пустое пространство, или на тот случай, если чемодан случайно откроет посторонний человек.

Уолш понимающе кивнул:

— Похоже, что его действительно открыл посторонний человек.

— А может быть, и не совсем посторонний, — возразил я. — Сьюзен сказала мне, что содержащаяся в этом файле информация может спасти мир от терроризма. Знаете, мониторинг перемещения финансовых средств террористических групп в страну и из страны, проверка нелегальных оффшорных банковских счетов и все такое прочее. Именно это помогло нам в конце концов выйти на Нору и арестовать ее. Она по глупости стала переводить на оффшорные счета огромные суммы денег, и мы в конце концов вычислили ее.

Уолш снова кивнул, а потом улыбнулся, но такой странной улыбкой, что она сразу же выдала его с головой. Это была неискренняя улыбка, которая свидетельствовала о том, что он нервничает.

— Да, Джон, такое бывает в нашей работе.

— Бывает, но не всегда именно так. Сьюзен поверила в вашу историю, Фрэнк, а вот у меня

возникли некоторые сомнения. Допустим, ФБР и Министерство национальной безопасности в качестве источников финансирования террористических групп постоянно обходили закон. В случае огласки Джон Кью Паблик^[15] может быть неприятно удивлен. Сьюзен полагает, что именно по этой причине делу Норы Синклер не дали ход.

Фрэнк Уолш перестал улыбаться, но при этом напряженно слушал меня.

— Да, конечно, я заглянул в тот чемоданчик, но сделал это исключительно в интересах дела. Я полагал, что могу найти там вещи, которые помогут мне в будущем. Что-то вроде подсказки для решения более важных задач. Мне и в голову не могло прийти, что там бомба. Откройте конверт, Фрэнк, и вы поймете, что эта бомба может взорвать к чертовой матери всю нашу верхушку.

Он тяжело вздохнул и открыл небольшой белый конверт. Внутри лежал предмет размером с указательный палец. Это и был мой флэш-драйв с копией счетов и фамилий.

— Там не только фамилии, адреса, номера телефонов, но и банковские счета, Фрэнк. Но они не имеют никакого отношения к террористическим группам.

— Не имеют? — удивленно переспросил Уолш и спокойно покачал головой. — Что же там, Джон?

Теперь настал мой черед улыбнуться.

— Знаете, Фрэнк, должен сразу предупредить вас, что могу ошибаться насчет окончательных выводов, но чутье мне подсказывает, что я прав. Кроме того, в качестве предисловия должен заметить, что не считаю себя очень строгим приверженцем той или иной политической партии. Скажу честно, что в известном смысле люблю президентов как с той, так и с другой стороны. Даже не знаю, почему у меня так получается?

— Так что там все же находится, Джон? — раздраженно переспросил Уолш.

— Мне кажется, что кто-то в ФБР вычислил людей, которые незаконно укрывают деньги на счетах оффшорных банков. Их много, Фрэнк, а денег еще больше, свыше миллиарда долларов. И, насколько я могу судить, Фрэнк, абсолютно все люди в этом списке являются спонсорами или просто «друзьями» оппозиционной политической партии. Как вам нравится такая картина? — Я сделал паузу, а потом продолжил, поскольку Уолш напряженно молчал. — Представляете, если такая информация станет достоянием общественности? Получается, что руководство ФБР — политически ангажированное, а это автоматически приведет к скандалу на высшем государственном уровне. По сути — новый Уотергейт. Именно потому Нора Синклер и не подверглась судебному преследованию за совершенные убийства. Огласка противозаконных действий ФБР, да к тому же в интересах одной из политических партий, была бы неизбежна. А это похлеще преступлений Норы Синклер.

Я встал со стула и вдруг обратил внимание, что мои ноги слегка подрагивают. По какой-то странной причине я пожал на прощание руку Фрэнка. Может быть, потому, что мы оба знали, что прощаемся навсегда.

— Ты получишь отпуск с оплатой, Джон, — тихо сказал он. — Ты его заслужил.

Я вышел из кабинета и поехал домой в Риверсайд. К Максу, Джону-младшему и Сьюзен, если, конечно, она сможет простить и принять меня. И скажу откровенно, что всю дорогу я молил Бога о том, чтобы так и произошло.

И Сьюзен, эта невероятная и очаровательная женщина, действительно простила меня за все.

Знаменитый американский джазовый трубач. — Примеч. ред.

Популярный роман современного американского писателя Дэна Брауна. — Примеч. ред.

Современная американская певица. — Примеч. ред.

Английский дизайнер мебели XIX века. — Примеч. ред.

Поггенполь Фредемир — немецкий дизайнер мебели, в конце XIX века разработал концепцию секционной кухни. — Примеч. ред.

Онеггер (Хонеггер) Артюр (1892 — 1955) — известный французский композитор швейцарского происхождения. — Примеч. ред.

Лиззи от англ. lizzie — дешевый автомобиль; Лизард от англ. lizard — ящерица. — Примеч. пер.

Намек на неразбериху с подсчетом голосов, которая возникла в штате Флорида во время президентских выборов в 2000 году. — Примеч. ред.

Популярный американский телесериал. — Примеч. ред.

Брандмауэр (fire-wall) — программно-аппаратный комплекс, защищающий соединенную с Интернетом корпоративную сеть и исключающий возможность доступа к конфиденциальной информации. — Примеч. пер.

Современная американская писательница, автор многочисленных романов криминальной тематики. — Примеч. ред.

Прозвище стадиона «Янки», так как он был построен, в частности, на средства, вырученные от матчей, в которых участвовал знаменитый игрок местной бейсбольной команды «Нью-Йоркские янки» Дж. Рут. — Примеч. ред.

Имеется в виду шестнадцатый американский президент Авраам Линкольн. — Примеч. ред.

Город, где расположена Академия ФБР. — Примеч. ред.

Общепринятое название среднего американца, подразумевающее простой народ. —
Примеч. пер.